

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М. В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ЩЕРБИНИНА ОЛЬГА ИВАНОВНА

А. МАЛЬЦ, Г. ФАСТ, Л. ХЕЛЛМАН И СССР:

ЛИТЕРАТУРНЫЕ КОНТАКТЫ

Специальность 5.9.2 – литературы народов мира.

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор

Панова Ольга Юрьевна

Москва, 2023

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ЛИЛИАН ХЕЛЛМАН В СОВЕТСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ И ТЕАТРАЛЬНОМ МИРЕ	20
1.1. Поездки в СССР (1937-1945).....	22
1.2. Пьесы Хеллман на советской и американской сцене: антифашистская драма.....	27
1.3 Социально-психологические драмы	34
1.4. Контакты Хеллман с СССР в оттепельный период: сближение с либеральной советской интеллигенцией	42
1.5. «Из американского далека»: советская рецепция творчества Хеллман в 1960-х-1980-х гг.....	52
ГЛАВА 2. АЛЬБЕРТ МАЛЬЦ: ОТ «РЕВОЛЮЦИОННОГО ПИСАТЕЛЯ» ДО ЛИТЕРАТУРНОГО НОН-КОНФОРМИЗМА.	58
2.1. «Драматургия грядущих схваток»: Мальц и радикальная театральная традиция	59
2.2. Рассказы Мальца в СССР (1935-1946).....	66
2.3. «Узник совести»: преследования НУАС	69
2.4. Издание романов Мальца.....	77
2.5. Поездка в Советский Союз: новые контакты и новые взгляды.	88
ГЛАВА 3. ГОВАРД ФАСТ: ЛИТЕРАТУРА И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ	104
3.1. Исторические романы Г. Фаста.....	105
3.2 Литература и большая политика: конгрессы в защиту мира.....	112
3.3. Произведения 1950-х гг. и их издание в СССР.....	116
3.4. Переписка Г. Фаста с П. Павленко (12 октября 1949 – 26 апреля 1951): «Литература и действительность»	1266
3.5. Переписка Г. Фаста с К. Симоновым и Б. Полевым	132
3.6. «Кронштадтский мятеж»: разрыв с коммунизмом.....	141
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	155
1. 1930-е гг.: «Пусть сильнее грянет буря!».....	155

2. 1940-е гг.: «Война и мир»	158
3. 1950-е гг.: «до» и «после» XX съезда ЦК КПСС.	162
4. 1960-е: «Пятая колонна».....	166
5. 1970-е: «В поисках утраченного времени».....	168
БИБЛИОГРАФИЯ.....	172

ВВЕДЕНИЕ

Общая характеристика работы. Диссертация посвящена анализу советских контактов американских литераторов А. Мальца, Г. Фаста, Л. Хеллман, участвовавших в американском левом движении, и рецепции их творчества в СССР. Выбор этих трех авторов и объединение их в одном исследовании был продиктован тем фактом, что при всей индивидуальности, их творческие биографии во многом типичны для этого поколения левых американских литераторов. Писатели-современники, они пришли в литературу в «красные тридцатые», но расцвет их творчества пришелся на 1940-е и послевоенные десятилетия. Эти авторы, бесспорно, внесли значительный вклад в развитие левой и социально-критической литературы США, однако в СССР оценка их литературных достижений приобретала гипертрофированную форму. Вплоть до оттепельной «реабилитации» американских писателей именно Фаст, а не Фолкнер или Стейнбек, был для советского читателя самым крупным романистом современности, Мальц, а не Хемингуэй или Шервуд Андерсон, являлся самым талантливым писателем, работавшим в жанре рассказа, Хеллман, а не О'Нил или Теннесси Уильямс, знакомила советских зрителей с миром американской драматургии. Фаст, Мальц и Хеллман в послевоенный период стали частью сталинского канона американской литературы, который начался складываться еще в 1930-е гг., кристаллизовался в эпоху позднего сталинизма и начал рассыпаться с приходом Хрущева.

Выбор авторов диктуется уникальностью и одновременно типичностью их жизненного и творческого пути. Кейсы Хеллман, Мальца и Фаста демонстрируют сложность процесса смены идеологических и эстетических установок, протекавшего в 1940-1960-е г. и в советских, и в левых американских литературных кругах. До и во время Второй мировой войны Хеллман, Мальц и Фаст с энтузиазмом воспринимали перспективы творческого сотрудничества с СССР – и эти настроения в 1930-1940-е гг. они

разделяли со многими современниками. Однако по мере того, как после войны в СССР возникала новая «взвесь антиамериканизма, изоляционизма, ксенофобии, модернизированного консерватизма и ностальгической патриархальности»¹, а в США ширился маккартизм, усиливались репрессии против «антиамерикански настроенных» инакомыслящих, пути Хеллман, Мальца и Фаста все более расходились, и каждый из них по-своему вел поиск нового *credo* и утверждал новые ценности.

Для настоящего исследования релевантным будет вопрос, в какой мере литературные контакты с СССР являлись фактором творческого влияния на А. Мальца, Г. Фаста и Л. Хеллман, какие формы принимало это воздействие, и по каким каналам оно осуществлялось. В частности, речь идет о поездках в СССР, связях с московскими друзьями, среди которых были как партийные функционеры, так и знаменитые диссиденты, о влиянии на Мальца, Фаста и Хеллман американской левой и прокоммунистической прессы (в первую очередь это орган компартии газета «Дэйли Уоркер», журналы «Нью Мэссес», «Нью Репаблик», «Партизан Ревью», «Нейшн» и ряд др.).

В послевоенный период творческие биографии Мальца, Фаста и Хеллман представляют разные варианты послевоенной переоценки ценностей и изменения своей позиции в отношении СССР: все три автора начинали с просоветских и просталинских позиций в духе «красных тридцатых», но впоследствии (а именно, начиная с хрущевской «оттепели») отказались от поддержки социализма в его советском изводе. Такое «рenegатство» было целом характерно для большинства западных авторов, которые в 1930-е–первой половине 1940-х были настроены прокоммунистически; феномен послевоенного отхода бывших симпатизантов СССР, в том числе коммунистов, от прежних взглядов и массовое разочарование в советском эксперименте получило название

¹ *Добренко Е. А.* Поздний сталинизм: эстетика политики. М.: Новое литературное обозрение, 2020. Т. 1. С. 12.

«кронштадтского мятежа»². Корни и закономерности этого явления в среде левых американских литераторов мы исследуем в диссертации.

Степень изученности вопроса. В конце 1940-х-1960-е гг., когда в США при щедрой финансовой поддержке правительства активно развивалась советология, появилось также огромное количество исследований по истории компартии США, и шире – всего левого движения³. В тот период у исследователей и публицистов превалировало убеждение во вторичности американской левой идеологии, считалось, что вся деятельность компартии, прокоммунистических структур (клубов, кружков и др. объединений) и прессы, осуществлялась на основе директив, «спускаемых» из СССР⁴. Таким образом, американскому левому движению приписывался статус «суррогата», а его видные представители от литературы оказывались советскими марионетками или эпигонами, способными писать только по лекалам, созданным в Советском Союзе. В этот нарратив вписался тезис о том, что вся пролетарская литература не имеет художественной ценности, а является публицистикой, написанной «писателями в мундирах»⁵.

В середине 1960-х гг. школа ревизионистов отбросила представления об административно-командном функционировании левых институтов в США и их полной зависимости от СССР. Исследователи сфокусировались на истории отдельных сообществ, организаций, кружков и помимо директив и партийных циркуляров обратились к мемуарам, автобиографиям и личной

² Термин введен Луи Фишером в статье, вошедшей в сборник «Низверженный Бог», составленный Р. Кроссманом: *The God that Failed* / Ed. R. Crossman. New York: Bantam Books, 1949.

³ *Murray K. Red Scare: A Study in National Hysteria, 1919-1920*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1955; *Howe I., Coser L. The American Communist Party: A Critical History*. Boston: Beacon Press, 1957; *Draper T. The Roots of American Communism*. New York: Viking Press, 1957; *Draper T. American Communism and Soviet Russia: The Formative Years*. New York: Viking Press, 1960 и др.

⁴ Это отмечали левые интеллектуалы – публицисты, ученые, писатели, критиковавшие советологов как убежденных антикоммунистов и «антисоветчиков». См. *Aaron D. Writers on the Left: Odysseys in American Literary Communism* (1961), сборник критических эссе «Proletarian Writers of the Thirties» (1968), в котором были напечатаны статьи Л. Фидлера, Дж. Грина, И. Хоува, Дж. Конроя и др.

⁵ Это представление было сформулировано еще в 1920-е гг. и постепенно модернизировалось следующими поколениями писателей и интеллектуалов. См. Л. Д. Троцкий «Литература и революция» (1926), М. Истмен «Художники в мундирах» (1934), А. Кейзин «На своей почве: разговор о современной американской прозе» (1942), А. Шлезингер «Жизненный центр: политика свободы» (1949) и др.

корреспонденции участников левого движения. Начавшиеся еще в 1960-х гг. исследования подобного рода продолжаются до сих пор и представляют важнейший источник фактической информации для настоящей диссертации. Среди таких исследований – «трилогия» А. Уолда об истории американского левого движения⁶, монографии Дороти Галлахер «Лилиан Хеллман: властная женщина» (2014), Э. Кесслер-Харрис «Сложная женщина: непростая жизнь и времена Л. Хеллман» (2012), Дж. Сорина «Говард Фаст: жизнь и литература в левом ряду» (2012).

Работы 1960-1970-х гг., посвященные советско-западным культурным и литературным связям, нередко были отмечены публицистичностью и носили междисциплинарный характер; их хронологические рамки ограничивались в основном периодом сталинизма (конец 1920-х – начало 1950-х гг.). Одной из пионерских в этой области стала монография Дэвида Кота «Попутчики: постскрипtum к эпохе Просвещения» (1977), за которой последовало продолжение «Попутчики: интеллектуалы-друзья коммунизма» (1988). Д. Кот, рассматривавший культурные контакты в контексте политической истории, обращается к проблемам, которые стали ключевыми для исследований советско-западных контактов. В частности, он рассматривает программы культпоказов (в его терминологии, «conducted tours»), сакрализацию сталинского режима, феномен разочарования интеллектуалов в советском эксперименте. Отталкиваясь от идеи Кота об «утопическом» мышлении «попутчиков», социолог Пол Холландер в своей книге «Политические пилигримы: путешествия западных интеллектуалов в Советский Союз, Китай и Кубу в 1928–1979 годах» (1981) приходит к выводу, что «избирательное восприятие» и «техники гостеприимства» стали основой положительного мнения путешественников о советском режиме. Кроме того, Холландер уделяет особое внимание проблеме «Я» и «Другого»,

⁶ Wald A. *Exiles from a Future Time: The Forging of the Mid-Twentieth-Century Literary Left*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2002; *Trinity of Passion: The Literary Left and the Antifascist Crusade*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2007; *American Night: The Literary Left in the Era of the Cold War*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2012.

актам пересечения этой границы, феномену культурного остранения («estrangement»).

Архивный бум начала 1990-х гг., когда отечественные и западные ученые получили доступ к ранее засекреченным документам, стал важной вехой в изучении советско-американских литературных контактов. По замечанию Ш. Фицпатрик, с открытием архивов вопрос о том, выдерживают ли критику старые работы, встал особенно остро⁷. Среди исследований, основанных на архивном материале, можно выделить книгу М. Дэвида-Фокса «Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921-1941» (2011). М. Дэвид-Фокс возвращается к феномену «попутничества», рассматривая «потемкинские деревни», деятельность советских организаций, осуществлявших работу с иностранными гостями (в первую очередь ВОКС), советские ритуалы гостеприимства и культурные операции за границей. Работа Дэвид-Фокса отмечена установкой на ввод в научный оборот неопубликованных материалов, ранее недоступных исследователям.

Одновременно с монографией Дэвид-Фокса выходит книга Катерины Кларк «Москва, четвертый Рим: сталинизм, космополитизм и развитие советской культуры, 1931-1941» (2011). В своем культурологическом исследовании Кларк избегает публицистичности: отказывается от описания сталинских злодеяний, ее в меньшей степени интересуют темы «вины» западной интеллигенции за политическую близорукость. В фокусе ее внимания оказываются понятия «транснационализм», «космополитизм», «мировая литература», определявшие культурную повестку СССР в 1930-е гг.

Начиная с 1990-х, и особенно в течение 2000-х гг. взаимоотношения США и СССР в области литературной и, шире, культурной политики стали предметом многочисленных российских исследований. Зачастую такие

⁷ Fitzpatrick S. Impact of the Opening of Soviet Archives on Western Scholarship on Soviet Social History // The Russian Review. 2015. Vol. 74. No. 3. P. 377.

работы посвящены отдельным авторам, например, Джону Стейнбеку⁸, Теодору Драйзеру⁹, Джону Дос Пассосу¹⁰. В этот период появляются многочисленные статьи и монографии отечественных историков, например: «Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов» (1998), «Взгляд на землю обетованную»: из истории советской культурной дипломатии» (2004) А.В. Голубева, «Иностранцы о Советском Союзе 1920-1930-х гг.» (2004), «Новый мир глазами старого. Советская Россия 1920-1930-х годов глазами западных интеллектуалов» (2013) Г.Б. Куликовой, «Очерки номенклатурной истории советской литературы. Западные пилигримы у сталинского престола (Фейхтвангер и другие)» (2004) Л.В. Максименкова. Тема советско-американских контактов активно разрабатывается в ИМЛИ РАН и «Пушкинском доме» (ИРЛИ РАН). Академические труды базируются на тщательном изучении архивных документов и отличаются кропотливым восстановлением историко-литературного контекста. Среди таких монографий можно выделить «Диалог писателей. Из истории русско-французских культурных связей XX века» (2002), «На переломе: образы России прошлой и современной в культуре, литературе Европы и Америки» (2011), «Русская литература в зеркалах мировой культуры» (2015), «Постижение Запада. Иностранная культура в советской литературе, искусстве и теории. 1917-1941 гг. Исследования и архивные материалы» (2015), «Россия-Германия: литературные встречи (1880-1945)». Отдел взаимосвязей русской и зарубежной литератур «Пушкинского дома» подготовил серию коллективных трудов «Из истории

⁸ *Жданова Л.И.* Писатель Джон Стейнбек и СССР. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2016; *Жданова Л.И.* «Русский дневник» Джона Стейнбека в советской оптике. Публикация материалов фондов спецотдела ВОКСа Государственного архива РФ. М.: Издательские решения, 2016.

⁹ *Панов С.И., Панова О.Ю.* Теодор Драйзер в СССР: заметки к теме // Новые российские гуманитарные исследования. Электронный журнал ИМЛИ РАН. 2014. № 9. URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/272/> и ряд других статей этих исследователей.

¹⁰ *Салманова Е.М.* Джон Дос-Пассос и Россия. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1997; *Салманова Е.М.* Несколько писем из середины 30-х (неизвестная переписка Джона Дос Пассоса, Сергея Динамова и Уолта Кармона) // Новое литературное обозрение. 1993. № 4. С. 243 – 255.

международных связей русской литературы»¹¹. На сегодняшний день вышло десять сборников; в двух последних, посвященных 1920-м и 1930-м гг.¹², исследуются рецепция произведений иностранных авторов советской критикой, переводы и организация переводного книгоиздания, поездки зарубежных интеллектуалов в СССР и многое другое. Проект продолжается, начата работа над коллективным трудом по советско-западным связям конца 1940-х–начала 1950-х. В целом, на данный момент можно констатировать, что довоенный период в истории советско-западных контактов в отечественной и зарубежной науке уже достаточно подробно изучен, в то время как серьезное исследование послевоенных контактов только начинается. Это касается и американских писательских контактов с СССР 1950-1970-х гг. Среди немногочисленных работ по советско-американским литературным связям «оттепельного» периода можно выделить книгу «Бит-поколение и русская новая волна» (1990), представляющую собой серию интервью американских «битников» (Л. Ферлингетти, А. Гинзберг, М. Макклур, Г. Снайдер) и советских «шестидесятников» (Б. Ахмадулина, В. Аксенов, А. Битов, А. Гладилин, Б. Окуджава, А. Вознесенский). Эти движения, зародившиеся по разные стороны океана примерно в одно и то же время, обнаруживают типологические сходства, которые авторы книги – И.Т. Лоридсен и П. Дэлгард, демонстрируют читателю. Кроме того, к теме послевоенных советско-американских литературных контактов обращались специалисты в области журналистики, как, например, Д. Файнберг в монографии «Корреспонденты холодной войны: советские и американские репортеры на линии идеологического фронта» (2021), Ф. С. Сондерс в исследовании «ЦРУ и мир искусств: культурный фронт холодной войны» (1999). Среди отечественных исследований отметим работы К. Р. Буйновой

¹¹ Помимо этой серии стоит отметить проект «Филологический перевод» в Советской России 1930-х гг. См. Художественно-филологический перевод 1920-1930-х годов / Сост. М.Э. Баскина. СПб.: Нестор-История, 2021.

¹² XX век. Двадцатые годы: Из истории международных связей русской литературы / Отв. ред. Г. А. Тиме. СПб: Наука, 2006; XX век. Тридцатые годы: Из истории международных связей русской литературы / Отв. ред. Г. А. Тиме. СПб: Нестор-История, 2013.

по истории Иностранной комиссии ССП в послевоенное время¹³ и связям латиноамериканских писателей с СССР¹⁴, М. М. Гудкова о драматургии и театральные контакты 1940-1960-х¹⁵, коллективный труды «Россия-Германия: литературные встречи (после 1945 года)»¹⁶, «Путешествие в Италию – путешествие в Россию»¹⁷.

Переходя к «героям» настоящей диссертации, необходимо отметить, что взаимоотношения Мальца, Хеллман и Фаста с СССР, продолжавшиеся вплоть до 1970-х гг., не становились предметом углубленного анализа. Периодически об этих авторах упоминалось в работах американских славистов и советологов, исследовавших советскую цензуру и то, как она конструировала образ американской литературы, превознося «классово близких» писателей, и в то же время, оставляя за бортом идеологических врагов. Например, в монографии Деминга Брауна «Американская литература в Советском Союзе» (1962) отдельная глава посвящена Г. Фасту и А. Мальцу. Анализируя внушительный массив советской критики, Браун приходит к выводу, что после Второй мировой войны Фаст и Мальц наряду с менее известными Л. Брауном и А. Сакстеном входили в четверку «прогрессивных» американских писателей, фактически представлявших всю американскую литературу в СССР.

В 1977 г. выходит книга авторитетного американского слависта Мориса Фридберга «Десятилетие эйфории: западная литература в постсталинской России», в которой предпринимается попытка

¹³ Буйнова К.Р. Иностранная комиссия Союза писателей СССР в 1950-е гг. // *Studia Litterarum*. 2022. Т. 7, № 3. С. 406–429.

¹⁴ Буйнова К.Р. Марио Варгас Льюса в Советском Союзе (к 85-летию писателя) // *Латинская Америка*. 2021. № 7. С. 83–93; Буйнова К.Р. «Типичные буржуазные интеллигенты» и «большие друзья Советского Союза»: писатели Латинской Америки в СССР времён оттепели // *Концепт: философия, религия, культура*. 2021. № 5 (3). С. 162–176.

¹⁵ Гудков М. М. Первый советский «Трамвай желание» // *Современная драматургия*. 2021. № 1. С. 237–246; «Железный занавес» Бродвея: пьеса К. Симонова «Так и будет!» в США (1947) // *Вопросы театра*. 2020. № 1-2. С. 296–315 и мн. др.

¹⁶ *Россия-Германия: литературные встречи (после 1945 года)* / Отв. ред.-сост. Т.В. Кудрявцева, А.А. Стрельникова. М.: ИМЛИ РАН, 2022.

¹⁷ *Путешествие в Италию - путешествие в Россию: Сб. статей по материалам итало-российских исторических конференций* / Отв. ред. Е. В. Крупнина. М.: ООО Типография ВП-Принт, 2014.

проанализировать восприятие в Советском Союзе всей западной литературы в годы «оттепели» (1955 – 1964 гг.). Фридберг пишет панорамную картину, на которой фигуры Мальца, Фаста и Хеллман появляются лишь несколько раз, поскольку интерес для автора представляют не персоналии, а культурные и институциональные практики.

В постсоветское время примером исследования по теме, вынесенной в заглавие диссертации, может служить статья Россена Джагалова «Говард Фаст и международная культура левого крыла литературы» (2009). Вооружившись методологическим аппаратом транснациональных исследований, Джагалов обращается к рассмотрению международной левой культуры и обнаруживает, что Фаст как писатель не является изобретением советской пропаганды. Еще до «советской канонизации» произведения Фаста стали бестселлерами в Аргентине, Франции, Дании, Нидерландах и странах восточного блока.

К актуальной для диссертации проблеме российские исследователи обращались всего несколько раз. В 1992 г. А. Петров опубликовал фрагменты переписки Б. Полевого с Фастом по поводу выхода последнего из компартии США¹⁸. Затем появилось исследование «литературного разрыва» Фаста с СССР Г.В. Костырченко¹⁹, основанное на материалах РГАНИ; фонды РГАЛИ, однако, в нем не использовались²⁰. О контактах Хеллман с СССР, а именно, с многолетней подругой по переписке Раисой Орловой, писала В.Н. Абросимова в статье «Мосты: русско-американские литературные связи Раисы Орловой полвека спустя» (2019). Кроме того, о первой поездке Хеллман в Москву упоминала Г.В. Лапина в статье «Американские паломники в театральной Мекке», обращая особое внимание на то, как

¹⁸ Петров А. «Эх, Говард!» (История одного неотправленного письма) // Знамя. 1992. № 8. С. 163-186.

¹⁹ Костырченко Г. В. «Эх, Говард!..». URL: https://lechaim.ru/ARHIV/208/kostirchenko.htm#_ftn7 (дата обращения: 01.07.2022).

²⁰ См. также Костырченко Г. В. Сталин против космополитов. Власть и еврейская интеллигенция. М.: РОССПЭН. 2009; Костырченко Г. В. Тайная политика Хрущёва: власть, интеллигенция, еврейский вопрос. М.: Международные отношения, 2012.

драматург игнорировала «страшную правду о терроре», захлестнувшим в то время страну²¹.

Современные исследования о жизни и творчестве А. Мальца, Г. Фаста, Л. Хеллман ведутся на Западе, однако в фокусе внимания оказываются не их литературные контакты с СССР, а, например, поэтика их произведений²², а также их голливудская деятельность, экранизация их пьес и романов²³. При этом если Фасту и Хеллман уделяется достаточно много внимания, то о Мальце и в США опубликовано очень мало работ²⁴.

Исследовательская традиция, на которую мы опираемся в диссертации, включает отечественные постсоветские работы и западные статьи и монографии, посвященные Фасту, Хеллман и Мальцу, советско-американским и, шире, советско-западным литературным связям. Советская критика вплоть до 1980-х гг. является объектом нашего изучения. Публикации Р. Д. Орловой, Л. Д. Кисловой, М. О. Мендельсона, А. А. Елистратовой, Ал. Абрамова, Б. Р. Изакова, А. А. Аникста, С. Гансовского и др. рассматриваются как материал, на основе которых восстанавливается атмосфера и духовный климат эпохи, изучается рецепция творчества и биографии американских авторов, способы создания и трансформации их образа, их литературной репутации в СССР.

Обращаясь к работам советских литературоведов и критиков почти с полувековой дистанции, мы обнаруживаем следующую динамику. С конца 1930-х вплоть до 1950-х советские критики активно знакомили читателя с творчеством Мальца, Фаста и Хеллман, подчеркивая их вклад в борьбу за

²¹ Лапина Г. В. Американские паломники в театральной Мекке // *Rossica. Литературные связи и контакты*. 2022. № 2. С. 127.

²² *Macdonald A.* Howard Fast: A Critical Companion. Michigan: Greenwood Press, 1996; *Ritchie D. Watson Jr.* Lillian Hellman's "The Little Foxes" and the New South Creed: An Ironic View of Southern History // *The Southern Literary Journal*. 1996. Vol. 28. No. 2. P. 59-68; *Cuenca M., Seguro M.* 'Making Something Out of Nothing': Lesbianism as Liberating Fantasy in "The Children's Hour" // *Atlantis*. 2008. Vol. 30. No. 1. P. 115-127.

²³ *Westbrook B.* Fighting for What's Good: Strategies of Propaganda in Lillian Hellman's "Negro Picture" and "The North Star" // *Film History*. 1990. Vol. 4. No. 2. P. 165-178; *Zheutlin B., Talbot D.* Albert Maltz: Portrait of a Hollywood Dissident // *Cineaste*. 1978. Vol. 8. No. 3. P. 2-15.

²⁴ См. например, *Burnett C.* The "Albert Maltz Affair" and the Debate over Para-Marxist Formalism in New Masses, 1945-1946 // *Journal of American Studies*. 2014. Vol. 48. No. 1. P. 223-250.

мир. После выхода Фаста из компартии его творчество было предано забвению. Про Мальца по инерции продолжали писать вплоть до 1970-х гг., в частности, ему была посвящена одна из глав учебника «История американской литературы» (1971) под ред. Н. И. Самохвалова. В 1960-х – 1980-х гг. наблюдается всплеск интереса к фигуре Хеллман: в СССР выходит около десятка статей о ее поздних пьесах и мемуарах, защищаются диссертации²⁵. А.С. Ромм посвятила отдельную главу своей книги «Американская драматургия первой половины XX века» (1978) драматургическому наследию Хеллман.

Таким образом, опираясь на пока еще не слишком многочисленные исследования, посвященные советско-американским литературным контактам и советской рецепции американской литературы в послевоенный период, мы рассчитываем внести посильный вклад в эту область изучения, обратившись к трем фигурам, которые занимали важное место в культурном и литературном ландшафте США и СССР 1940-1960-х гг.

Научная новизна работы. В диссертации мы обращаемся к авторам, до сих пор остававшимся в тени своих знаменитых современников (например, Дж. Дос Пассоса, Э. Хемингуэя, Дж. Стейнбека, которые долгие годы пользовались огромной популярностью у исследователей-американистов, затмевая более скромные фигуры). Дефицит работ, посвященных Фасту, Мальцу и Хеллман, обусловлен и тем, что они поддерживали интенсивные контакты с СССР во время холодной войны и «оттепели», т.е. в послевоенный период, серьезное изучение которого, в отличие от периода довоенного, пока только начинается. В научный оборот впервые вводятся неизданные документы и материалы. Большинство из них отложено в РГАЛИ – в фонде Иностранной комиссии Союза советских писателей, а также в личных фондах К. М. Симонова, М. Я. Аплетина, С. М.

²⁵ Воронченко Т.В. Социально-психологическая драма Л. Хеллман: дис. ... канд. филол. н. Моск. обл. пед. ин-т им. Н.К. Крупской. М., 1978; Шатина Л.П. Драматургия Лилиан Хеллман в развитии социальной драмы Америки 30-50-х годов XX века: дис. ... канд. филол. н. Ленинград, 1983.

Эйзенштейна, Р. Д. Орловой, С. Г. Бирман и др. Кроме того, в систематизированном виде мы представляем обширные материалы прессы, посвященные творчеству Фаста, Мальца и Хеллман, которые были собраны в ходе освоения внушительного массива советской и американской периодики за более чем пятидесятилетний период (конец 1930-х – начало 1980-х гг.), отбора и каталогизирования релевантных публикаций (интервью, послания, обращения, открытые письма, статьи, рецензии и т.д.).

Актуальность исследования. В последние два десятилетия наблюдается всплеск интереса к послевоенным западно-советским и советско-американским связям. Международные литературно-культурные контакты «оттепели» и позднесоветской эпохи были тесными и необычайно плодотворными, однако до сих пор эта перспективная область исследования представляет собой «лауну», заполнить которую необходимо историкам литературы.

Предмет исследования – литературные контакты А. Мальца, Г. Фаста и Л. Хеллман с Советским Союзом. **Объект исследования** – художественные и нефикциональные сочинения А. Мальца, Г. Фаста и Л. Хеллман, а также совокупность документальной, литературно-критической, публицистической и мемуарной литературы, относящейся к теме их литературных связей с Советским Союзом.

Материалом исследования послужили художественные и публицистические произведения Мальца, Фаста и Хеллман, их устные и печатные выступления; обширный историко-литературный материал, включающий в себя документы, сохранившиеся в фондах РГАЛИ и других московских архивах (отчеты гидов, переписка литераторов с редакцией журнала «Интернациональная литература», Иностранной комиссии Союза Писателей); материалы советской и американской прессы, литературная критика, мемуарные и автобиографические источники.

Цель исследования – комплексное изучение советских контактов и их влияния на творчество американских писателей А. Мальца, Г. Фаста, Л.

Хеллман с Советским Союзом на протяжении почти сорока лет их творческой биографии. Данная цель определила **задачи исследования**:

1. Рассмотреть историю контактов А. Мальца, Г. Фаста, Л. Хеллман с деятелями советского искусства и литературы, с советскими литературными институциями и определить, как рабочие и личные отношения повлияли на репутацию этих литераторов в СССР;

2. Рассмотреть переводы произведений А. Мальца, Г. Фаста, Л. Хеллман и советскую издательскую политику в отношении этих авторов, рецепцию их творчества, конструирование их образов в советской литературной критике и динамику их литературной репутации;

3. Проанализировать разницу советского и американского восприятия прозы, драматургии и публицистики А. Мальца, Г. Фаста, Л. Хеллман на материале критических статей, рецензий и откликов в прессе;

4. Рассмотреть, какое влияние активная общественная позиция А. Мальца, Г. Фаста, Л. Хеллман оказала на их творчество, тематику и поэтику произведений и на их литературную репутацию в СССР;

5. Проанализировать эволюцию отношения А. Мальца, Г. Фаста, Л. Хеллман к СССР и выявить причины изменения их взглядов и оценок, установить взаимосвязь этих изменений с эволюцией их творчества.

Методология. Методологическую основу диссертации составляет историко-литературный подход. Работая не только с художественными текстами, но и эпистолярием, архивными документами, периодикой и прочими вспомогательными историко-литературными материалами, мы также применяли источниковедческие методы. Рассматривая (в отличие от историков) биографию и творчество Мальца, Фаста и Хеллман, их рецепцию, переводы, издания в СССР, их советские контакты как полноценный магистральный сюжет, относящийся к области истории литературы (не как часть более широкой панорамы социальной истории), мы обращались к теории литературы (проблемы поэтики, жанра, стиля, литературного

направления и т.д.). Использовались также элементы интердисциплинарного подхода (обращение к методам имагологии и культурологи).

Положения, выносимые на защиту:

1. Жизненный и творческий путь Хеллман, Мальца и Фаста, при всей индивидуальности, во многом типичен для левых американских писателей их поколения, что позволяет объединить этих трех литераторов в одном исследовании. На годы их творчества пришлись кардинальные идеологические, политические и культурные сдвиги в отношениях США и СССР, которые во многом предопределили идейную и творческую эволюцию этих авторов.

2. Отношение Мальца, Хеллман и Фаста к СССР постепенно менялось на протяжении 40 лет (1930-1970-е гг.). Все три автора прошли путь из лагеря друзей Советского Союза в лагерь его критиков, хотя траектория их творческого пути вовсе не была линейной: периоды сближения и приятия чередовались с отторжением и дистанцированием.

3. Сочинения Хеллман, Фаста и Мальца, которые максимально соответствовали советским ожиданиям и установкам в тематике, проблематике и эстетике, оказались наименее значимыми в их литературном наследии и зачастую вредили их популярности у читателей и издателей на родине.

4. Интерес советских литературных институций к Мальцу, Хеллман и Фасту был стабильно высок на протяжении 1930-1950-х гг. Масштаб их литературных достижений сознательно преувеличивался советскими критиками, которые стремились проиллюстрировать тезис о том, что прежде всего «прогрессивные» писатели с революционным мировоззрением определяют облик современной американской литературы.

5. С 1960-х гг. Мальц, Фаст и Хеллман прониклись глубокой симпатией к поискам и ценностям либеральной советской

интеллигенции и поддерживали контакты с рядом ее представителей. Хеллман и Мальц разделяли чаяния своих советских друзей, надеявшихся на десталинизацию и демократизацию СССР после XX съезда КПСС.

6. Изменение общественно-политической позиции Хеллман, Фаста и Мальца оказывало существенное влияние на их творческую эволюцию, на тематику и поэтику их произведений начиная с рубежа 1950-х-1960-х гг.

Теоретическая значимость исследования состоит в разработке функциональной модели, которая описывает общие закономерности творческой и идейной эволюции левых американских литераторов этого поколения: начав свой путь в 1930-е гг. как сторонники советской идеи, в послевоенный период они приходят в той или иной форме к «кронштадтскому мятежу» и смене идеологических и художественных ориентиров. Прослеживая разные этапы в развитии отношений Мальца, Фаста, Хеллман и СССР и предлагая периодизацию их творческого пути, мы вскрываем причины и условия, порождающие эту модель писательской биографии. Тем самым исследование вносит вклад в разработку теоретических вопросов, относящихся к реконструкции и анализу некоторых закономерностей, определявших ход литературно-культурной коммуникации США и СССР на протяжении 1930-1970-х гг.

Практическая значимость работы. Достигнутые в ходе работы результаты могут представлять интерес для разработчиков учебных курсов по истории зарубежной литературы, истории американской литературы XX в., истории советской литературы. Результаты исследования могут использоваться для подготовки вступительных статей и справочного аппарата к изданиям художественных и автобиографических произведений Фаста, Мальца и Хеллман, поскольку многие из них до сих пор не переведены на русский язык.

Апробация диссертации. Результаты исследования были представлены в докладах на международных научных конференциях: «“Драматургия грядущих схваток”: рецепция пьес Альберта Мальца в СССР» на III Международной научной конференции «Западно-советские литературные контакты (1917-1990)» (Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, 2021); «Регионалистские драмы Лилиан Хеллман на советской сцене (1940-1950-е): режиссерские трактовки и критическая рецепция» на XXVIII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов 2021» (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, 2021).

Основные положения исследования отражены в 6 публикациях, 5 из них – в журналах, рекомендованных МГУ имени М.В. Ломоносова.

Статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ им. М.В. Ломоносова:

1. Щербинина О.И. Альберт Мальц и русская литература: рецепция, анализ, критика // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Филология. Журналистика». 2020. Т. 20. № 3. С 326-331. Импакт-фактор РИНЦ 2021: 0,328.
2. Щербинина О.И. Исход шайеннов и линчевание негров: рецепция исторических романов Говарда Фаста в СССР // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Литературоведение. Журналистика». 2021. Т. 26. № 2. С. 217-226. Импакт-фактор РИНЦ 2021: 0,199.
3. Щербинина О.И. Лилиан Хеллман в советском театральном мире // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т 13. № 2. С. 132-141. Импакт-фактор РИНЦ 2021: 0,295.
4. Щербинина О.И. Советский Союз в мемуарах Лилиан Хеллман // Филологический класс. 2021. Т. 26. № 4. С. 284-290. Импакт-фактор РИНЦ 2021: 0,444.

5. Щербинина О.И. Переписка Говарда Фаста с советскими писателями: диалог о литературе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2022. № 3. С. 112-117. Импакт-фактор РИНЦ 2021: 0,356.

Публикации в других научных изданиях:

6. Щербинина О.И. Альберт Мальц и Раиса Орлова (1960-е-1970-е) // Литература двух Америк. 2020. № 8. С. 171-234. Импакт-фактор РИНЦ 2021: 0,111.

Структура диссертации. Диссертация состоит из Введения, трех глав, Заключения и Библиографии. Каждая из трех глав предваряется краткой преамбулой; первая глава посвящена Л. Хеллман, вторая – А. Мальцу, третья – Г. Фасту. Главы строятся по хронологическому принципу, что позволяет реконструировать траектории творческого пути авторов и логику выстраивания их отношений с СССР. В развернутом концептуальном Заключении дается периодизация их творчества, в основу которой положена история их советских контактов, и предлагается функциональная модель, суммирующая общие закономерности идейной и творческой эволюции левого американского писателя этого поколения. Библиография диссертации насчитывает 293 позиции.

ГЛАВА 1. ЛИЛИАН ХЕЛЛМАН В СОВЕТСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ И ТЕАТРАЛЬНОМ МИРЕ

Сценический дебют американского драматурга Лилиан Хеллман (1905-1984) пришелся на «красные тридцатые». В это время в Нью-Йорке с успехом идут пьесы с выраженной социально-политической проблематикой, например, «В ожидании Лефти» (1935) К. Одетса, «Восторг идиота» (1936) Р. Шервуда. Именно на таком фоне Хеллман выступает с пьесой «Детский час» (1934), в которой главных действующих лиц – хозяек пансиона для девочек, ложно обвиняют в противоестественном чувстве друг к другу. Казалось бы, строящийся вокруг лесбийских отношений сюжет – неподходящий материал для драматурга, пьесы которого будут ставиться на советской сцене на протяжении двадцати лет. Однако именно Хеллман в числе очень немногих авторов представляла американский театральный мир в СССР на протяжении 1940-х, а затем и в эпоху оттепели вплоть до 1970-х гг.

Вопрос о том, состояла ли Хеллман в компартии США, остается открытым. Доподлинно известно, что на заседании Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности в 1952 г. она отрицала свою принадлежность к партии²⁶. Тем не менее, на протяжении многих лет Хеллман оказывала разнообразную поддержку левым организациям, выступала в защиту интербригад в Испании, входила в состав Национального совета американо-советской дружбы, была членом Лиги американских писателей, тесно общалась со многими членами КП США, в частности, состояла в отношениях с писателем-коммунистом Дэшилом Хэмметом²⁷.

В творческое наследие Хеллман входят 10 пьес²⁸ и три мемуарных текста. На пике своей драматургической карьеры, пришедшемся в США на

²⁶ Not Now Communist, Lillian Hellman Says // Associated Press. 1952. May 22.

²⁷ Дэшил Хэммет (1894-1961) – американский писатель, автор детективных романов, фигурант «черного списка» Голливуда. Экс-агент детективного агентства «Пинкертон», бросивший карьеру сыщика ради писательского ремесла.

²⁸ «Детский час» (The Children's Hour, 1934), «Настанет день» (Days To Come, 1936), «Лисички» (The Little Foxes, 1939), «Стража на Рейне» (Watch on the Rhine, 1941), «Порыв ветра» (The Searching Wind, 1944), «За лесами» (Another Part of the Forest, 1946), «Монсеррат» (Montserrat, 1949), «Осенний сад» (The Autumn Garden, 1951), «Игрушки на чердаке» (Toys in the Attic, 1960), «Моя мать, мой отец и я» (My Mother, My Father and Me, 1963).

1940-1950-е гг., Хеллман превзошла современных ей женщин-драматургов (Р. Крозерс, С. Гласпелл, К.Б. Люс), проложив себе дорогу в мир театра. На какое-то время она оказалась в одном ряду с признанными классиками Т.Уильямсом и А. Миллером²⁹.

В конце 1960-х гг. Хеллман удалось начать «вторую литературную карьеру» – уже в амплуа мемуариста, а не драматурга. Ее книги «Незавершенная женщина» (*An Unfinished Woman*, 1969), «Пентименто» (*Pentimento*, 1973), «Время негодяев» (*Scoundrel Time*, 1976) вызвали прямо противоположные критические оценки. Поклонники ее таланта сокрушались, полагая, что воспоминания такого видного автора, как Хеллман, могли бы оказаться намного объемнее, чем «112 страниц автобиографического текста, 97 страниц дневниковых записей, 68 страниц портретных зарисовок»³⁰. Недоброжелатели обвиняли Хеллман в подмене фактов, украшательстве, и даже в откровенной лжи. Дело дошло до курьеза. На ток-шоу Дика Каветта Мэри Маккарти³¹ аттестовала Хеллман как «плохого, переоцененного и нечестного автора». За это Хеллман подала на нее в суд, потребовав 2, 5 миллиона долларов компенсации морального ущерба³².

В СССР Хеллман завоевала известность исключительно как драматург. Международный язык театра был понятен советскому зрителю: изображение борьбы страстей, разбитых надежд, «растерянности перед крутыми поворотами истории»³³ не требовало особых справок и комментариев. Этого нельзя сказать о мемуарах, на каждой странице которых читатель встречается с незнакомыми именами голливудских режиссеров, актрис, театральных критиков, владельцев издательских фирм, сенаторов, адвокатов. Задевшие

²⁹ *May T. (Re)placing Lillian Hellman: Her Masculine Legend and Feminine Discourse // Journal of American Drama and Theatre. 1999. Vol. 11. No. 2. P. 17.*

³⁰ *Lehmann-Haupt Ch. The Incomplete Lillian Hellman // New York Times. 1969. 30 June.*

³¹ Мэри Маккарти (1912-1989) – американская писательница и публицист, жена Эдмунда Уилсона. Выступала с критикой Советского Союза. Придерживаясь левых взглядов, она до конца жизни оставалась убежденной антисталинисткой.

³² Подробнее об этом скандале см. *Ackerman A. Just Words: Lillian Hellman, Mary McCarthy, and the Failure of Public Conversation in America. Yale University Press, 2011.*

³³ *Ромм А. Лилиан Хеллман // Американская драматургия первой половины XX века. Л.: Искусство. 1978. С. 200.*

столь многих американцев – участников и свидетелей описываемых событий, мемуары Хеллман так и не были полностью переведены на русский язык.

1.1. Поездки в СССР (1937-1945).

В Советском Союзе Лириан Хеллман побывала четыре раза: в 1937-м, в военном 1944-м, после двадцатилетнего перерыва – в 1966 г. В последний раз писательница приезжала в СССР в мае 1967 г.

О первом визите Хеллман в СССР практически не осталось свидетельств. В 1937 г. она была еще малоизвестным драматургом, поэтому ее прибытие на международный театральный фестиваль в сентябре по линии ВОКС (Всесоюзного общества культурной связи с заграницей) осталось незамеченным советскими журналистами. Кроме того, начало Большого террора способствовало тому, что число гостей и освещение этого события в прессе оказались гораздо более скромными в сравнении с предшествующими фестивалями 1934, 1935, 1936 гг.

Фестиваль 1937 г. состоял из трех туров: первый (1-10 сентября) проводился в Москве, второй (11-15 сентября) в Ленинграде, третий – в Киеве, Харькове и Ростове³⁴. В газете «Правда» еженедельно печатались короткие заметки о насыщенной культурной программе иностранных гостей, состоявшей, по большей части, из посещения постановок классических и советских пьес, таких, как «На всякого мудреца довольно простоты» Островского, «Много шума из ничего» Шекспира, «Егора Булычева» Горького, «Года 19-го» И. Прута. Удивительно, но программа мероприятий не включала «Гамлета», о котором Хеллман пишет в своих мемуарах: «Московский театральный фестиваль мне не понравился. Исключением была постановка “Гамлета”, в которой толстый молодой человек, находящийся в состоянии оцепенения, играл роль принца»³⁵.

³⁴ Три тура театрального фестиваля // Советское искусство. 1937. 23 августа.

³⁵ В 1937 г. на сцене московских театров не показывали «Гамлета». Постановка Н. Акимова в театре им. Вахтангова (1932) была к тому времени снята, а премьера спектакля Радлова еще не

Возможно, однако, что Хеллман видела «Гамлета» в Киеве, Харькове или Ростове.

Программа гостей фестиваля была пошагово регламентирована и не выходила за рамки сталинского ритуала культпоказов. Поэтому неудивительно, что Хеллман, оказавшись в Москве в разгар партийных чисток, могла что-то узнать о них только по слухам, циркулировавшим в кругах американских дипломатов, журналистов, бизнесменов, командированных в то время в СССР. В книге воспоминаний «Незавершенная женщина» она замечает: «Я даже не знала, что в то время свирепствовали партийные чистки. Потом я часто задавалась вопросом, как такое могло произойти. Я виделась со многими дипломатами и журналистами, но все они, кроме Уолтера Дюранти и Джозефа Барнса, несли какую-то чушь. Поэтому было невозможно уразуметь, кто выдвигает настоящие обвинения, а кто клеветает из ненависти»³⁶. На охочую до приключений Хеллман театральный фестиваль не произвел впечатления. О нем в мемуарах мы находим лишь пару скупых строк, масштаб которых несопоставим с детализированным «испанским дневником» - воспоминаниями писательницы о поездке в Валенсию осенью 1937 г.

В 1944 г. Хеллман отправилась в СССР с союзнической миссией осветить события на восточном фронте. К тому времени она уже была известна как сценарист просоветского голливудского фильма Л. Майлстоуна «Северная звезда» (The North Star, 1943), прославляющего партизанскую борьбу украинских колхозников против фашистских захватчиков. В 1944 г. фильм шел в прокате в московских кинотеатрах, при этом на афишах непременно стоял подзаголовок «сегодня и ежедневно».

Чтобы добраться до Москвы, писательнице пришлось пересечь всю Сибирь на малогабаритном самолете. Во время Второй мировой войны по

состоялась. «Гамлета» показывали только провинциальные театры, например, Горьковский областной драматический театр, Узбекский государственный драматический театр.

³⁶ *Hellman L. Three: An Unfinished Woman; Pentimento; Scoundrel Time.* Boston, MA; Toronto: Little, Brown, 1979. P.91.

этой авиатрассе, пролегающей через Чукотку, Колыму, Якутию, Красноярск, из Аляски перегоняли боевые самолеты по ленд-лизу³⁷. Стоит отметить, что попасть в Москву можно было и по менее опасному «персидскому коридору», пролегавшему через Иран. А вот тихоокеанский маршрут, по которому весной 1941 г. путешествовали в Китай и СССР Э. Колдуэлл со своей женой М. Берк-Уайт, уже давно был перекрыт японцами.

В «Незавершенной женщине» Хеллман описывает поездку 1944 г. в подчеркнуто комическом тоне, заостря внимание на бытовых и физиологических подробностях. В целом, описания телесных страданий (вши и клопы, холод и голод, невозможность принять душ и даже умыться) являются общим местом травелогов авторов, в разное время посетивших СССР. В этом отношении Хеллман пишет в традиции путевых заметок и дневников Т. Драйзера, Д. Томпсон, П. Трэверс и др. Ее полушутливая и кокетливая манера подачи материала разительно отличается от похожих на социологические этюды, оснащенных громоздкими теоретическими построениями текстов Анны Луизы Стронг, Сидни и Беатрис Вебб, Юджина Лайонса. Так, вместо того чтобы размышлять о темпах индустриализации и достижениях социализма, Хеллман живописует свои мытарства в поисках слабительного, которое не сыщешь в сибирских больницах, и с гордостью докладывает об успехах своего самопровозглашенного переводчика Коли – механика экипажа, обращавшегося к ней «мисс Хелл» (Hell).

В московском аэропорту Хеллман встретил С. Эйзенштейн, сопроводивший ее в гостиницу «Националь». Вскоре писательница переехала в особняк Второва по приглашению посла Аравелла Гарримана. Контакты Хеллман с американцами, пребывавшими в то время в СССР, досконально восстановлены зарубежными исследователями на основе личной переписки Хеллман с ее возлюбленным Джоном Мелби дневниковых

³⁷ Быстрова И. В. СССР и США: сотрудничество на авиатрассе Аляска-Сибирь (1941-1945 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23. № 1. С. 77-83.

записей дочери посла Кэтлин Гарриман и его помощника Роберта Мейклдждона³⁸.

По наблюдениям Хеллман, в Москве американцы жили своеобразным анклавом. Тем не менее, она не ограничивалась общением с соотечественниками, и ее связи с русскими литераторами, деятелями искусства, партийными работниками оказались достаточно разветвленными. В круг общения Хеллман входили Р.Д. Орлова, С.М. Эйзенштейн, К.М. Симонов, Ф.Г. Раневская, актеры и режиссеры Н.П. Охлопков, С.Г. Бирман и др. С театральными деятелями Хеллман объединила работа над постановками ее пьес «Семья Фарелли теряет покой» (в США пьеса шла под названием «Стража на Рейне» – *Watch on the Rhine*, 1941) и «Лисички» (*Little Foxes*, 1939).

Если о своих пьесах Хеллман не упоминает в мемуарах, то поездку на фронт в компании Раисы Орловой она описывает в мельчайших подробностях. 27 декабря Хеллман и Орлова сели в поезд, направлявшийся в Люблин через Киев. В целом путешествие заняло около двух недель – возвращение в Москву американской гостьи пришлось на 9 января. Поскольку иностранные писатели и журналисты нечасто посещали фронт, это событие получило освещение в американской прессе³⁹. Сразу после возвращения на родину Хеллман опубликовала заметку «Я видела русских на фронте» в журнале «*Collier*». Как и в своих мемуарах, в статье она сетует на тяготы и лишения, преследующие путников в военное время: «За пять дней, в течение которых наш поезд медленно полз по опустошенной стране... я поняла, что мыть руки снегом больно, а чистить зубы холодной заваркой

³⁸ См. *Newman R. P. The Cold War Romance of Lillian Hellman and John Melby. Chapel Hill, NC. University of North Carolina Press, 1989.*

³⁹ В советской прессе о поездке Хеллман на фронт не упоминалось. Однако вышел ряд материалов, посвященных ее литературной и театральной деятельности. См. Война и литература: Беседа с Лилиан Хеллман // Литературная газета. 1944. 2 декабря; Лилиан Хеллман в Театре драмы // Советское искусство. 1944. 19 декабря. Много позже – к тридцатилетней годовщине победы в журнале «Ровесник» были опубликованы статьи о пребывании Хеллман на фронте и ее поддержке СССР. См. *Фримен Г. Вновь преклониться перед памятью отважных... // Ровесник. 1975. № 5. С. 17-18; Вишневецкая С. Хемингуэй: «... В неоплатном долгу перед красной армией» // Ровесник. 1975. № 6. С. 17-19.*

немногим лучше. Я устала от рыбных консервов и застарелой колбасы, а огрызки хлеба были не младше и не свежее меня самой»⁴⁰. С теплотой и приязнью Хеллман описывает военных, с которыми ей удалось повстречаться. Среди них она особо сблизилась с Виктором Черновым, погибшем в 1945 г. спустя несколько дней после взятия Варшавы. Кроме того, в своих мемуарах Хеллман воскрешает образ Эммануила Казакевича (1913–1962), сопровождавшего ее и Орлову из Люблина. В 1945 г. он действительно служил в составе частей, занявших Варшаву, однако Хеллман ошибочно называет его майором, хотя дослужился Казакевич только до звания капитана. В мемуарах Хеллман аттестует Казакевича как «очаровательного молодого человека», который, как она узнала много лет спустя, «написал хороший роман после войны и умер в 1950-х гг. от рака». В СССР Казакевич обрел популярность еще в 1947 г. благодаря своей повести «Звезда» (1947), а также романам «Весна на Одере» (1949) и «Дом на площади» (1956).

Орлова, которой на тот момент было 27 лет, вспоминает об этой поездке следующим образом: «Первый человек из другого мира, мною действительно увиденный, — Лилиан Хеллман. Она приехала в конце 1944 года. Я ходила с ней по Москве, мы ездили в Ленинград (только что сняли блокаду), в Киев, на фронт. В Люблине были на заседании — первом — Крайовой рады народной. Вечером — на приеме. Пустое барачное здание, длинные некрашенные столы. Таз капусты, таз картошки, снова таз капусты. И четверти водки между ними. Не четвертинки, а четверти. Хлеба не было совсем. Во главе стола сидели Берут, Гомулка — первое польское правительство... Она [Хеллман. — *О.Щ.*] оказалась очаровательным человеком, умница, остроумная, часто злая»⁴¹. Сама Хеллман об этом заседании рады не упоминает ни в мемуарах, ни в журнальной статье.

⁴⁰ *Hellman L.* I Meet the Front-line Russians // *Collier's: The National Weekly*. 1945. March 31.

⁴¹ *Орлова Р.* Воспоминания о непрошедшем времени. Харьков: Права людини, 2013. С. 132-133.

Вскоре после поездки в Люблин Хеллман вернулась в Москву, откуда отправилась в Лондон через Каир. В письме Орловой от 16 марта 1945 г. она делилась новостями: «Я прочитала несколько лекций о Советском Союзе – в Тегеране, Лондоне, на авиабазах и здесь [в США. – *О.Щ.*]. Мне кажется, что интерес к вашей стране очень велик, и в основном симпатии на ее стороне... Я пошлю тебе несколько интервью со мной, несколько вырезок, а также несколько выступлений, направленных против меня»⁴². Действительно, по приезду в США Хеллман провела пресс-конференцию, в ходе которой заявляла: «Русские – вежливые, романтичные, прекрасные люди, ведущие пуританский образ жизни. Мы мало о них знаем и многое неправильно понимаем»⁴³. Соотечественников-американцев Хеллман удивила и более провокативными замечаниями, которые журналисты растиражировали на страницах газеты «New York Times»: «К людям искусства в России относятся, как к королям, со всеми полагающимися почестями и уважением; ...русская музыка лучше американской, что не скажешь о литературе; ... хотя Ленинград в ужасном состоянии, Лондон разрушен в два раза основательнее»⁴⁴.

1.2. Пьесы Хеллман на советской и американской сцене: антифашистская драма

Во время пребывания Хеллман в Москве сразу два советских театра взялись за постановку ее пьес: труппа Московского театра драмы приступила к работе над «Лисичками», а на сцене театра Ленинского комсомола в феврале 1945 г. состоялась премьера драмы «Семья Ферелли теряет покой» («Стража на Рейне»).

Впервые «Стража на Рейне» была поставлена в Нью-Йорке в апреле 1941 г. на сцене бродвейского театра Мартина Бека. На подмостках этого

⁴² Ф. 2545. Оп. 1. Ед. 134.

⁴³ Russia Acclaimed by Miss Hellman // New York Times. 1945. March 2.

⁴⁴ Ibid.

театра в 1920-1930-х гг. шли советские пьесы («Ржавчина» и «Рычи, Китай!» в исполнении труппы «Гилд»)⁴⁵, а в 1931 г. легендарная труппа «Групп» выступила здесь со своей премьерной постановкой «Дом Коннелли»⁴⁶.

Постановщик «Стражи на Рейне» – Герман Шумлин. Действие пьесы разворачивается в богатом доме в Вашингтоне, куда после двадцати лет разлуки возвращается дочь Фанни Ферелли – Сара. Оказывается, Сара замужем за немцем Куртом Мюллером, который ведет подпольную антифашистскую деятельность. В столкновении сытой, обеспеченной, безопасной жизни Фанни и полного тягот, тревог, нужды существования семьи Курта состоит главная коллизия пьесы.

Большинство американских критиков очень высоко оценило «Стражу на Рейне». Так, обозреватель «Time» отмечал, что Хеллман удалось написать антифашистскую пьесу, не изобразив ни единого фашиста⁴⁷, а видный критик Брукс Аткинсон хвалил работу Хеллман за отсутствие грубого дидактизма и пропагандистских лозунгов: «В “Страже на Рейне” едва ли упоминается хоть один политический факт. Мисс Хеллман не бьет в барабаны ради идеи. Она не призывает к действию. Она пишет пьесу о людях в Америке, для которых зло фашизма – всего лишь черное облако, которое на минуту закрывает солнце»⁴⁸. Схожим образом высказалась и Элеонора Рузвельт: «На протяжении всей пьесы меня не покидала мысль о том, что эта семья символизирует всю нашу страну, и то, насколько мы не осведомлены об опасностях и ужасах, окружающих нас»⁴⁹.

Пьесу Хеллман можно рассматривать в контексте кампании левого американского движения по вступлению во Вторую мировую войну. До нападения на Перл Харбор в декабре 1941 г. многие деятели культуры и литературы предупреждали об опасности сохранения нейтралитета и

⁴⁵ «Red Rust» Is Given by Theatre Guild; Studio Group of Younger Players Presents Soviet Drama at Martin Beck Theatre // The New York Times. 1929. December 18.

⁴⁶ Hammond P. The Theaters: A Good Show, Though Presented Margaret Barker // New York Herald Tribune. 1931. September 29.

⁴⁷ New Play in Manhattan // Time. 1941. April 14.

⁴⁸ Atkinson B. Hellman's Watch on Rhine // New York Times. 1941. April 13.

⁴⁹ Roosevelt E. My Day. 1941. April 21.

изоляционистской позиции. Так, в 1940 г. «Полет на Запад» Элмера Райса был поставлен на Бродвее, популярный драматург Роберт Шервуд получил Пулитцеровскую премию за пьесу «Да сгинет ночь», в октябре 1941 г. Стейнбек принялся за написание своей антифашистской пьесы «Луна зашла». Позиция американских коммунистов по данному вопросу шла вразрез с мнением многих американских интеллектуалов. Как отмечал в своей устной автобиографии писатель Альберт Мальц, долгие годы состоявший в компартии, в начале войны, пока еще оставался в силе советско-германский пакт, КП США «выступила против решения Рузвельта отправлять самолеты на помощь Британии, против ленд-лиза. “Янки не придут” – таков был слоган партии... Затем КП кардинально изменила свою позицию буквально за 24 часа, после того как нацисты напали на СССР 22 июня 1941 г. Конечно, это не способствовало уважению к партии. Стало ясно, что у этой организации нет принципов»⁵⁰. Таким образом, Хеллман, сочувственно относившаяся к левому движению, не поддержала изоляционистскую позицию американской компартии, которую та заняла с начала войны.

После вступления во Вторую мировую войну в США популярность завоевали батальные пьесы (battle plays), сочинения о Холокосте и расизме, а также комедии, в которых изображались оставленные мужьями жены и красавцы-солдаты, возвращавшиеся на побывку домой⁵¹. Таким образом, к 1945 г., когда «Стража на Рейне» была поставлена на советской сцене, американский театральный материал на военную тематику был очень разнообразен. В интервью журналу «Советское искусство» Хеллман заявляла: «Литература США создала немало книг на военные темы, написанных в большинстве своем газетными корреспондентами и дипломатами... Что касается драматургии, то здесь большое значение имели антифашистские пьесы Андерсона (особенно “Операция в бурю”). Широкое

⁵⁰ Maltz A. The Citizen Writer in Retrospect. Volume I. University of California Press, 1983. P. 475.

⁵¹ См. подробнее Wertheim A. Staging the War: American Drama and World War II. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2004.

распространение получили мои пьесы “Стража на Рейне” и “Сквозняк”⁵² (рассказывающая об эволюции политических взглядов американского дипломата, работавшего на протяжении 20 лет в Германии и Италии). Любопытно сделана пьеса “Полковник и Якубовский”⁵³. Герои пьесы – беженец-еврей и польский полковник. Поначалу они враждебны друг другу, но по ходу пьесы их антагонизм переходит в дружбу... Особо стоит упомянуть две выдающиеся военные пьесы – “Эта армия” Ирвина Берлина и “Крылатая победа” Мосхарта»⁵⁴.

В СССР к этим достижениям американского театра военного времени отнеслись со сдержанным оптимизмом. С одной стороны, советские обозреватели соглашались с тем, что американская драматургия может похвастаться богатством и разнообразием пьес, при этом «несомненно заслуживает серьезного внимания творчество драматургов Лириан Хеллман, Сиднея Кингсли⁵⁵, Максвелла Андерсона⁵⁶ и таких популярных авторов комедий, как Кауфман и Харт⁵⁷ и др.»⁵⁸. С другой стороны, засилье пьес-

⁵² Пьеса Хеллман «The Searching Wind» (1944).

⁵³ Пьеса Ф. Верфеля (Jacobowsky und der Oberst, 1942), написанная на немецком. По заказу театра «Гилд» С. Н. Берманом была выполнена американская адаптация, которая завоевала престижную награду «Drama Critics' Circle Award» в номинации лучшая иностранная пьеса в сезоне 1943-1944 г.

⁵⁴ Искусство и война // Советское искусство. 1944. 28 ноября.

⁵⁵ Сидней Кингсли (1906-1995) – американский драматург. В 1930-х гг. его пьесы «Люди в белых халатах» (Men in White, 1933) и «Тупик» (Dead End, 1935) были переведены на русский язык. По воспоминаниям Кингсли, когда «нацизм сметал с лица земли все живое», он задумался о том, что есть демократия. Размышляя над этим, он сочинил пьесу «Патриоты» (1943), на которую, по-видимому, и ссылается советская критика. Однако дальнейшие изыскания по теме привели Кингсли к твердой антисталинистской позиции, и в 1950 г. он написал пьесу по роману А. Кестлера «Слепящая тьма» (Darkness at Noon, 1940). См. The Interview with Sidney Kingsley // The Eleanor Roosevelt Program. 1951. February 19.

⁵⁶ Максвелл Андерсон (1888-1959) – американский драматург, пик карьеры которого пришелся на 1930-1940-е гг. Его творчество не было освоено в СССР, только в 1988 г. издательство «Искусство» выпустило сборник его пьес. Автор исторических драм, самый «литературный» драматург 1930-х гг., Андерсон имел «глубокие познания в области истории и философии, которые часто затрудняли восприятие его сочинений» (См. Fletcher A. Reading Across the 1930s // A Companion to Twentieth Century American Drama. P. 120). Этим русский исследователь В. Денисов объясняет, почему Андерсон прошел мимо российских подмостков: «многие его пьесы написаны в стихах и очень трудны для перевода, особенно романтические трагедии из современной жизни». См. Денисов В. Made in USA: «пройденное» и пропущенное // Современная драматургия. 1996. № 1. С. 177–178.

⁵⁷ Творческая коллаборация американских авторов комедий Джорджа Кауфмана и Мосс Харта.

⁵⁸ Рубин В., Каринцев И. Обзор современной американской и английской драматургии // Новый мир. 1945. № 7. С. 114.

однодневков, использование «модной» военной темы в жанрах мелодрамы и легковесного ревю вызывало неприятие критиков.

Все же среди изобилия американского драматургического материала советская сторона обратилась к пьесам Хеллман, и думается, что не последнюю роль в этом отношении сыграло пребывание автора в Москве. «Стража на Рейне» выгодно выделялась на фоне советского театрального репертуара военных лет и послевоенного времени, ограниченного военно-патриотической тематикой («Фронт» Корнейчука, «Русские люди» Симонова, «Нашествие» Леонова). В однородный отечественный материал разнообразие внесли зарубежные драмы, которые смогли проложить свой путь в СССР на волне культурного братания народов антигитлеровской коалиции. Как сообщалось в журнале «Театр», «советские зрители получили возможность ознакомиться с пьесами видной американской писательницы Лилиан Хеллман – “Семья Ферелли теряет покой”, “Лисички”, с пьесой Пристли “Он пришел”. Готовится постановка комедии американских авторов Кауфмана и Харта “Гость к обеду”⁵⁹. Несомненно, обмен культурными ценностями между Советским Союзом, Англией и США будет расти»⁶⁰. Был создан целый ряд советских инсценировок, адаптировавших к советскому контексту повесть / пьесу Дж. Стейнбека «Луна зашла»⁶¹. Однако с началом холодной войны «культурные ценности» прошли через сталинские жернова, которые перемололи и выбраковали драматургию, «отрыто проповедующую буржуазные взгляды и мораль»⁶². Под этот ярлык попали практически все

⁵⁹ The Man who Came to Dinner (1939) – успешная бродвейская комедия Кауфмана и Харта, выдержавшая более 700 представлений. Комедию разыгрывали на сцене «Music Box Theatre» вплоть до 1941 г.

⁶⁰ *Владимиров Р.* Советский театр в оценке печати США и Англии // Театр. 1945. Сентябрь. С. 55.

⁶¹ *Жданова Л.И.* Путь повести Дж. Стейнбека «Луна зашла» к советской сцене // Вопросы театра. 2015. № 3-4. С. 264-272.

⁶² Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) "О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению" 26 августа 1946 г. // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП (б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917-1953. Под ред. А.Н. Яковлева. Сост. А.Н. Артизов, О.В. Наумов. М.: Международный фонд "Демократия", 1999. С. 592.

современные американские пьесы, в том числе и упомянутые в одном ряду с Хеллман Кауфман и Харт⁶³.

Театр Ленинского комсомола, который в октябре 1945 г. взялся за постановку «Стражи на Рейне», работал над пьесой семь месяцев. Исполнительница роли Фанни Фарелли Серафима Бирман настаивала, что «пройти мимо автора – американки, современницы, спектакль которой впервые осуществлён на московской сцене в месяц крымской конференции»⁶⁴ было недопустимо. В своем отчете на заседании Кабинета театра Шекспира и западной драматургии ВТО 27 марта 1945 г. Бирман вспоминает о работе над постановкой: «Я только сегодня посмотрела фотографии действующих лиц нью-йоркской постановки. Я вижу, что все они – без грима. Я инстинктивно хотела, чтобы было как можно меньше париков»⁶⁵.

Усилив пропагандистскую составляющую, труппа, тем не менее, не отказалась от музыкальности и лиричности драматического действия. Это отметили советские театральные критики. По мнению И. Крути, в пьесе «имеют весьма важное значение резкие и броские приемы авантюрной драмы... вместе с тем в пьесе есть прозрачная атмосфера недоговоренности, невысказанных чувств, моральной чистоты, стыдливой гордости, скромного героизма – атмосфера, созданная приемами чеховского письма, которому Лилиан Хеллман следует смело, откровенно и очень удачно. А соединяет эти два как будто несовместимых “потока” как будто грубоватый, открытый, несколько инфантильный и поэтому очень сердечный американский юмор. Правда, особенности американского юмора театру не вполне дались. Зато он очень деликатно смягчил мелодраматизм авантюрного сюжета, подчеркнув политический смысл пьесы»⁶⁶.

⁶³ Там же. С. 592.

⁶⁴ Ф. 2046. Оп.1. Ед. 126

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Крути И. Семья Фарелли обретает мужество // Советское искусство. 1945. 8 марта.

По-видимому, именно об этом юморе Хеллман с досадой пишет в своем письме Раисе Орловой: «Продолжаю придерживаться своего мнения о “Страже” и должна сказать, что со мной согласны все возвращающиеся домой американцы и мои московские корреспонденты. Они считают спектакль веселой шуткой, но эта шутка мне не нравится по многим причинам. Сейчас это уже не имеет значения, я только знаю, что ты сдержишь свое обещание и никогда не допустишь, чтобы этот театр ставил еще какую-нибудь из моих пьес»⁶⁷. Среди московских корреспондентов, которым не понравился спектакль в исполнении труппы театра Ленинского комсомола, мы находим Джона Мелби, который писал Хеллман: «Моя дорогая, что за неприятная женщина эта Бирман! Я никогда такого не видел. Она играла свою роль, как клоунесса с начала до конца, она кричала и завывала, ухмылялась и танцевала, пыталась залезть на стену, бросалась на книжные полки...думаю, что она считала Фанни двоюродной сестрой Ивана Грозного»⁶⁸.

Свое разочарование от постановки Хеллман не забыла даже спустя двадцать лет. В интервью журналу «Paris Review» 1964 г. она делилась своими воспоминаниями: «Постановка “Лисичек” была превосходна. “Стража на Рейне” – очень плоха. Я думала, что все будет как раз наоборот. Я посещала репетиции “Стражи на Рейне” с Сергеем Эйзенштейном. Когда я кривила лицо и кричала от негодования, он говорил: “Не бери в голову, это хорошая пьеса. Не обращай внимания на то, что они творят. Они ее не испортят”. Я много виделась с Эйзенштейном. Мне он очень понравился»⁶⁹.

Просьба Хеллман к Орловой была выполнена: драму «Семья Ферелли теряет покой» не ставили на сцене после сезона 1945 года. Другое антифашистское сочинение Хеллман «Пронизывающий ветер» (Searching Wind, 1944) ждала иная судьба. В нем драматург исследует политику

⁶⁷ Ф. 2548. Оп. 1. Ед. 134. Л.1.

⁶⁸ Newman R. P. The Cold War Romance of Lillian Hellman and John P. 51.

⁶⁹ Conversations with Lillian Hellman, ed. by Jackson R. Bryer. Jackson, MS; London: University Press of Mississippi, 1986. P. 66

умиротворения и то, как она привела к господству фашизма в Европе. Американские рецензенты признали пьесу недолговечной, «сезонным» хитом⁷⁰, художественные достоинства которого уступают другим драмам Хеллман⁷¹.

В СССР рассматривали возможность постановки «Пронизывающего ветра». Изначально ГУРК разрешил работать над пьесой «отдельным театрам по списку ГУТ»⁷². Однако эта драма так и не появилась на советских театральных подмостках. Начальник отдела театра и драматургии ГУРКа Е. Сурков в своем письме в управление агитации и пропаганды настаивал на том, что постановка пьесы в СССР крайне неуместна и нежелательна: «В американских условиях появление этой пьесы носило, по-видимому, прогрессивный характер: в пьесе осуждается политика компромисса в отношении фашистских агрессоров, осуждаются позиции “невмешательства” в европейские дела, которые следует, очевидно, связывать с изоляционистскими традициями и т.п... Очень существенно, что Советский Союз попросту не принимается в пьесе во внимание (СССР упоминается в тексте только однажды и то попутно, вскользь). Лицом к лицу сталкиваются в пьесе две силы: Европа, не сумевшая собственными силами справиться с проблемами, выдвигаемыми наступлением фашизма, и Америка, которая приглашается осознать свою ответственность за спасение Европы. В этом смысле я и говорю о проамериканском характере пьесы Хеллман: в “Свежем ветре” выражена типично американская точка зрения на события и обстоятельства, связанные со Второй мировой войной, и на послевоенное устройство»⁷³.

1.3 Социально-психологические драмы

⁷⁰ Warner R. On Broadway // Daily Worker. 1944. April 27.

⁷¹ Nichols L. The Searching Wind: Lillian Hellman's Latest Play a Study of Appeasement and Love // New York Times. 1944. April 23.

⁷² Ф. 656. Оп. 5. Ед. 851. Л. 1.

⁷³ Там же. Л.2-4.

Совершенно иному литературному контексту, нежели «Семья Ферелли теряет покой» и «Пронизывающий ветер», принадлежит драма «Лисички». В американской традиции принято считать, что она создана в духе регионализма⁷⁴. Характерными приметами регионалистской южной драмы является идеализация «старого Юга» или, напротив, показ деградации Юга послевоенного, вырождения и нежизнеспособности бывших плантаторских семейств, мотив кары за преступления (убийства, инцест, денежные махинации).

Действие пьесы Хеллман разворачивается в провинциальном южном городке весной 1900 года. «Лисички» прочно вошли в историю американского театра, не будучи экспериментальной драмой. Это традиционная социально-психологическая пьеса на старинную тему борьбы за капитал. Хеллман сосредотачивает свое внимание на типах и нравах, действие динамично развивается, а его кульминацией становится убийство мужа Реджиной.

В Америке пьеса выдержала 410 показов, премьера состоялась 15 февраля 1939 г. на сцене бродвейского театра «National Theatre». Режиссер-постановщик спектакля – Герман Шумлин, в главной роли Реджины Гидденс – Таллула Бэнкхед. Пьеса завоевала высокую оценку театральных обозревателей, и в 1941 г. вышла ее экранизация. По силе социального критицизма левые критики сравнивали «Лисичек» с «Гроздьями гнева», противопоставляя ее «лживым» картинам, «искусно маскирующим больное лицо умирающей южной аристократии», вроде «Унесенных ветром» М. Митчелл, «Вирджинии» Э. Гриффита и В. Ван Апп, «Мериленда» Дж. Эндрюса и Этель Хилл⁷⁵. Левая пресса, щепетильно относившаяся даже к незначительным отклонениям от канонов марксистской эстетики, фантастически высоко оценила «Лисичек», не предъявив Хеллман ни одного упрека, что было редким случаем даже в отношении «своих», проверенных

⁷⁴ См. подробнее Southern Women Playwrights: New Essays in History and Criticism, ed. by R. McDonald, L. Paige. University of Alabama Press, 2002.

⁷⁵ Meltzer M. Hollywood Does Right By "The Little Foxes" // Sunday Worker. 1941. August 24.

драматургов. Правда, не обошлось и без насильственной идеологизации пьесы, вчитывания в нее классового антагонизма. Писательница и критик Рут Маккинни так оценивала «Лисичек» в «Нью Мэссес»: «Богатые и их подковерные игры изображаются Хеллман без цинизма и пиетета. Происходит что-то дикое – все же, в конце маячит надежда. Молодая дочь и гордая, полная достоинства чернокожая служанка бросают вызов пороку – и важно, что делают они это вместе... Эта новая пьеса Хеллман – современный театр в его лучшем виде»⁷⁶.

В 1944 г. в Московском театре драмы начались репетиции постановки, причем Хеллман привлекли в качестве консультанта: в беседе с труппой она «рассказала историю пьесы, поделилась своими впечатлениями об исполнении “Лисичек” в Нью-Йорке и экранизации пьесы американским режиссером Уайлером⁷⁷... Хеллман дала подробную характеристику каждого персонажа и высказала свои пожелания о стиле исполнения этих ролей на советской сцене»⁷⁸.

В СССР особых похвал заслужило актерское мастерство Ф. Раневской (в роли Берди) и К. Половиковой (в роли Реджины)⁷⁹. О своей работе над ролью К. Половикова вспоминала: «Очень много времени я никак не могла понять психологию этой женщины, ее почти зоологическую страсть к наживе. И только, когда мы решили наделить Реджину любовью к дочери, я с увлечением повела роль, чтобы показать трагизм искупления – сначала потерю дочери, а затем одиночество, – чтобы показать, как призрачно здание, построенное на эгоистических желаниях, как эти “лисички, пожирающие виноград”⁸⁰, должны быть наказаны во имя справедливости и чистоты»⁸¹.

⁷⁶ *McKenney R.* Little Foxes // *New Masses*. 1939. February 28. P. 30.

⁷⁷ *Уильям Уайлер* (1902-1981) – американский продюсер и режиссер. В 1941 г. вышла его экранизация «Лисичек», а в 1962 г. – «Детского часа».

⁷⁸ *Лилиан Хеллман* в Театре драмы // *Советское искусство*. 1944. 19 декабря.

⁷⁹ *Бояджиев Г.* Берди – Раневская // *Советское искусство*. 1945. 27 июля.

⁸⁰ Эпиграф к драме взят из «Песни песней»: «Ловите нам лисиц, лисенят, которые портят виноградники, а виноградники наши в цвету!»

⁸¹ *Половикова К.* Во имя справедливости // *Огонек*. 1945. № 20-21. С. 14.

Ставшее общим местом советского литературоведения сравнение сочинений иностранных авторов с работами Горького имело место и в случае с Хеллман. Критик А. Мацкин указывал: «...схема событий пьесы услужливо подсказывает нашему зрителю аналогию с Вассой Железновой. Есть близость в их мотивах поведения, в обоих случаях продиктованных дурными инстинктами собственничества. Но таковы только внешние черты драмы: по мере ее развития эта соблазнительная аналогия теряет свою почву»⁸². М.О. Мендельсон, развивая эту идею, выносит более строгий вердикт: «“Лисички” воспринимаются как американский вариант “Вассы Железновой”, при этом, несмотря на известные достоинства “Лисичек”, копия оказывается более слабой, нежели оригинал»⁸³. Мендельсон констатировал односторонность и уплощенность образа Реджины, не выдерживающего сравнения с образом Вассы Железновой, являющей собой не просто стяжательницу, но человека сильных страстей, умного и волевого. Таким образом, положительные оценки «Лисичек» превалировали над критикой, однако в адрес Хеллман уже начались раздаваться упреки. Возможно, объяснение такого положения дел кроется в социально-бытовой, регионалистской проблематике драмы, котиравшейся в СССР гораздо ниже патриотического и военного содержания.

В 1949 г. Московский театр драмы поставил еще одну регионалистскую пьесу Хеллман «Леди и джентльмены» (*Another Part of the Forest*, 1946). Хеллман переносит драматическое действие в 1880-е гг., а в его центре помещает старшее поколение семьи Хаббардов, члены которой являются центральными действующими лицами «Лисичек».

Объясняя разницу американского и советского заглавий, Юдифь Глизер, исполнительница роли Лавинии, вспоминала: «В оригинале пьеса называется “За лесами”. Нам заголовок показался неудачным. Чего доброго, публика могла подумать, что речь идет о лесозаготовках! Да и вообще такое

⁸² Мацкин А. Заметки о спектакле // Советское искусство. 1945. 12 апреля.

⁸³ Мендельсон М. Хеллман и Пристли на московской сцене // Театр. 1945. Октябрь. С. 15.

название звучит непонятно. Кого-то в театре осенило: “Пусть это будет ‘Леди и джентльмены’!”. Публика клюнула на приманку, видимо, заинтересовавшись, что это за джентльмены и тем более – что за леди? И пошли аншлаги. Пьеса держалась более десяти лет! В новом названии заключается некий иронический смысл, ибо на самом деле это были никакие не джентльмены, а самые что ни на есть бандиты из так называемого приличного общества»⁸⁴.

Несмотря на успех пьесы у зрителей советские рецензенты посчитали постановку «Леди и джентльмены» провальной. О. Афанасьева беспощадно раскритиковала большую часть актерского состава: «А. Ханов, играющий Маркуса Хаббарда, звероподобен внешне, он рычит, движения его неуклюжи. Ханов изображает только одну сторону натуры Хаббарда – грубость и дикий деспотизм... Аржанов – Оскар – чрезмерно суетлив, криклив и нервен, особенно в заключительной сцене. Создается впечатление, что исполнитель не нашел для себя правильного решения образа младшего Хаббарда, а режиссер не сумел подсказать ему правильного решения... Карпова – Реджина – пытается дать образ еще молодой, но уже беспощадной и безжалостной хищницы. Но она держится несколько стандартно, не находит индивидуального рисунка образа... Ю. Глизер, исполняя роль слабоумной жены Маркуса Хаббарда, Лавинии, впадает в натурализм, стремясь передать поведение, жесты и приемы ненормального человека. Увлечение натуралистическими подробностями мешает созданию живого образа»⁸⁵.

То, что новая пьеса Хеллман «Леди и джентльмены» получила негативную оценку, вполне симптоматично: с началом антиамериканской пропагандистской кампании и кампании против космополитов в конце 1940-х гг. из репертуара театров напрочь исчезли современные американские «буржуазные» пьесы. О масштабах «чистки» репертуара свидетельствует

⁸⁴ Глизер Ю. Воспоминания. М.: Искусство, 1969. С. 225-226.

⁸⁵ Афанасьева О. О добрых и злых плантаторах // Театр. 1949. № 12. С. 98.

выпущенный в 1952 г. сборник «Буржуазный театр на службе империалистической реакции». Как следует из статьи А. Аникста⁸⁶, сочинения всего лишь двух американских авторов были достойны увидеть советские театральные подмостки. Это был Г. Фаст с пьесой «Тридцать серебрянников» и А. Мальц с одноактной пьесой «Дело Моррисона». Удивительным образом театральными корифеями в это время в СССР оказались авторы, о пьесах которых на родине в США знали единицы.

Несмотря на то, что Хеллман не выступала против советской власти, в период антиамериканской пропагандистской кампании даже ее пьесы подверглась осуждению. В заметке, посвященной 50-летию драматурга, автору выносится неутешительный приговор: «В последние годы, к сожалению, на творчестве Хеллман сказались настроения безнадежности и безысходности, бытующие среди американской интеллигенции. Так, в написанной в 1951 г. пьесе “Осенний сад” не находишь свойственного произведениям Хеллман глубокого идейного содержания»⁸⁷.

«Осенний сад» (Autumn Garden, 1951) был поставлен на сцене бродвейского театра «Коронет» в марте 1951 г. В своем интервью драматург вспоминала: «Это серьезная пьеса, но начинается она как комедия. Действие происходит на побережье мексиканского залива, между Новым Орлеаном и Мобилом – почти там же, где разворачивается “Татуированная роза” Теннесси Уильямса. В моей пьесе нет одного главного действующего лица, все десять одинаково важны»⁸⁸. Такая установка на чеховский «ультрареализм» состояла не только в изгнании «главного героя», но и в размытой концовке, и в «недраматичности» действия.

Советский зритель увидел «Осенний сад» в исполнении труппы МХАТа только в 1956 г., когда уже начиналась оттепель. К тому времени в репертуаре московских театров практически не осталось зарубежного,

⁸⁶ Аникст А. Упадок и разложение буржуазного театра // Буржуазный театр на службе империалистической реакции: сборник статей. М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1952. С. 3-30.

⁸⁷ Кулаковская И. Лилиан Хеллман. К 50-летию со дня рождения // Советское искусство. 1955. 19 июля.

⁸⁸ Conversations with Lillian Hellman. P. 23.

«буржуазного» материала. Показательна в этом отношении статья писателя Б. Полевого «Больше спектаклей хороших и разных», в которой он характеризует сложившуюся к середине 1950-х гг. театральную ситуацию: «Мало ли хороших пьес? Да, мало. Но зритель теперь охладевает и ко многим старым, даже классическим пьесам»⁸⁹. «Осенний сад» Полевой отнес к спектаклям, которые зритель воспринял «горячо и взволнованно». Как сообщалось в англоязычной версии журнала «Советский Союз», «Осенний сад» в постановке МХАТа запомнился зрителям «игрой талантливых актеров Кротова в роли Кроссмена и Поповой в роли своенравной пожилой леди Мери Эллис»⁹⁰. Завершая перечисление советских постановок Хеллман, автор статьи указывает: «Советские зрители считают, что Хеллман творит в рамках чеховской театральной традиции. Кажется, драматическое действие в ее пьесах ограничено миром разбитых надежд и неоправданных ожиданий, но в едва уловимых, трудно определяемых страданиях героев скрывается глубокий социальный смысл». Намеченная здесь пунктирно тема «Лилиан Хеллман и чеховский, а шире, мир русской литературы» впоследствии завоевала большую популярность среди литературоведов⁹¹.

В своих интервью Хеллман признавала себя поклонником чеховского таланта⁹². Ей были хорошо известны не только его пьесы. В 1955 г. она редактировала американское издание писем русского писателя⁹³. В предисловии к сборнику она размышляла о сценической судьбе его драм: «В том, что пьесы Чехова часто интерпретируются неверно, виноват, вероятно, великий режиссер Станиславский. Мы обратились к его режиссерским разработкам в постановках Московского Художественного театра и

⁸⁹ Полевой Б. Больше спектаклей хороших и разных // Огонек. 1956. № 16. С. 20-21.

⁹⁰ Zlobin G. American Plays on the Soviet Stage // USSR. 1958. № 8. P. 21-23.

⁹¹ Среди работ на эту тему можно выделить статью Б. Смирнова «Традиции русской классической драмы и драматургия Лилиан Хеллман» (1960), в которой автор проводит параллели между «Осенним садом» и «Дядей Ваней», «Лисичками» и «Егором Булычевым», «Другой частью леса» и «Властью тьмы» Л. Толстого.

⁹² Conversations with Lillian Hellman. P. 122.

⁹³ The selected letters of Anton Chekhov, ed. by Lillian Hellman. N.Y: Farrar, Straus & Cudahy, 1955.

пользуемся или как Библией, добавив, разумеется, собственные неверные толкования... “Чеховский” стало обозначать нечто мрачное и бесприютное, заполненное людьми-пылинками на покрытом пылью столе, ожидающимися, когда из оттуда сдует»⁹⁴.

В оттепельный период на страницах советских газет появилось несколько интервью с Хеллман, в которых она играла роль живого классика и знатока сцены. К примеру, в 1958 г. в «Иностранной литературе» были напечатаны выдержки из анкеты «Saturday Review» о состоянии современной американской драматургии. По этому поводу высказались М. Андерсон, П. Маккей, Э. Райс, Т. Уайлдер, К. Одетс, Т. Уильямс, У. Сароян и др. Драматургам задали следующие вопросы:

1. Что бы вы посоветовали человеку, который хочет стать профессиональным драматургом?
2. Какие меры следует предпринять, чтобы наша драматургия стала лучше?
3. Ваша любимая пьеса (собственная)?
4. Ваш любимый драматург?
5. В чем заключаются наиболее важные тенденции современной американской драматургии и в какой мере вы связываете с ними свою собственную работу?

Вот как ответила Хеллман:

1. Читайте.
2. -
3. «Осенний сад».
4. О’Кейси.
5. Я не знаю⁹⁵.

Более обстоятельную оценку современной американской сцене Хеллман дала в интервью журналу «Эсквайр» в 1962 г. В советской печати

⁹⁴ Хеллман Л. Чехов // Современная драматургия. 2009. № 1. С. 255.

⁹⁵ Международная анкета «Иностранной литературы» // Иностранная литература. 1958. № 6. С. 279.

отрывки из него появились в 1963 г.⁹⁶ под говорящим названием «Сумерки на Бродвее». В американской версии интервью Хеллман ностальгирует по 1920-м и 1930-м гг. – времени, когда драматурги «открывали новые горизонты, новые земли и им было, что сказать»⁹⁷. Сейчас же театр стал «нудным» и удивительно «мелкобуржуазным» («middle-class»). Наряду с критической частью, американское интервью Хеллман включало в себя и обширный перечень драматургов, достойных ее похвал: «Я думаю, за последние 10-12 лет единственный писатель, заслуживший внимание, – Беккет... Уильямс хорош. Был таким или будет вновь»⁹⁸. Он талантлив от природы, он знает, что делает, и иногда знает слишком много. Но он сильно беспокоится об успехе... Миллер также хорош, а со временем он будет становиться еще лучше. У него есть сила и дух... Мне нравится “В ожидании Лефти” Клиффорда Одетса. Мы с Дэшилом Хемметом смотрели “Проснись и пой!”. Из-за пьесы мы поссорились: мне она понравилась, а ему нет. Мне нравится Одетс, когда он не ударяется в политику»⁹⁹. Этот ряд интересных примеров был исключен из советской статьи, которая завершалась традиционной для времен холодной войны инвективой: «Робкая надежда на то, что в буржуазном театре еще может наступить возрождение, высказанная Хеллман, звучит наивно и ничем не подкреплена. При гнилых корнях дерево не расцветает»¹⁰⁰.

1. 4. Контакты Хеллман с СССР в оттепельный период: сближение с либеральной советской интеллигенцией

Советские контакты Хеллман в период с марта 1945 по октябрь 1966 гг. восстанавливаются на основе архивных материалов. Например, в 1946 г. Хеллман встречалась с Константином Симоновым во время его поездки в

⁹⁶ Солодовников А. Сумерки на Бродвее // Литературная газета. 1963. 21 мая.

⁹⁷ Conversations with Lillian Hellman. P. 45.

⁹⁸ В 1962 г. Теннесси Уильямсу исполнился 51 год, а его самые знаменитые пьесы были уже написаны. В СССР, однако, его сценический триумф был еще впереди. См.: Гудков М.М. Теннесси Уильямс в советской критике 1940–1960-х годов // Литература двух Америк. 2021. № 10. С. 163–206.

⁹⁹ Conversations with Lillian Hellman. P. 47-49.

¹⁰⁰ Солодовников А. Сумерки на Бродвее.

США с Ильей Эренбургом и генералом Михаилом Галактионовым. Вместе они участвовали в митинге русско-советской дружбы, а потом Хеллман «устроила прием в честь советских писателей», где обсуждались вопросы советской и американской литературы¹⁰¹. До отъезда Симонова из Нью-Йорка Хеллман отправила ему доверенность, по которой он смог распоряжаться гонорарами, причитающимися ей за постановку пьес «Стража на Рейне» и «Лисички» в СССР. На эти деньги она просила купить сувениры, напоминающие ей о России, например, «народные вышиванки или вышитое сукно»¹⁰². Кроме того, Хеллман снабдила Симонова одним из романов и сборником рассказов Дэшила Хеммета, рассчитывая на их публикацию в СССР. В сопроводительном письме Хеллман отмечала: «через Федесимова я перешлю другие книги Хеммета (сейчас уже поздно отправляться за ними в книжный магазин). Я рекомендую тебе прочитать рассказ «Ночная тень». Мне кажется, это настоящая жемчужина»¹⁰³. Тем не менее, хлопоты Хеллман оказались напрасными: до советского читателя сочинения Хеммета так и не дошли.

Кроме Симонова, в США Хеллман встречалась с Александром Фадеевым, который прибыл в Нью-Йорк на Конгресс деятелей науки и культуры в защиту мира (Waldorf Peace Conference) в 1949 г. Скандалы вокруг пребывания советской делегации начались буквально с первого дня, причем в одном из них Хеллман приняла непосредственное участие. 25 марта в отеле Уолдорф-Астория состоялся приветственный ужин, на котором журналист Норман Кейзинс заявил, что «американцы не хотят мира» ценой попрания свобод личности, несправедливости и беззакония, намекая таким образом на Советский Союз¹⁰⁴. Хеллман, в свою очередь, начала свою

¹⁰¹ *Котен Б.* Три месяца рядом с ним. В кн. Константин Симонов в воспоминаниях современников. М. Советский писатель. 1984. С. 440.

¹⁰² Ф. 1814. Оп. 9. Ед. 2414. Л.2. Пер. мой – *О.Щ.*

¹⁰³ Там же. Л.3. Пер. мой – *О.Щ.*

¹⁰⁴ Communist Activities among Aliens and National Groups: Hearings before the Subcommittee on Immigration and Naturalization of the Committee on the Judiciary, United States Senate, Eighty-first Congress, First Session, on S. 1832, a bill to amend the Immigration act of October 16, 1918, as amended. U.S. Government Print. Office, 1950. P. 547.

приветственную речь с совета Кейзинсу «обсуждать гостей после того, как они уйдут домой»¹⁰⁵. После мероприятия она извинялась перед А. Фадеевым в личном письме от 1 апреля 1949 г.: «Надеюсь, что всем вам еще удастся приехать вновь в более приятный и спокойный период, когда вы сможете получить удовольствие от нашей страны и нашего народа. Было огромной радостью ваше пребывание на небольшом вечере в прошлую субботу, но я крайне сожалею, если присутствие кого-либо из других гостей было нежелательным или неприятным для вашей делегации»¹⁰⁶.

Начало 1950-х гг. оказалось беспокойным и для самой Хеллман. В 1951 г. ее возлюбленный Дэшил Хеммет был осужден за неуважение к суду, а в 1952 г. она получила повестку с требованием дать показания Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. В отличие от «голливудской десятки», ей удалось избежать тюрьмы, но на протяжении 1950-х гг. Хеллман оставалась в «черном списке», из-за чего она лишилась выгодных контрактов с голливудскими киностудиями. В бесчисленных советских материалах, посвященных жертвам НУАС, имя писательницы упоминалось лишь изредка¹⁰⁷ - на фоне других деятелей искусства и культуры, заключенных в тюрьму, ее вклад в борьбу с «охотниками на ведьм» казался более чем скромным.

Со временем спорадические контакты Хеллман с советским миром постепенно сходили на нет. С Орловой ее переписка и вовсе прекратилась с сентября 1945 г. Возобновился обмен письмами в 1964 г. по инициативе Орловой, и Хеллман сразу выразила желание вновь посетить СССР. В письме от 28 июля 1965 она делилась своими планами: «В сентябре или ноябре я, может быть, буду в Европе, и мне бы очень хотелось опять увидеть

¹⁰⁵ 2,000 picket opening of 'peace' conference // Associated Press. 1949. March 26. URL: <https://www.stripes.com/news/2-000-picket-opening-of-peace-conference-1.27822>

¹⁰⁶ Ф. 631. Оп. 14. Ед. 1158. Л.5.

¹⁰⁷ Андреев А. Борьба продолжается // Искусство кино. 1950. № 4. С. 46; Александров Г. Голливуд в наши дни // Искусство кино. 1951. № 3. С. 45-48.

Москву... я надеюсь, что, если я действительно приеду, можно будет организовать какие-нибудь лекции или встречи»¹⁰⁸.

Таким образом, уже после хрущевской оттепели, с середины 1960-х гг. начинается новый виток отношений Хеллман с СССР. В октябре 1966 г. она вновь отправилась в Москву для работы над книгой воспоминаний, которую выпустила в 1969 г. Как признавалась драматург в интервью «New York Times», «из-за собственной лени или плохо организованных поисков»¹⁰⁹ она не смогла найти и половины людей, с которыми хотела встретиться. Находясь в Москве, Хеллман с неохотой согласилась посетить IV Съезд советских писателей, запланированный на май 1967 г. На личном опыте Хеллман убедилась во всеобщности цензурного контроля. Как отмечают исследователи¹¹⁰ и сама писательница в своих мемуарах, выступить перед делегатами IV Съезда ей так и не удалось. Она отказалась заранее показать свою речь партийным кураторам, поэтому слово ей так и не предоставили. В материалы, напечатанные после проведения Съезда, ее приветствие, тем не менее, включили¹¹¹.

В Москве Хеллман свиделась с Р. Орловой. Их встреча после столь долгого перерыва оказалась крайне волнительной. От мужа Орловой Льва Копелева Хеллман оказалась без ума: «В завершение нашей первой встречи со Львом я поняла, что не только любовь заставляла думать ее [Р. Орлову. – О.Щ.], что он удивительный человек. Он действительно им был... В Москве его называли “святым”»¹¹². Супружеская пара представила свою американскую подругу и Солженицыну. В предисловии к книге Л. Копелева «Хранить вечно», Хеллман вспоминает это знакомство: «не могу сказать, что молчаливая странная фигура Солженицына показалась мне привлекательной.

¹⁰⁸ Ф. 2548. Оп.1. Ед. хр.134.

¹⁰⁹ *Arnold M.* Lillian Hellman Says She Found Ferment Among Soviet Writers // *New York Times*. 1967. 31 May.

¹¹⁰ *Wright W.* Lillian Hellman: the Image, the Woman. P. 318; *Абросимова В.* Приложение // *Мосты (русско-американские литературные связи)*.

¹¹¹ Четвертый съезд писателей СССР. Стенографический отчет. М.: Советский писатель. 1968. С. 315-316.

¹¹² *Hellman L.* Foreword // *Kopelev L.* To Be Preserved Forever. Philadelphia; New York: Lippincott, Cop. 1977.

В нем было что-то необычное, слишком непонятное для меня. Конечно, я восхищалась им как писателем и как человеком, но Рая почувствовала, что я испытывала что-то еще»¹¹³.

Уже в США по просьбе Орловой Хеллман пыталась восстановить нарушенные авторские права Солженицына. В 1963 г. на американском книжном рынке появилось сразу четыре перевода «Одного дня Ивана Денисовича»¹¹⁴, но ни одно издательство не заплатило Солженицыну полагающийся ему гонорар. Хлопоты Хеллман и ее адвокатов не принесли результата – авторизованное издание повести, одобренное Солженицыным, вышло только тридцать лет спустя¹¹⁵.

Сочувствие Хеллман к либеральной советской интеллигенции росло на протяжении следующих лет. Вернувшись в Москву в мае 1967 г., писательница с удовольствием заметила появление «огромного движения», состоящего не только из молодых, но и людей среднего возраста, и даже пожилых, готовых бороться за свое право критиковать правительство, писать свободно, а не по указке»¹¹⁶.

В обращении к Четвертому съезду писателей, ставшем официальным поводом поездки Хеллман в Москву, она говорила: «Интеллигенты... могут сохранить свои былые надежды только в том случае, если, встречаясь, они честно обсуждают свои прежние ошибки и сегодняшние проблемы. И даже если интеллигенция – народ беспокойный и подчас с ней немало хлопот, несомненно то, что мало кто из интеллигентов хотел бы бросать бомбы... Без свободы интеллигенция испустит дух, а ее родине нечем будет дышать. Отсюда вывод: требование свободы есть мера истинного патриотизма. И вот

¹¹³ Ibid.

¹¹⁴ В США было напечатано несколько переводов: Solzhenitsyn A. One day in the life of Ivan Denisovich /Transl. Ralph Parker. 1st ed.: Only authorized edition. N.Y.: E.P. Dutton, 1963; Solzhenitsyn A. One day in the life of Ivan Denisovich /Transl. Max Hayward and Ronald Hingley; Introd. by Max Hayward & Leopold Labedz. N.Y.: Praeger, 1963.

¹¹⁵ Solzhenitsyn A. One day in the life of Ivan Denisovich /Transl. H. T. Willetts. New York: Farrar, Straus and Giroux, 1991.

¹¹⁶ Arnold M. Lillian Hellman Says She Found Ferment Among Soviet Writers // New York Times. 1967. 31 May.

из своего далека я поднимаю вместе с вами рюмку водки за мир и свободу для всех»¹¹⁷.

Пример Копелева и Орловой, «евреев, которые ни при каких обстоятельствах не хотели покидать родину»¹¹⁸, стал для Хеллман образцом беззаветного следования правилам морального кодекса. Именно поэтому эмиграция Анатолия Кузнецова¹¹⁹ вызвала у нее резко негативное отношение. В своей провокативной статье в «New York Times» Хеллман вспоминала разговор, свидетелем которого она стала в Москве в свой последний приезд. Один историк уверял, что политическая ситуация в СССР вскоре изменится благодаря смелым мужчинам и женщинам, таким как Лидия Чуковская, Василий Аксенов, Александр Солженицын, Петр Григоренко, Павел Литвинов, Евгения Гинзбург. По мнению Хеллман, заслуживает внимания тот факт, что Кузнецов в этом ряду русский собеседник не упомянул. Предатель друзей, трус, «стукач»¹²⁰, который согласился опубликовать свои произведения с правками, навязанными иностранными издательствами, – такую характеристику Хеллман дает бежавшему в Англию Кузнецову. В пример ему Хеллман ставит Солженицына – «удивительного писателя», не позволившего изменять свои тексты¹²¹.

Естественно, обвинение такого характера не могло остаться без ответа. Кузнецов выступил с обращением в ПЕН-клуб, заявив: «Там, вблизи, КГБ кажется глобальной силой. Для мышей страшнее кошки зверя нет. Это, видимо, совершенно непонятно Лилиан Хелман, которая написала, что раскаяния информаторов неприятно спекулятивны. Что должны же существовать и другие пути в Англию. Что когда я буду у каминов

¹¹⁷ Четвертый съезд писателей СССР. С. 315-316.

¹¹⁸ *Hellman L.* Foreword // *Kopelev L.* To Be Preserved Forever.

¹¹⁹ Кузнецов А. В. (1929-1979) – советский писатель, автор романа «Бабий яр» (1966). В 1969 г. отправился в Лондон для написания книги о II съезде РСДРП. По прибытии попросил политического убежища.

¹²⁰ По собственному признанию, Кузнецов информировал агентов КГБ о деятельности Евтушенко, Аксенова и др.

¹²¹ *Hellman L.* Topics: The Baggage of a Political Exile // *New York Times.* 1969. 23 August.

разглагольствовать о свободе, то мы будем помнить, что свобода как таковая и свобода, завоеванная предательством невинных друзей, — это противоречие в терминах. А что бы Лилиан Хелман предложила человеку, вырвавшемуся из Орвелловского мира? Промолчать?... Почему я не остался в России к удовольствию мистера Стайрона¹²², а также и Лилиан Хелман, которая “не слышала” моей фамилии среди имен борцов за советскую власть против отдельных злоупотреблений. Видимо, они, Стайрон и Хелман, ЗА СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ? Напрасно, сказал бы я Стайрону»¹²³.

За публичными оправданиями Кузнецова последовало открытое письмо А. Белинкова¹²⁴ Пен-клубам, распространявшееся в самиздате. В нем предлагалось исключить из Пен-клуба Л. Хеллман, Ж.П. Сартра, У. Стайрона и А. Мальца – писателей, которых «перевоспитала советская власть»: «Знаете ли вы, что, приехав в гости к советской власти, или ещё хуже, готовясь к поездке, ведете себя как перевоспитанные? Либеральная интеллигенция Запада старательно и с увлечением трудится над изготовлением для свободной части человечества бирки к ноге. Из наиболее старательно вычерчивающих, строящих и полирующих бирку следует назвать Лилиан Хеллман, Альберта Мальца, Жан-Поль Сартра, Джеймса Олдриджа, Вильяма Сарояна»¹²⁵.

Орлова спорила с Белинковым: «они оба [Стайрон и Хеллман – *О.Щ.*] очень ясно и, на мой взгляд, верно написали, что осуждают Кузнецова за ту

¹²² 24 августа 1969 г. Уильям Стайрон дал интервью газете «The Times», в котором выступил с обвинениями в адрес Кузнецова. Однако 14 сентября было опубликовано новое письмо Стайрона в редакцию, в котором писатель разъяснял свою позицию, подчеркивая, что «никто на Западе не имеет права самодовольно указывать, как вести себя людям, которые живут в постоянном страхе». Все же Стайрон ставит вопрос: «Укрывшись на Западе, не лучше ли было Кузнецову хранить молчание? Никаких настоящих разоблачений он не сделал, и его слова не изменят наше отношение к гонениям писателей и других интеллектуалов, имеющим место в Советском Союзе». – См. *Styron W. Letters to the Editor of The Times: Kuznetsov's Confession // New York Times. 1969. September 14.*

¹²³ Обращение А. Анатоля в ПЭН // Русская мысль. 1969. 25 сентября.

¹²⁴ *Аркадий Викторович Белинков (1921-1970)* – советский писатель-невозвращенец, автор книги о Юрии Олеше. В 1968 г. уехал в США, где занимался преподавательской деятельностью. Совместно с А. Кузнецовым и другими эмигрантами из СССР основал журнал «Новый колокол», однако его единственное издание вышло только в 1972 г.

¹²⁵ *Белинков А. Открытое письмо конгрессу ПЕН-клуба (копия «самиздата») // Студия. 1996. № 2. С. 35.*

цену, которую он заплатил, отказавшись от советского гражданства, то есть за донос; но Белинков увидел в их письмах и другое — мысль о том, что самые смелые люди сражаются со злом у себя дома»¹²⁶.

Будучи в Москве в мае 1967 г., Хеллман вращалась не только в кругах либеральной советской интеллигенции. В своем отчете переводчик, впоследствии видный литературовед-американист, специалист по американской драматургии М.М. Коренева, сопровождавшая американскую писательницу, докладывала:

«7 мая вместе с В.Г. Чернявским и Е.С. Романовой я встречала Л. Хеллман в аэропорте Шереметьево... 9 мая Орлова и Хеллман совершили поездку в Архангельское <...>

15 мая состоялся обед в С[оюзе] П[исателей], на котором присутствовали С. Антонов, Ю. Нагибин, Б. Ахмадулина, А. Бек, Н. Калашникова, С. Смирнов, Э. Радзинский, Ю. Эдлис, В.Г. Чернявский...

В Ленинграде 16 мая она побывала в Эрмитаже, а вечером навестила О. Берггольц. 17 мая вечером смотрела постановку «Мещан» в театре им. Горького, после чего состоялась краткая беседа с руководителем театра Г.А. Товстоноговым...

Днем 20 мая состоялась встреча Л. Хеллман с чилийским поэтом П. Нерудой.

22 мая присутствовала на открытии IV съезда советских писателей.

В 17.55 22 мая Хеллман улетела с аэродрома «Шереметьево» на родину»¹²⁷.

Отвечая в своем интервью на вопрос о состоянии современного русского театра и литературы, Хеллман отмечала: «В Москве образовалась замечательная компания литераторов и театралов, в Ленинграде эта компания называется театр Горького. Но я редко бывала на представлениях. Кажется, литература процветает. Я встретила с Солженицыным, он меня

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Ф. 631. Оп. 27. Ед. 408.

очень впечатлил. Видела я и Евтушенко. Мне говорили, что Вознесенский хороший поэт. Конечно, я могу читать его только в переводе. Мои русские друзья также сказали мне, что наиболее значительной фигурой сейчас является молодой человек из Ленинграда по фамилии Бродский, у которого, как мне кажется, неприятности политического характера»¹²⁸.

После отъезда из Москвы Хеллман не прекращала переписку с Орловой. Подруги обсуждали новинки литературного мира, творческие проекты, Хеллман рассказывала о литературных скандалах, то и дело разгоравшихся в американской печати. Среди американцев, фигурирующих в их переписке, мы находим У. Стайрона, А. Кейзинса, Дж. Апдайка, Н. Мейлера и др. Со Стайроном Хеллман связывала многолетняя дружба – они познакомились в 1953 г. на вечеринке Ирвина Шоу¹²⁹, и впоследствии жили по соседству на острове Мартас-Виньярд. В 1968 г. Стайрон со своей женой Роуз побывали в СССР, где лично познакомились с Орловой. В письме от 22 ноября 1968 Хеллман сообщала: «Рада, что тебе понравились Стайроны, потому что ты и Лев им очень понравились. Думаю, что она лучше провела время, чем он, но я мало с ними виделась после их возвращения домой. Отчасти потому, что они живут в деревне, а отчасти потому, я думаю, что мы с ним не так близки, как когда-то, хотя никаких размолвок¹³⁰ никогда не было. Спасибо тебе за водку, но она до меня не дошла, потому что он ее или выпил, или разбил, но все равно я тебе благодарна»¹³¹. Позже чета Стайронов помогала Орловой с книгами, необходимыми ей для ее проекта «Мосты»¹³², а вместе с Хеллман Орлова обсуждала появление сочинений У. Стайрона на

¹²⁸ Conversations with Lillian Hellman. P. 118

¹²⁹ The Official Webpage about American Author William Styron. URL: <https://william-styron.com/about/timeline/>

¹³⁰ В своей траурной речи на похоронах Хеллман У. Стайрон говорил: «Кажется, между нами было столько ссор, сколько не было между ни одним мужчиной и ни одной женщиной на земле. Мы постоянно воевали, но очень друг друга любили» - См. *Wright W. Lillian Hellman: the Image, the Woman*. P. 424.

¹³¹ Ф. 2548. Оп.1. Ед. хр.134.

¹³² *Абросимова В. Н. М О С Т Ы* (русско-американские литературные связи). https://erudyt.ru/tl_files/library/14896/14896_449.pdf

американском литературном рынке (в письме от 7 ноября 1966 – «Длинный марш», от 26 ноября 1970 – «Восстание Ната Тернера»).

Общий для Хеллман и Орловой русский круг друзей и просто знакомых включал Е. Голышеву¹³³, Е. Евтушенко, А. Солженицына и др. В 1966 г. Хеллман наблюдала за шестинедельным турне Евтушенко по штатам, делясь с Орловой впечатлениями: «Да, Евтушенко имел огромный успех. Я бы сказала, как великий киноактер. Меня всегда поражала способность людей, по крайней мере, некоторых, в определенное время становиться самыми модными в мире. Я ходила на одно из его чтений, и мне не очень понравились его стихи. Но держится от прекрасно, остроумен и умудрен житейским опытом»¹³⁴. Хеллман была известна слабостью, которую она питала к «звездам». По воспоминаниям Розмари Махони¹³⁵, «для нее [Хеллман – О.Щ.] было важно, чтобы все важные шишки острова¹³⁶ были вхожи в ее дом. Она могла запросто позвонить успешному и знаменитому соседу и представиться: “Это Лилиан Хеллман”»¹³⁷. Поэтому неудивительно, что фигура Евтушенко была небезынтересна писательнице. Кроме того, через него она пересылала в СССР книги, что свидетельствует об установившихся между ними неформальных, приятельских отношениях. В письме от 1 мая 1972 г. Хеллман пишет Орловой: «На этот раз Евтушенко должен был передать тебе “Сборник пьес”¹³⁸ и мой маленький подарок и много писем»¹³⁹.

¹³³ Совместно с Б. Изаковым Е. Голышева переводила пьесы Хеллман «Осенний сад», «Настанет день».

¹³⁴ Ф. 2548. Оп.1. Ед. хр.134.

¹³⁵ *Розмари Махони* (род. 1961) – американская писательница. В 1978 г. Хеллман наняла ее в качестве помощницы по хозяйству. Об этом лете, проведенном совместно с Хеллман, Махони впоследствии написала книгу. См. *A Likely Story: One Summer with Lillian Hellman*. Doubleday, 1998.

¹³⁶ Остров Мартас-Виньярд, штат Массачусетс. В 1956 г. Хеллман купила там коттедж, куда каждый год приезжала с середины мая до середины сентября. См. *Dresser T. Women of Martha's Vineyard*. Arcadia Publishing, 2013.

¹³⁷ *Dinneen J. An Unvarnished Woman // Martha's Vineyard Magazine*. URL: <https://mvmagazine.com/news/2019/07/01/unvarnished-woman>

¹³⁸ *Hellman L. The complete plays*. N.Y.: Little, Brown & Co., 1972.

¹³⁹ Ф. 2548. Оп.1. Ед. хр.134.

1.5. «Из американского далека»: советская рецепция творчества Хеллман в 1960-х-1980-х гг.

На излете 1969 г. Орлова наконец получила экземпляр книги воспоминаний Хеллман «Незавершенная женщина». В своем письме от 25 октября она писала своей американской подруге: «Снова и снова поздравляю, очень горда тобой, это действительно очень серьезная, важная, искренняя книга. Хотя она и блистательно написана, она нисколько не принадлежит к легкому чтению... Меня особенно тронули русские главы, – и испанские. Прочитала несколько американских рецензий, все положительные, но все, по-моему, лишены чего-то, – именно того, что и составляет суть дела»¹⁴⁰.

«Незавершенная женщина» вышла в печати в июне 1969 г., став бестселлером и завоевав престижную награду «National Book Award for Arts and Letters». Литературная форма, которую Хеллман придала своим воспоминаниям, напоминала серию «художественных скетчей»¹⁴¹. В них она не побоялась изобразить слабости и пороки своих близких. Из мемуаров читатель узнает о проблемах с алкоголем, психических расстройствах, беспорядочных связях возлюбленного писательницы Дэшила Хеммета и ее близкой подруги Дороти Паркер. Тем более в неприглядном свете выставлены враги Хеллман, с которыми она нещадно расправляется.

Отзывы о книге были чрезвычайно благожелательны¹⁴². Критики заметили, что многие пикантные подробности, а также интересные сюжеты остались за скобками – и в этой недоговоренности они увидели силу автора, дразнящего читателя и обрывающего мемуары словом «Однако»¹⁴³. Впоследствии журналисты предпринимали многочисленные попытки заполнить «белые пятна», объяснить, почему писательница обошла стороной

¹⁴⁰ Ф. 2545. Оп. 1. Ед. 134

¹⁴¹ Wright W. Lillian Hellman: the Image, the Woman. P. 334.

¹⁴² См., например, Young S. An unfinished woman: A public person's portrait of her private self // The New York Times. 1969. June 29; Lasson R. Something old, something new, something borrowed: An unfinished woman: A memoir: By L. Hellman // The Washington Post. 1969. June 22.

¹⁴³ Coe R. L. A Reluctant Confession: An Unfinished Woman by Lillian Hellman // The Washington Post. 1969. July 21.

две магистральные темы, определявшие контуры ее жизненного и творческого пути: театр и преследования НУАС. В интервью газете «The Guardian» Хеллман признавалась, что ее желание написать что-то о периоде маккартизма не увенчалось успехом из-за чрезмерной субъективности: «Я никогда не думала, что во мне таится столько злобы и горечи. Многие годы мне приходилось закрывать глаза на уродство людей... тех, кто не пришел на помощь обвиняемым»¹⁴⁴. Свежий пример того, как Хеллман относилась к трусости, был у всех на слуху. Бегство Кузнецова в Англию произошло в том же 1969 г., когда была напечатана «Незавершенная женщина». Именно поэтому в интервью о недавно вышедшей книге вопрос о том, насколько оправданы были резкие суждения Хеллман в адрес советского писателя, встал вновь. Писательница безапелляционно подтвердила: «Предательство есть предательство. Вам может это нравиться или нет... Я не говорю о том, что за это нужно наказывать. В войну борцам Сопротивления, если они могли продержаться в течение двух дней пыток, разрешалось предавать всех»¹⁴⁵.

Советские рецензии на «Незавершенную женщину» были более скупы нежели американские. В заметке по поводу публикации книги на английском языке приводился всего лишь ряд клишированных похвал: «Хеллман раскрывает перед читателем широкую панораму духовной жизни двух поколений американской творческой интеллигенции, подчеркивая, однако, своим нежеланием касаться чисто театральных вопросов вторичность искусства как такового по отношению к “искусству жить”. Несмотря на то, что писательница отводит себе в собственных воспоминаниях лишь скромную роль “второстепенного персонажа”, ее путь – от литературной поденщицы в Голливуде до всемирно известной писательницы – особенно

¹⁴⁴ Dobie L. Watch on the time: Lillian hellman (right) has just published her autobiography, «An Unfinished Woman» // The Guardian (1959-2003). 1969. October 25.

¹⁴⁵ Там же.

интересен и поучителен тем, что Хеллман принимала непосредственное участие в наиболее важных, этапных событиях своего времени»¹⁴⁶.

М. Коренева, работавшая переводчицей Хеллман в ее приезд 1967 г., напечатала несколько заметок о мемуарной прозе Хеллман¹⁴⁷ и перевод отрывка «Незавершенной женщины». В своей вступительной статье к переводу Коренева вспоминала: «Что касается пребывания Хеллман в СССР, то мне тогда посчастливилось лично познакомиться с ней — во время двух ее последних поездок в Советский Союз я была ее переводчиком и непосредственно ощутила притяжение острого и живого ума этой женщины, наблюдательность ее вдумчивого взгляда, схватывающего своеобразие деталей и обстоятельств и в то же время направленного на уяснение сути явлений, обаяние всей ее личности, исходящей из высших нравственных норм»¹⁴⁸.

Две других мемуарных книги «Пентименто» (Pentimento, 1973) и «Время негодяев» (Scoundrel Time, 1976) не были переведены на русский язык. «Пентименто» - книга портретов, мгновенно ставшая бестселлером в США. Орлова, читавшая хвалебные американские рецензии¹⁴⁹, сообщила подруге: «Я уже писала, что жду “Пентименто”. У меня есть экземпляр, но не от тебя, без автографа. И есть так много друзей, которые тоже ждут эту замечательную книгу, так что, пожалуйста, если возможно, пришли несколько экземпляров заказной бандеролью»¹⁵⁰.

В отличие от «Пентименто», «Время негодяев», посвященное процессам НУАС, скандализировало американскую общественность. Со всех сторон на писательницу посыпались обвинения в следовании двойным стандартам, искажении фактов и лжи – отвечать оппонентам ей пришлось до

¹⁴⁶ За рубежом. США // Театр. 1970. Февраль. № 2. С. 174.

¹⁴⁷ Коренева М. Лилиан Хеллман. Pentimento // Современная художественная литература за рубежом. М. 1975. Вып. 6. С. 45-47; Коренева М. Подлое время // Современная художественная литература за рубежом. М. 1989. Вып. 4. С. 89-91.

¹⁴⁸ Коренева М. Новые черты знакомого лица // Современная драматургия. 2012. № 3. С. 214.

¹⁴⁹ Schorer M. Pentimento // The New York times. 1973. September 23; Poirier R. Pentimento: A book of portraits: By L. Hellman // The Washington Post. 1973. September 16.

¹⁵⁰ Ф. 2548. Оп.1. Ед. хр.134.

конца своих дней. По выражению У. Райта¹⁵¹, это произошло потому, что Хеллман заявила, будто «либералы не дали решительного отпора маккартизму. Их молчаливая трусливая покорность привела к свирепой антикоммунистической кампании, и как следствие, Вьетнамской войне»¹⁵². Многим показалось, что Хеллман, обрушиваясь на маккартизм, недостаточно убедительно критиковала советский режим¹⁵³.

Р. Орлова, прочитавшая книгу в 1977 г., не заметила просталинистской позы, которая была очевидна для соотечественников Хеллман. Для Орловой важным оказался пафос обличения «друзей», ставших предателями: «Я поняла главное: и нам тоже не интересны наши никсоны: их слова и поступки можно предвидеть. Боль может принести лишь поведение тех, кого считали благородными, своими. Кто читал те же книги, и о которых казалось, – “они как я”. И, вдруг...»¹⁵⁴.

В 1950-е гг., когда советская пресса усиленно муссировала тему маккартистских преследований, «Время негодяев» могло бы произвести фурор. Однако почти двадцать лет спустя книга осталась по большей части незамеченной. Советскую пропаганду 1970-х гг. интересовали другие, более актуальные сюжеты, как например, борьба с диссидентами или война во Вьетнаме.

Что касается театрального мира, то в него спустя тридцать лет Хеллман вернулась как в США, так и в СССР со своими пьесами 1940-х гг. В Америке новая постановка «Лисичек» стала большим событием сезона 1967 г. По замечанию У. Райта, к концу 1960-х гг. Хеллман воспринимали как реликт другой эпохи: «Ожидалось, что она поставит на полку свою печатную

¹⁵¹ Уильям Райт (1931-2016) – автор первой биографии Хеллман «Лилиан Хеллман: образ, женщина», вышедшей в 1986 г. Как указывается в некрологе Райта, Хеллман выступала категорически против написания книги. Она подговаривала своих друзей, чтобы они не делились информацией с Райтом, а также планировала нанять собственного биографа. См. *Fox M. William Wright, Biographer of Lillian Hellman Dies, at 85 // New York Times. 2016. June 7.*

¹⁵² *Wright W. Lillian Hellman: the Image, the Woman. P. 244.*

¹⁵³ *Howe I. Lillian Hellman and the McCarthy Years // Dissent. 1976. Fall; Kazan A. The Legend of Lillian Hellman // Esquire. 1977. August 1; Glazer N. An Answer to Lillian Hellman // Commentary. 1976. June.*

¹⁵⁴ Ф. 2548. Оп.1. Ед. хр.134.

машинку и сложит в мешок пачки сногсшибательных рецензий 1940-х, и если не умрет, что произошло с ее коллегами (К. Одетс, М. Андерсон, Р. Шервуд), то исчезнет из поля зрения, как то сделали Элмер Райс и Торнтон Уайлдер»¹⁵⁵. Именно поэтому полноценная бродвейская постановка «Лисичек» стала для публики большим сюрпризом.

В Советский Союз «Лисички» возвратились в 1973 г. на сцену театра имени Ленинского комсомола, в то время как «Леди и джентльмены» оказались на подмостках учебного театра. Новая версия «Лисичек» понравилась критикам: рецензенты отмечали убедительную игру актеров, строгое и простое прочтение драматургического текста, интересное сценическое оформление¹⁵⁶. Орлова, посетившая эту постановку, в своем письме Хеллман от 2 октября 1973 г. делилась впечатлениями: «Пьеса вполне современна, как будто она написана вчера. Зал полон, что не часто бывает здесь, как и везде из-за телевидения. Люди на улице спрашивают, нет ли лишнего билета. Большинство зрителей – молодежь»¹⁵⁷.

Все это свидетельствует о том, что угасавшая в СССР к 1960-м гг. популярность Хеллман, постепенно вновь пошла в рост. Ее симпатии к либеральной интеллигенции не послужили для советской власти поводом предать ее творчество забвению и заклеить ее саму как «предателя и дезертира». Напротив, к 1970-м Хеллман удостоилась звания живого классика американской драматургии, и на фоне продолжавшегося дефицита зарубежного материала новые постановки ее драм пользовались большой популярностью.

Надо отметить, что сама Хеллман не выступала на Западе с обличительными речами в адрес СССР, как то делали Мальц и Фаст. В интервью последних лет она пыталась дистанцироваться от политики, заявляя, что даже ее антифашистские драмы нельзя назвать политическими.

¹⁵⁵ *Wright W. Lillian Hellman: the Image, the Woman. P. 300.*

¹⁵⁶ *Исакова М. Стая Хаббардов на охоте // Московский комсомолец. 1973. 13 октября; Бобров Э. Лисички // Вечерняя Москва. 1973. 4 октября.*

¹⁵⁷ Ф. 2545. Оп. 1. Ед. 134.

«Смотреть на мир вокруг и записывать увиденное на бумагу»¹⁵⁸, – так Хеллман определяла формулу своего творческого успеха.

¹⁵⁸ Conversations with Lillian Hellman. P. 49

ГЛАВА 2. АЛЬБЕРТ МАЛЬЦ: ОТ «РЕВОЛЮЦИОННОГО ПИСАТЕЛЯ» ДО ЛИТЕРАТУРНОГО НОН-КОНФОРМИЗМА

Альберт Мальц (1908-1985) принадлежит к поколению писателей, чья творческая карьера началась в знаковые для американской литературы «красные тридцатые». Потрясения Великой депрессии во многом сформировали его мировоззрение: в 1930-е гг. Мальц много путешествовал по Штатам, наблюдал за забастовками рабочих, а в 1935 г. он вступил в коммунистическую партию США.

В СССР произведения Мальца появились в середине 1930-х гг., причем его рассказы и пьесы были переведены на русский язык и опубликованы практически одновременно с их американским изданием. После Второй мировой войны, когда левое движение в Америке стало терять силу, в глазах советских критиков Мальц, в числе очень немногих авторов, оставался ярким представителем прогрессивной литературы США, гонимым и преследуемым маккартистскими «охотниками на ведьм». К концу 1950-х гг. тираж выпущенных в Советском Союзе сочинений Мальца приблизился к отметке 1650000 экземпляров, тем самым превысив количество напечатанных произведений Г.Б. Стоу, С. Льюиса, Э. Хемингуэя¹⁵⁹. Однако после 1960-х гг. его творчество оказалось полностью забытым в СССР. Безумно популярный в свое время писатель разделил судьбу его коллег – Джозефины Хербст, Агнес Смедли, Джека Конроя, Перл Бак, о которых на сегодняшний день знает очень ограниченный круг читателей.

Среди западных интеллектуалов, сочувствующих СССР, Мальца выделяет его активная просоветская позиция. Вплоть до хрущевской оттепели он не отрекался от идей большевиков, несмотря на тревожные новости о сталинских репрессиях. Мальц поддерживал кампании против политических преследований коммунистов у себя на родине, выступал за

¹⁵⁹ *Ruggles Melville J. American Books in Soviet Publishing // Slavic Review. 1961. Vol. 20. No. 3. P. 424.*

разрыв США с франкистской Испанией, безоговорочно встал на сторону Советского Союза с самого начала Второй мировой войны. Как и многие западные «попутчики», Мальц лично приезжал в Москву. Хотя эта поездка не стала для него откровением, в Советском Союзе он лично познакомился с семьей Копелева-Орловой, Борисом Полевым, Михаилом Аппетиним. «Роман с СССР» Мальца угас к 1960-х гг., когда он стал открыто позиционировать себя как антисталинист, сблизившись с советской либеральной интеллигенцией.

2.1. «Драматургия грядущих схваток»: Мальц и радикальная театральная традиция

В мир литературы Мальц приходит как драматург радикального толка в начале 1930-х гг. Окончив Йельскую школу драмы, он присоединился к новаторскому театру «Theatre Union». Появление подобных творческих объединений, бросавших вызов Бродвею – эмблема эпохи Великой депрессии. В Советском Союзе левые театральные группировки, связанные с компартией, МОПРОм, Межрабпомом, окрестили «революционными», а следовательно, прогрессивными и идеологически дружественными. В 1930-х гг. американские пьесы с выраженной пролетарской проблематикой, которые ставились на сценах «Theatre Union», «Лиги рабочих театров Америки», театра «Групп», активно переводились в СССР, а такие левые драматурги как Клиффорд Одетс, Элмер Райс, Роберт Шервуд, Максвелл Андерсон стали авторами первой величины.

На этой волне пролетарского интернационализма драмы Мальца нашли свой путь к советскому зрителю (читателю). В первых советских рецензиях 1930-х гг. Мальц предстает как молодой автор с «законченным революционным мировоззрением», который в отличие от именитого Ю. О'Нила¹⁶⁰, отличается классовой сознательностью и резистентностью к

¹⁶⁰ В СССР первые работы О'Нила были восприняты оптимистично. Бунтарский темперамент его пьес был созвучен пролетарской революционности. Однако его дальнейшее обращение к мистике, богоискательству, трагизму было воспринято как творческая деградация. См. *Заблудовский М.* От

упадническим настроениям¹⁶¹. Сам же Мальц, размышляя о генезисе своего драматургического метода, признавал, что он был сформирован как раз в русле театральной традиции Ибсена-О'Неила. Кроме того, обучаясь в Йеле, Мальц интересовался немецким импрессионизмом и экспрессионизмом. Среди пьес этого направления он выделял «Человека-массу» Эрнста Толлера, «От рассвета до полуночи» Георга Кайзера. Впоследствии советские критики уличали Мальца в излишней увлеченности «экспрессионизмом, который ослаблял действенность и реалистическую силу его пьес»¹⁶².

В 1929 г. Мальц столкнулся и с творчеством Брехта, когда он впервые увидел «Трехгрошовую оперу» в Берлине. Теорию «эпического театра» Мальц счел несостоятельной, отметив: согласно Брехту, «пьеса должна поучать, а для этого необходимо минимизировать эмоциональную вовлеченность аудитории в действие... Я думаю, это психологический нонсенс, и драматический нонсенс тоже»¹⁶³. Укрепить в этом убеждении Мальц смог на практике. В 1935 г. в «Theatre Union» стартовали репетиции пьесы «Мать», в которых Мальц принял участие как администратор. Эта драма представляла собой вольную адаптацию одноименного романа Горького, выполненную Брехтом. Неудивительно, что переписка и протоколы заседаний «Theatre Union», который позиционировал себя прежде всего как левый театр, свидетельствуют о заинтересованности в «Горьком, образчике советской литературы, чьи сочинения созданы в лучших традициях социального реализма, а не в Брехте и его инновациях»¹⁶⁴. Коллега Мальца Пол Питерс адаптировал «Мать» для американской сцены, придав драматическому действию динамизм и сведя к минимуму элементы эпического театра. Брехт оказался недоволен правками и в противовес исполнительному совету «Theatre Union» настоял на реконструкции

реализма к мистицизму // Литературный критик. 1934. Кн. 7-8. С. 210-217; *Абрамов А.* Конец бунтарства Юджина О'Нейля // Интернациональная литература. 1936. № 2. С. 144-150.

¹⁶¹ *Сен Б.* Революционный театр Америки // Театр и драматургия. 1935. №8. С. 2-6.

¹⁶² *Мальц А.* Рядовой Хикс // Американские театральные миниатюры. М.: Искусство, 1961. С. 85-86.

¹⁶³ *Maltz A.* The Citizen Writer in Retrospect. Vol 1. P. 334.

¹⁶⁴ *Baxandall L.* Brecht in America, 1935 // TDR. Bertolt Brecht. 1967. Vol. 12. No. 1. P. 70.

первоначального сценария. В итоге постановка пьесы «Мать» провалилась, оказавшись коммерчески неуспешной, в чем Мальц обвинял непосредственно Брехта¹⁶⁵.

Первой пьесой Мальца, переведенной на русский язык, стала драма «Мир на Земле» (*Peace on Earth*, 1932). В Америке эта постановка имела большой успех среди целевой аудитории «Theater Union»: в ней поднималась проблема империалистической войны, на которой наживаются капиталисты. Главный герой пьесы – профессор Питер Оуэнс решается на протест против крупных промышленников, отправляющих на континент боеприпасы в коробках из-под мыла, а также против своей родной университетской среды, обеспечивающей идеологическую поддержку господствующему классу.

Американские критики не слишком высоко оценили пьесу, осудив Мальца и его соавтора Джорджа Склара за чрезмерную патетику. Брукс Аткинсон писал: «Как антивоенная пропаганда “Мир на земле” крайне несостоятелен. Общая тональность пьесы сродни подростковой истерии, а положительные герои так же сентиментально-плаксивы, как и осуждаемые ими злодеи»¹⁶⁶. Пирси Хэммонд, критик «Herald Tribune», отмечал: «В течение 30 или более сцен в этой драме развивается военная тема, при этом с пеной у рта низвергаются военные бароны, наживающиеся на смертях людей, и их прихвостни. Театральная эффектность зачастую достигается примитивными способами, такими как сцены убийств, беспорядков, забастовок...»¹⁶⁷. Позднее Мальц и сам признавал, что «Мир на земле» был несколько вычурной и грубой пьесой¹⁶⁸. Однако, несмотря на прохладный прием критики, постановка не была снята. Билеты удалось распространить через рабочие объединения, поэтому на сцене «Мир на земле» выдержал 144 представления.

¹⁶⁵ *Maltz A. The Citizen Writer in Retrospect. Vol. 1. P. 334.*

¹⁶⁶ *Ibid. P. 245.*

¹⁶⁷ *Hammond P. The Theaters // New York Herald Tribune. 1933. November 30.*

¹⁶⁸ *Maltz A. The Citizen Writer in Retrospect. Vol. 1. P. 245.*

«Мир на Земле» был переведен на русский язык в 1936 г. Пьесу предварял отзыв Анри Барбюса: «“Мир на земле” является ярким отображением в драме темпов и злободневных тем американской жизни. Пьеса чрезвычайно удачно передает авторский замысел в форме сильного драматического действия. Большое впечатление произвели на меня сжатость пьесы и абсолютное отсутствие в ней лишних слов и жестов. Я буду писать и говорить о пьесе во Франции»¹⁶⁹. С этой пьесой связано первое упоминание Мальца советскими критиками. Так, в маленькой заметке «Сто раз “Мир на Земле”»¹⁷⁰, опубликованной в «Литературной газете» говорится о колоссальном успехе антимилитаристской пьесы А. Мальца и Дж. Скляра «Мир на Земле» (Peace on Earth, 1932), которая стала дебютной постановкой левого театра «Theatre Union».

Этой же драме была посвящена небольшая статья П. Балашова «Мир, Война, Революция», опубликованная в журнале «Знамя». В ней советский критик положительно отзывается о театре «Theatre Union», идейно противостоявшем бродвейским театрам, «стремившимся уйти, отгородиться от противоречий действительности».¹⁷¹

Некоторые советские критики согласились со своими американскими коллегами, критически восприняв «Мир на Земле». Рецензент журнала «Рабочий и театр» О. Шапиро нашел в пьесе «много недочетов» - то, что герои написаны одной краской, никак не эволюционируют в продолжение всего спектакля, а «вокруг – калейдоскоп американской жизни. Вакханалия джаза, фашистская организация ку-клукс-клана, женское общество защиты заключенных и т.д.». Шапиро резюмирует: «“Мир на Земле” – это буря в стакане воды. Все же на общем фоне безыдейного американского театра это был определенный сдвиг»¹⁷². Так или иначе, но «Мир на Земле» стал первой драмой, положившей начало формированию советского канона произведений

¹⁶⁹ Мальц А. Склар Д. Мир на Земле. М.: Цедрам, 1936. С.2.

¹⁷⁰ Сто раз “Мир на Земле” // Литературная газета. 1934. №42. С.1.

¹⁷¹ Балашов П. Мир, Война, Революция // Знамя. 1934. №8. С. 253.

¹⁷² Шапиро О. Театры Нью-Йорка // Рабочий и театр. 1934. № 35. С. 14-15.

Мальца. Упоминание о ней будет встречаться в большинстве последующих рецензий и статей, посвященных его творчеству.

Следующая пьеса, которая привлекла внимание в СССР – «Темная шахта» (Black Pit, 1935) – история о том, как рабочий Джозеф Коварский становится доносчиком. Мальц заимствует типичный для агитпроповского театра набор действующих лиц: провокатор-шпик, купленный компанией кадровик, всевластный хозяин, угнетаемые рабочие, профсоюзные активисты в подполье. Однако заданная сюжетными функциями односторонность характеров нарушается. Джо Коварский, который должен был возглавить протест против компании, становится осведомителем. Эту трагическую ошибку герой совершил, пытаясь раздобыть денег для сестры, у которой муж-шахтер стал инвалидом, и беременной жены, нуждающейся в докторе. Более того, Джо занесен в черные списки, поэтому он не может найти работу в другом штате. Таким образом, Мальц задействует «аристотелевскую механику» трагедии: благородный герой в силу обстоятельств совершает трагическую ошибку, которая в то же время делает его более человечным.

Далеко не все американские критики восприняли «Темную шахту» положительно. Брукс Аткинсон оставил следующий отзыв в «New York Times»: «Несмотря на то, что в пьесе представлены колоритные герои, и иногда мерцают вспышки местного юмора, пьеса написана на манер старых мелодрам театра Бауери¹⁷³... “Темная шахта” наименее оригинальна из всех пьес о пролетариате...»¹⁷⁴. Такое негативное мнение было, по словам Мальца, спровоцировано слухами, предшествовавшими постановке, согласно которым в «Темной шахте» автор оправдывает осведомителя¹⁷⁵.

16 мая 1935 г. С. Динамов попросил Мальца прислать пьесу «Темная шахта»¹⁷⁶. Через несколько месяцев «Интернациональная литература»

¹⁷³ Бродвейский театр, открытый в 1826 г. на средства богатых семей – европейских переселенцев. После пожара 1929 г. театр сгорел и не был восстановлен.

¹⁷⁴ *Atkinson B. The Play: “Black Pit,” Being Albert Maltz's Drama of Cool Miners in West Virginia // New York Times. 1935. March 21.*

¹⁷⁵ *Maltz A. The Citizen Writer in Retrospect. Vol. 1. P. 288.*

¹⁷⁶ РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 583. Л. 1.

подготовила перевод, предназначенный для французского издания. Этот вариант и отослали Мальцу, который не знал французского языка, поэтому в ответе он с иронией отметил: «Я надеюсь, что смогу найти человека, который сможет мне рассказать, как звучит диалект Западной Виргинии на французском»¹⁷⁷.

Однако на советской сцене «Темная шахта» так и не была поставлена. 15 сентября 1935 г. А. Курс¹⁷⁸ отправил запрос в Главное управление по контролю за зрелищами и репертуаром (ГУРК) с просьбой рассмотреть его перевод. Отзыв политредактора Гандурина оказался отрицательным, и пьесу запретили ставить на сцене. Политредактор отмечал: «Позиция автора по отношению к провокации и предательству неприемлема для нас. Он делает из Джо жертву, ставшую предателем в силу крайней степени классового гнета, сочувствует Джо и как бы пытается его оправдать. Предателями становились люди в подавляющей части под воздействием давления и угроз, иногда не выдерживали своей роли - кончали самоубийством. Но никому в голову не приходило печалиться о “страданиях” подлецов и оправдывать их хоть в какой-то степени. Автор американец видимо плохо понимает значение предательства в борьбе рабочего класса и отношение к нему рабочих. Отсюда неправильный подход к предателю, как и к предательству. Правда, быт рабочих, ненависть рабочих к предателю описаны ярко. Но он не разделяет этой ненависти»¹⁷⁹.

Последняя пьеса Мальца «Рядовой Хикс» (*Private Nicks*, 1935) была поставлена в США в 1935 г. Во время своего путешествия по штатам в 1934 г. Мальц стал свидетелем забастовки в Толедо. Во время протестов был застрелены четыре пикетчика, а нескольких солдат Национальной Гвардии отправили под трибунал, так как они отказались стрелять в рабочих¹⁸⁰.

¹⁷⁷ Там же. Л. 5. Пер. с англ. мой – *О.Ш.*

¹⁷⁸ Курс Александр Львович — журналист, литератор, отв. редактор газеты “Советская Сибирь”. В ноябре 1930 исключен из ВКП(б), расстрелян 30.12.1937 г. в Москве.

¹⁷⁹ РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 2. Ед. хр. 548. Л. 74-75.

¹⁸⁰ *Maltz A. The Citizen Writer in Retrospect. Vol. 1. P. 257.*

Подобным образом поступает и рядовой Хикс, главный герой одноименной драмы, который бросил свое оружие во время наступления на рабочих.

«Рядовой Хикс» имел большой успех среди рабочих трупп. Этому благоприятствовал формат драмы: одноактные пьесы было легко поставить вне оснащенного театра. «Рядовой Хикс» был высоко оценен и левыми объединениями. За него Мальц получил премию от Лиги нового театра и Американской лиги против войны и фашизма.

В то же время в СССР интерес к одноактным зарубежным новинкам стабильно рос. В 1930-х гг. советские критики с любопытством наблюдали за бумом скетчей, миниатюр и одноактных пьес, спрос на которые рождали «окраинные театры Нью-Йорка и Чикаго, обслуживающие главным образом рабочую аудиторию, федеральные “караван-театры”, кочующие по дорогам Америки на специально оборудованных грузовиках и дающие свои представления на открытом воздухе, радикальные студенческие клубы, театральные коллективы профессиональных организаций»¹⁸¹. Казалось, самые яркие драматурги, связавшие свою жизнь с левым движением (Клиффорд Одетс, Ирвин Шоу, Ленгстон Хьюз, Марк Блицштейн), не боялись пробовать себя в этом жанре.

«Рядового Хикса» ГУРК посчитал более идеологически верной, нежели «Темную шахту». В 1937 г. текст драмы был опубликован в сборнике одноактных пьес в переводе Ю. Смирнова¹⁸². Политредактор рекомендовал ее к публикации, отметив, что она «написана в хорошем драматическом тоне, культурным, грамотным языком»¹⁸³. Критик Гельфанд, чья рецензия сохранилась в архиве РГАЛИ, также положительно отзывался о «Рядовом Хиксе»: «Два рядовых американских пролетария вырастают в сознательных борцов за дело своего класса. Этот простой и весьма жизненный сюжет разработан Альбертом Мальцем в честной реалистической манере и с большим драматизмом. Думается, что «Рядовой Хикс» заслуживает и

¹⁸¹ *Абрамов Ал.* Одноактная пьеса в Америке // Советское искусство. 1939. 9 февраля.

¹⁸² Сборник одноактных пьес. М. – Л.: Искусство, 1937. С. 182-202.

¹⁸³ РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 3. Ед. хр.3616. Л. 2.

перевода на русский язык, и включения в программы спектаклей одноактных пьес»¹⁸⁴.

Таким образом, пьесы Мальца 1930-х гг. мало отличались от внушительного массива драматургического материала, вводимого в оборот радикальными театрами. Во многом Мальц заимствует темы и техники агитгрупп – региональных творческих объединений, репертуар которых составляли одноактные пьесы, скетчи, инсценировки, коллективные декламации на тему классовой борьбы. Чрезмерная патетика, невнимание к обрисовке образов, излишняя подражательность – такие упреки предъявляли Мальцу американские критики «буржуазных» газет. Напротив, левая пресса как в США, так и в СССР превращала эти недостатки в достоинства, считая политическое содержание пьес и откровенный дидактизм некоторых пассажей приметой нового театра будущего.

2.2. Рассказы Мальца в СССР (1935-1946)

Важным объектом литературной рецепции Мальца в СССР являются его рассказы. Начиная с 1930-х гг. радикальные писатели осваивали жанр пролетарского рассказа, при этом формат «революционных журналов», таких как, например, «Нью Мэссес», способствовал росту объема подобных сочинений¹⁸⁵. Тем не менее, даже левые критики признавали, что в «авторы-коммунисты» не создали ничего подобного «Уайнсбургу, Огайо» или «В наше время»¹⁸⁶. Как отмечал критик «Нью Мэссес» Алан Келмер, причина такого плачевного положения кроется в том, что «большинство пролетарских писателей не опираются на литературную традицию и не пытаются экспериментировать, а также обладают вульгарным, наивным представлением о том, какой должна быть революционная литература»¹⁸⁷.

¹⁸⁴ РГАЛИ. Ф. 1397 Оп. 1. Ед.хр. 502.

¹⁸⁵ Calmer A. The Proletarian Short Story // *New Masses*. 1935. July 2. P. 17.

¹⁸⁶ Ibid.

¹⁸⁷ Ibid.

Буквально через четыре года, в 1939 г. настроение левой критики сменилось. В двух авторитетных ежегодных изданиях (антология «Лучшие американские рассказы» и «Сборник рассказов премии О'Генри») стало появляться все больше пролетарских рассказов, а в 1938 г. А. Мальц и Р. Райт заняли два первых призовых места премии О'Генри. Этот триумф писателей-членов компартии был воспринят левой прессой как знак того, что пролетарский рассказ достиг своей зрелости. Как подчеркивал критик «Нью Мэссес» А. Шукотов, левые авторы не только определили тематический диапазон рассказов (фашистская агрессия в Испании, рост антисемитизма в Америке, проблемы расовых меньшинств и безработных), но и провели успешные эксперименты с формой. К примеру, Р. Райт вживил элементы мелодрамы в остросюжетный социальный конфликт («Пламя и облако», «Утренняя звезда»), а С. Бенне переоценил функции фольклорного и фантастического начал («Дьявол и Дениэл Вебстер», «За зубом к Полю Ревире»)¹⁸⁸.

Мальц написал более 15 рассказов, среди которых «Канун нового года» (1938) - зарисовка из жизни обитателей ночлежки, «Игра» (1938) - сын и отец воруют бутылку молока, чтобы спасти маленькую девочку от голодной смерти, «Письмо из деревни» (1937) – жестоком избиении членов фермерского профсоюза, «Прощай» (1936) – в поисках счастливой жизни сестра покидает оглохшего на производстве брата. Восемь из этих рассказов вошли в сборник «Такова жизнь»¹⁸⁹, изданный «International Publishers». Позже Мальц жалел, что согласился на контракт с «International Publishers», исключительно марксистской платформой, а не отдал сборник коммерчески успешному издательству¹⁹⁰. Он объяснял это некоторым комплексом писательской неполноценности, так как в то время он был еще никому не известным автором.

¹⁸⁸ *Shukotoff A. Proletarian Short Stories // New Masses. 1939. January 3. P. 22-23.*

¹⁸⁹ *Maltz A. The Way Things Are. New York: International Publishers, 1938.*

¹⁹⁰ *Maltz A. The Citizen Writer in Retrospect. P. 438.*

Сборник тепло принят американской критикой. Обозреватель «Saturday Review» восхищался разнообразием техник – от «голового» хемингуэевского диалога до импрессионистской зарисовки¹⁹¹. Сэмюэл Силен, обозреватель из «Нью Мэссес», отмечал драматическую доминанту поэтики Мальца и называл стиль его прозы драматическим реализмом, выгодно отличающимся как от «буквального реализма Фаррелла, так и от драматических абстракций Фолкнера»¹⁹².

В СССР рассказы Мальца печатали практически по горячим следам в номерах различных журналов («Интернациональная литература», «Молодая гвардия», «Резец», «Огонек»), а в 1941 г. они были опубликованы отдельным изданием¹⁹³. В советских рецензиях этого периода критики в унисон заявляли о масштабе дарования Мальца, чей талант были вынуждены признать «даже наиболее консервативные органы американской печати»¹⁹⁴. Красноречивым доказательством этого тезиса являлась победа писателя на конкурсе лучших новелл им О'Генри с его рассказом «Счастливейший человек на земле».

В 1939 г. П. Балашов посвятил Мальцу крупную статью «Успех молодого новеллиста», в которой он уделяет внимание не только прозе, но и менее известной советскому читателю драматургии Мальца. Критик отмечает, что «новеллы Альберта Мальца так же остры и драматичны, как и его пьеса. Перед нами новеллист, в котором сильна драматургическая жилка». Более того, Балашов поднимает вопрос литературных связей, акцентируя влияние Горького на творчество Мальца: «Там, где Мальц следует критически-революционному методу Горького, его мастерскому, глубоко правдивому изобличению «капиталистического свинства»... там он наиболее художественно и полноценно воссоздает американскую жизнь»¹⁹⁵. Позже сам Мальц признавал творческое влияние Горького, однако не менее

¹⁹¹ Strong Stories of the Dispossessed // Saturday Review. 1938. August 6.

¹⁹² Sillen S. Dramatic Realism // New Masses. 1938. July 26. P. 24.

¹⁹³ Мальц А. Человек на дороге. М.: Художественная литература, 1941.

¹⁹⁴ Альберт Мальц и Ричард Райт – лауреаты премии О. Генри // Интернациональная литература. 1939. № 1. С. 231.

¹⁹⁵ Балашов П. Успех молодого новеллиста // Интернациональная литература. 1939. №7-8. С. 171.

значительную роль он отводит и Леониду Андрееву, в частности, его «Рассказу о семи повешенных»¹⁹⁶.

2.3. «Узник совести»: преследования НУАС

С 1940 по 1947 гг. Мальц не публикуется в СССР. Такое «затишье» в отношениях с СССР можно объяснить двумя причинами: войной и тем, что Мальц в эти годы был занят в основном работой в Голливуде, стремясь поправить свое финансовое положение. Однако он не забывал о своих советских коллегах, продолжая переписку с редакторами «Интернациональной литературы».

Именно в это время в США выходят его романы «Глубинный источник» («Underground Stream», 1940) и «Крест и стрела» («Cross and Arrow», 1944). В Советском Союзе эти романы были опубликованы только в 1949 г. и 1961 г. соответственно. Переписка по изданию «Глубинного источника» велась с Мальцем еще в 1941 г.: редакция «Интернациональной литературы» просила срочно переслать копию романа для перевода, но до публикации дело так и не дошло¹⁹⁷.

В целом, Мальц регулярно спрашивал о том, какие из его рассказов были опубликованы в России. Его волновала не только репутационная, но и финансовая сторона этого вопроса. Весь свой литературный гонорар, накопившийся до 1941 г., Мальц пожертвовал на борьбу СССР с Германией¹⁹⁸. Как указывает в своем докладе советскому информбюро Т. Рокотов, исполнявший обязанности ответственного редактора «Интернациональной литературы», за публикацию книги рассказов «Человек на дороге» и рассказов «Канун нового года», «Самый счастливый человек на Земле», «Игра» Мальцу причиталось 3.600 рублей¹⁹⁹.

¹⁹⁶ *Maltz A. The Citizen Writer in Retrospect. Vol. 1. P. 412.*

¹⁹⁷ РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 583. Л.7.

¹⁹⁸ РГАЛИ Ф.1397. Оп.1. Ед. хр. 583. Л.10.

¹⁹⁹ *Maltz A. The Citizen Writer in Retrospect. Vol. 2. P. 558.*

Советская сторона высоко оценила инициативу Мальца и сердечно поблагодарила его за материальную «помощь общему делу борьбы против нацистской тирании»²⁰⁰. Этот жест доброй воли не был забыт и Конгрессом, когда в 1947 г. Мальцу вменили в вину финансовую поддержку СССР. В докладе сенаторской комиссии по расследованию антиамериканской деятельности отмечалось: «Альберт Мальц проявляет неподдельный интерес к Советскому Союзу. В газете “Народный мир” от 11 марта 1943 г. была помещена фотография Мальца, который был аттестован как знаменитый американский писатель, отправивший в Москву следующую телеграмму: “Пожалуйста, используйте мой литературный гонорар на защиту Советского Союза”»²⁰¹.

Военные годы в Голливуде оказались для Мальца крайне плодотворными. Как известно, многие писатели того времени работали на кинематографические компании, чтобы обеспечивать себе высокий уровень жизни. В Голливуде были готовы предложить огромные гонорары Ф.С. Фицджеральду, У. Фолкнеру, Р. Чандлеру, О. Хаксли, Б. Брехту. Не остались обиженными и авторы второго ряда. Так, Мальц вспоминает, что, работая над фильмом «Плащаница» (The Robe, 1953), он получал 1 000 долларов в неделю²⁰². Тем не менее, Мальц был недоволен тем скромным местом, которое отводилось писателю (сценаристу) в производственной цепи киноиндустрии. Нередко над одним сценарием могли работать сразу несколько писателей, к которым относились, скорее, как к техническому персоналу.

Кинематографическая деятельность Мальца была достаточно успешной. До заключения в тюрьму он работал над фильмами «Разгром немецких войск под Москвой» (Moscow strikes back, 1942), «Место назначения Токио» (Destination Tokyo, 1943), «Гордость морской пехоты»

²⁰⁰ Ф. 1397. Оп.1. Ед. хр. 583. Л.15.

²⁰¹ Report of the Senate Fact-Finding Committee on Un-American Activities, 1948 : Communist Front Organizations - https://archive.org/stream/reportofsenatefa00calirich/reportofsenatefa00calirich_djvu.txt

²⁰²

(Pride of the Marines, 1945), «Дом, в котором я живу» (The House I Live In, 1945). Особый интерес для советской стороны представлял сценарий, написанный Мальцем по советскому документальному фильму «Разгром немецких войск под Москвой». В 1942 году компания «Artkino Pictures», которая имела эксклюзивные права распространять продукцию советского кинематографа на территории США, взялась за адаптацию фильма к вкусам американской аудитории. Поскольку изначально фильм представлял собой документальную хронику, снятую в режиме реального времени на линии фронта, единая сюжетная линия отсутствовала. Как утверждает Мальц в своей устной автобиографии, он работал над этим проектом на добровольных началах²⁰³. В его задачи входило не только написать комментарий, который бы сделал фильм понятным американскому зрителю, но и благодаря ему обеспечить логическую связность сцен, поскольку она не достигалась визуальным рядом.

Безусловно, в эпоху союзнических отношений фильм был тепло принят американскими критиками. Рецензент «New York Times» отмечал: «Сказать, что “Москва наносит ответный удар” – это отличный фильм, означало бы прибегнуть к неуместным клише. Славко Воркапич превосходно отредактировал материал, Альберт Мальц написал лаконичный комментарий, а Эдвард Г. Робинсон с чувством его озвучил, и все-таки, эта работа не сопоставима с тем, что сделали создатели фильма»²⁰⁴. Более того, фильм наградили главным призом Голливудской кинематографической академии в номинации «Иностранные документальные фильмы», а Нью-Йоркское общество кинокритиков признало фильм лучшим военным документальным фильмом 1942 года. Сам Мальц в письме главному редактору «Интернациональной литературы» Б. Сучкову от 16 апреля 1944 г. подчеркивал, что военные фильмы популярны в Америке, так как

²⁰³ Maltz A. The Citizen Writer in Retrospect. Vol. 1. P. 524.

²⁰⁴ Ф.2548. Оп.1. Ед.хр.92. Л. 1.

американцы помнят о героической борьбе СССР и с нетерпением ждут, когда последний захватчик будет прогнан с советской земли²⁰⁵.

Послевоенное возвращение Мальца на советскую орбиту состоялось в 1947 г., когда он получил повестку в Конгресс на слушания комиссии по расследованию антиамериканской деятельности (House Un-American Activities Committee - HUAC). Как и другие видные деятели американского кинематографа (Джон Говард Лоусон, Дальтон Трамбо, Альва Бесси, Лестер Коул, Ринг Ларднер младший), Мальц был обвинен в неуважении к Конгрессу и в итоге приговорен к году тюремного заключения и штрафу. Кроме того, писателя занесли в «черные списки» Голливуда, поэтому ни одна кинематографическая компания не могла предложить ему контракт. Объясняя создание «черных списков», HUAC натаивала на том, что члены компартии, занимавшиеся изготовлением сценариев, могли превратить фильм в орудие коммунистической пропаганды. За неимением более выразительных примеров комиссия Конгресса напала на три просоветских фильма: «Mission to Moscow» (1943), «Song of Russia» (1943), «North Star» (1943), обходя вниманием тот факт, что все они были сняты во времена союзнических отношений с СССР. Мальцу, также трудившемуся над просоветскими военными фильмами, эти обвинения казались алогичными.

Вплоть до заключения в тюрьму – а слушания по делу длились почти три года, Мальц и другие члены «голливудской десятки» проводили многочисленные митинги, встречи, конференции, привлекая к себе внимание общественности. Стенограммы этих речей, а также открытые письма, обращения, воззвания составляют внушительный массив литературно-публицистического наследия писателя. Впоследствии они вошли в сборник «Писатель-гражданин, эссе в защиту американской культуры»²⁰⁶.

Одно из первых выступлений Мальца в защиту себя и своих друзей состоялось 11 июля 1947 г. в Лос-Анджелесе на заседании секции

²⁰⁵ Ф. 631. Оп. 14. Ед. 1095.

²⁰⁶ *Maltz A. Citizen Writer, Essays In Defense of American Culture. New York: International Publishers, 1950.*

литературы конференции протеста против контроля над мыслью США. В своей речи «Писатель – совесть народа»²⁰⁷ он негативно оценивает авторов, удалившихся в башню из слоновой кости, восторгаясь знаменитыми художниками, которые были вовлечены в политические пертурбации своего времени. В частности, он упоминает Золя и дело Дрейфуса, Байрона и греческую революцию, Толстого и голод в России. Русскому контексту Мальц уделяет особое внимание: «Не в первый и не в последний раз Толстой шел против тех, кто правил его народом. Так же поступали и многие другие писатели его времени. Великие произведения русской литературы XIX столетия были созданы не безучастными наблюдателями, для которых жизнь являлась кукольным представлением. Полицейские архивы того времени говорят о другом... Писатель и драматург Максим Горький был приговорен к тюремному заключению за революционную деятельность... Антон Чехов отказался от звания академика в знак протеста против приказа царя об исключении из Академии Максима Горького»²⁰⁸. Все эти примеры служат иллюстрацией тезиса о том, что писатель должен иметь активную гражданскую позицию, но она может поставить его будущее под угрозу.

В июне 1948 г. Мальц совместно с Т. Манном председательствовал на Голливудской конференции в защиту мира и сразу после принимал участие в митинге в защиту членов правления Объединенного антифашистского комитета по делам беженцев – именно по делу этого комитета в качестве обвиняемого проходил Г. Фаст. На страницах газеты «Saturday Review» Мальц призывал влиятельных писателей (Э. Хемингуэя, Дж. Дос Пассоса, С. Льюиса, П. Бак, Р. Шервуда) присоединиться к протестам в защиту американцев, поддержавших испанских беженцев во время гражданской войны, «прервать свои труды и сотрясти небеса своим праведным гневом», однако никто из них не откликнулся²⁰⁹.

²⁰⁷ Ibid. P. 11.

²⁰⁸ *Мальц А.* Избранное. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1951. С. 552.

²⁰⁹ *Maltz A.* The Citizen Writer in Retrospect. Vol. 2. P. 728.

Активно участвуя в политической жизни страны, одновременно Мальц работал над своим романом «Путешествия Саймона Маккивера». Когда он вышел в печати, киностудия «Fox» изъявила желание купить права на его экранизацию. Однако под давлением херстовской прессы²¹⁰ «Fox» отказалась от своей идеи. В связи с запрещением экранизации «Путешествия Саймона Маккивера» возмущенные члены «голливудской десятки» созвали митинг в театре El Patio 25 марта 1949 г. На нем Мальц выступил с речью «Заговор против народа». Однако активная общественная позиция Мальца не спасла его от тюрьмы. В 1950 г. состоялось его последнее выступление на митинге, организованном Комитетом искусств, наук и ремесел (Arts, Sciences and Professions Committee), с речью под названием «Накануне заключения в тюрьму».

За ходом репрессий против «Голливудской десятки» в СССР следили самым внимательным образом. Стенограммы речей Мальца появлялись на страницах «Правды»: «Процессы прогрессивных деятелей Голливуда»²¹¹, «Мы будем бороться за мир в любых условиях»²¹². В то же время в «Литературной газете» публикуются заметки «Народ США - за мир!»²¹³, «Заговор против народа»²¹⁴, «Будем действовать!»²¹⁵.

Материал подобного рода был востребован в СССР во время холодной войны. В своих обличительных речах Мальц говорил о гонениях на коммунистов, ущемлении прав американского народа, фашистском образе жизни в США. Писатель сообщал, что за чтение Говарда Фаста или просмотр советских фильмов люди могут лишиться работы²¹⁶. Эти выразительные подробности придавали красок публикуемым в СССР антиамериканским материалам, кочуя из одного программного сборника в другой.

²¹⁰ Медиаконгломерат, основанный У. Херстом.

²¹¹ *Мальц А.* Процессы прогрессивных деятелей Голливуда // Правда. 1948. 13 января

²¹² *Мальц А.* Мы будем бороться за мир в любых условиях // Правда. 1950. 19 июля.

²¹³ Литературная газета. 1949. 13 апреля.

²¹⁴ Литературная газета. 1949. 5 октября.

²¹⁵ Литературная газета. 1949. 1 января.

²¹⁶ Литературная газета. 1949. 5 октября.

В 1951 г. Мальц вышел из тюрьмы, решив отдалиться от политики и полностью посвятить себя сочинительству. Вместе с женой и детьми он переехал в Мексику, где к тому времени образовалась целая колония политических изгнанников-американцев. В целом, Мексика имела репутацию страны-политического убежища еще с середины 1930-х гг.: туда эмигрировали активисты, бежавшие от фашистского режима в Германии и Испании, оппозиционеры сталинского режима, а затем и американские коммунисты. В эмиграции Мальц провел почти десять лет (1951-1962).

В СССР не заметили желания Мальца дистанцироваться от политики. В прессе продолжались публиковаться антиамериканские материалы²¹⁷, приветствия международным конгрессам в защиту мира²¹⁸, а в 1951 г. вышел сборник рассказов Мальца²¹⁹, куда вошли и стенограммы его выступлений.

Кроме того, имя Мальца неоднократно упоминалось на страницах тематических сборников о «прогрессивной западной литературе», вышедших в СССР в период послевоенного антизападничества: его позиционировали как драматурга, публициста, участника движения в защиту мира и опального голливудского кинематографиста. Так, в статье, открывающей сборник «Прогрессивная литература стран капитализма в борьбе за мир» (1952), И. И. Анисимов вносит Мальца в реестр «талантливых литераторов и подлинных бойцов» Америки наряду с Г. Фастом, М. Уилсоном, А. Сакстоном, С. Геймом, Д. Олменом, А. Каном и немногими другими.

Отдельная статья этого сборника была посвящена процессам над «голливудской десяткой». Опираясь на книгу Г. Кана «Прогрессивные деятели Голливуда перед судом»²²⁰, Л. Д. Кислова подробно описывает ход слушаний по делу «десятки», особое внимание уделяя советской теме: «Владельцы кинофильм Д. Уорнер и Л. Мейер каялись в том, что в прошлом из их студии вышли такие коммунистические фильмы как “Миссия в

²¹⁷ *Мальц А.* Преследования прогрессивных элементов в США // Правда. 1952. 18 мая; Угроза маккартизма // Новое время. 1954. № 42. Октябрь.

²¹⁸ Правда. 1953. 27 апреля.

²¹⁹ *Мальц А.* Избранное.

²²⁰ *Kahn G.* Hollywood on Trial. New York: Boni and Gaer, 1948.

Москву”, “Песнь о России” и другие... На вопрос Томаса – “много ли пропаганды включил Мальц в ‘Гордость морской пехоты’, Уорнер мог ответить лишь следующее: “Клянусь богом, ему это не удалось, хотя он и пытался”»²²¹. Двадцать пять лет спустя в устной автобиографии Мальц не переставал удивляться, почему столь несуразные ответы «дружественных свидетелей» комиссии не вызвали шквала негодования широкой общественности²²².

В другом программном сборнике эпохи холодной войны «Буржуазный театр на службе империалистической реакции» (1952) Мальц предстает в амплуа драматурга, который написал в довоенные годы яркие социальные пьесы «Мир на Земле», «Темную шахту» и «Рядового Хикса». При этом современной американской драме авторы сборника выносили безапелляционный приговор: на Бродвее есть «свои “корифеи”»: Юджин О’Нил, Филипп Барри, Вильям Сароян, Теннесси Уильямс и другие, “творчество” которых питается реакционными идеями Ницше, Фрейда, Джорджа Сантаяны и других идеалистов – философов и психологов. Фрейдизм, сводящий все жизненные явления к сексуальным причинам, нашел себе в США вторую родину»²²³. По мнению советских литературоведов, противостояло этой группе «реакционных буржуазных драматургов» объединение прогрессивных авторов, в их числе, А. Мальц с пьесой «Дело Моррисона», Г. Фаст с «Тридцатью серебряниками», Д. Гоу и А. Д’Юссо с «Глубокими корнями»²²⁴. Очевидно, в 1940-1950-х гг., когда американский театральный мир претерпевал кардинальные изменения, советская критика игнорировала новые тенденции, выдавая устаревшие пьесы 1930-х и совершенно незнакомые американскому зрителю драмы

²²¹ Кислова Л. Прогрессивные деятели Голливуда и американская реакция // Прогрессивная литература стран капитализма в борьбе за мир. М.: Издательство Академии наук СССР, 1952. С. 362-363.

²²² Maltz A. The Citizen Writer in Retrospect. Vol 2. P. 663.

²²³ Аникст А. Упадок и разложение буржуазного театра // Буржуазный театр на службе империалистической реакции. М.: Издательство Академии наук СССР. 1952. С. 34.

²²⁴ Там же. С. 48.

просоветски настроенных авторов за последнее слово прогрессивного движения.

2.4. Издание романов Мальца.

На волне возросшей популярности Мальца как писателя-активиста, советская сторона обратила внимание и на его прозу, которая не была освоена во время Второй мировой войны.

Основной темой первого романа Мальца «Глубинный источник» стала практика ведения классовой борьбы. Принси, лидера профсоюзной организации автомобильного завода, зверски убивают члены «Черного легиона», так как он отказался доносить на своих коллег. В устной автобиографии Мальц вспоминал, что начал работу над «Глубинным источником» еще в 1937 г. К тому времени в США жанр пролетарского романа уже завоевал скандальную репутацию в том смысле, что зачастую ему отказывали в художественной ценности, признавая за ним лишь пропагандистский потенциал. Даже марксистские критики были озабочены тем, в какой творческий тупик могут завести «революционный дидактизм», обилие лозунгов, оптимистические концовки²²⁵.

Принимаясь за «Глубинный источник», Мальц поставил себе двойственную задачу. С одной стороны, он собирался написать картину социальной несправедливости, изобразив быт рабочих и деятельность подпольной коммунистической ячейки. С другой – он хотел избежать ловушек «журналистской» прозы и выступить художником, а не хроникером. Работая над романом, Мальц изучал приемы «лаконичного и точного» письма Андреева («Рассказ о семи повешенных») и А. Мальро («Судьба

²²⁵ Подробнее об этом см. *Foley B. Radical Representations: Politics and Form in the US Proletarian Fiction, 1929-1941. London: Durham University Press, 1993.* Среди рецензий на романы различных левых авторов, в которых осуждался излишний пропагандистский напор, мы находим *Brooks O. In the Mold of Poverty // Partisan Review. 1936. February; Calmer A. Reader's Report // New Masses. 1935. September 10; Field A. Soviet Tempo in an American Novel // New Masses. 1943. June 11.* и др.

человека»), которое привлекало его гораздо больше, чем «сочная», затейливая проза Т. Вулфа²²⁶.

Отзывы американской критики на вышедший в 1940 г. «Глубинный источник» оказались неоднозначными. Альфред Кейзин, критик «New York Herald Tribune», признавал: «“Глубинному источнику” много чего недостает – и того, что пользуется популярностью среди пролетарских Гомеров, и того, что мы были бы рады видеть в современном американском романе. И все же Мальц говорит о важном. И говорит он об этом убедительно»²²⁷. Ральф Томпсон, обозреватель «Дэйли Нью Йорк Таймс», упрекал Мальца в излишней политизации сюжета: «По факту, роман является гимном во славу партии, ее политики, ее методов, ее лидеров и рядовых. Едва ли стоит рассматривать «Глубинный источник» вне этих рамок»²²⁸. Комментируя эти противоречивые оценки в устной автобиографии, Мальц делал предположение, что если бы роман вышел до заключения советско-нацистского пакта о ненападении, то «Глубинный источник» не подвергся бы критике с политических позиций и был бы принят рецензентами гораздо теплее²²⁹.

В СССР роман был напечатан в 1949 г. в переводе В. Лимановской²³⁰. Советские критики оценили «Глубинный источник» высоко, но выдвинули ряд схожих замечаний. Ольга Немеровская, признавая заслуги Мальца в создании «положительного героя»²³¹, заключает, что отрицательные герои ему не удались, так как он вдался в неуместный анализ их переживаний: «Мальц не сумел отойти от привычных штампов буржуазной литературы, например, в описании страсти Гребя к Аделаиде Келлог... или нелепого

²²⁶ Maltz A. The Citizen Writer in Retrospect. Vol. 1. P. 483.

²²⁷ Kazin A. Here Is a Left-Wing Writer Who Can Write // New York Herald Tribune Books. 1940. 30 June.

²²⁸ Maltz A. The Citizen Writer in Retrospect. Vol. 1. P. 480.

²²⁹ Ibid.

²³⁰ Мальц А. Глубинный источник. М.: Воениздат, 1949.

²³¹ Немеровская О. Борьба принимает новые формы // Звезда. 1950. № 5. С. 187.

поведения ее пьяного жениха, разглагольствующего на политические темы»²³².

Подобный упрек бросал в адрес Мальца и М. Мендельсон, который упоминал «Глубинный источник» в предисловии к сборнику произведений Мальца 1951 г. По мнению критика, «не все страницы романа, раскрывающие образ Гребя, одинаково удачны. Ничего нового, например, не вносит в характеристику Гребя рассказ о его “роковой” любви к дочери Келлога Аделаиде»²³³.

В рецензии критика Рубина, сохранившейся в архиве РГАЛИ, повторяется та же претензия: «Видимо, желая избежать штампованного изображения положительных и отрицательных персонажей, Мальц попадает под влияние другого штампа. В заботе о максимальной сюжетной занимательности он оказывается в плену у некоторых, далеко не лучших традиций авантюрного романа. Отсюда, ряд дешевых безвкусных приемов, иногда применяемых автором, как бы нарочито, в угоду требованиям жанра. В книге появляется “женщина-вампир” Аделаида Келлог, в которую с первого взгляда влюбляется роковой любовью Джеффри Грэбб. В сценах между Грэббом и его любовницей и даже в сценах, рисующих отношения Бетси и Принси, явно проступает налет натурализма».²³⁴

Как следует из приведенных цитат, советские критики сходились во мнении о том, что американскому автору не следует изображать владельцев фабрик, подкупленных полицейских, сотрудников службы безопасности как сложноустроенных и противоречивых персонажей. Их личная жизнь и интимные переживания должны были остаться за рамками повествования.

Дискуссия о том, как рисовать «отрицательных героев», широко велась и в США. В ней Мальц лично принял участие, став жертвой нападок, которые посыпались на него со страниц журнала «Нью Мэссес». В своем эссе

²³² Там же.

²³³ Мендельсон М. Предисловие // Мальц А. Избранное. С. 15.

²³⁴ Ф. 1397. Оп.1. Ед.хр. 517 а. Л.10.

«Что нам ждать от писателей?»²³⁵ он критикует вульгарно понятую концепцию «искусство как оружие»²³⁶. Ее адептами на тот момент были многие известные левые авторы, в том числе Майкл Голд, Говард Фаст, Джон Говард Лоусон, Сэмьюэл Силлен.

Мальц попытался опровергнуть господствующий среди левых критиков подход к литературе²³⁷. По его мнению, эстетические суждения не должны быть эквиваленты идеологическим. Художественное произведение – это не агитационный материал наподобие листовок. К нему стоит подходить с особым аналитическим аппаратом, не зависящим от текущей политической ситуации. Поддерживая свой тезис, Мальц перечисляет целый ряд авторов, создавших великие произведения, но в разное время пострадавших от партийной цензуры. Среди них он упоминает Джона Стейнбека, Джеймса Т. Фарелла, Лилиан Хеллман, Ричарда Райта.

Как утверждает Мальц, социально сознательные писатели зачастую изображают своих героев в черно-белых тонах, стремясь показать несостоятельность оппозиционной идеологии. В этом проявляется узость мышления и недостаток их творческого потенциала. Напротив, великие авторы, такие как Бальзак, Достоевский, Шолохов, делают даже отрицательных персонажей человечными, объясняя и мотивируя их поступки. Любопытным в данном отношении является мальцевский анализ романа «Тихий Дон». То, что Шолохов с симпатией рисует образ Григория Мелехова, уставшего от войны и стремящегося к крестьянской жизни, не извращает марксистского взгляда на историю. Напротив, понимание

²³⁵ *Maltz A. What shall we ask of writers? // New Masses. 1946. February 12. P. 19-22.*

²³⁶ Впервые эта концепция была сформулирована Лениным. Вновь получила широкое распространение после Первого съезда советских писателей в 1934 г., на котором А. Жданов выступил с речью о достижениях советской литературы и ее функционировании как оружия в классовой борьбе.

²³⁷ До публикации эссе Мальца в «Нью Мэссес» в похожем ключе велась полемика о живописи, риторическом потенциале фольклорных и традиционных форм. Подробнее об этом см. *Burnett C. The “Albert Maltz Affair” and the Debate over Para-Marxist Formalism in New Masses, 1945-1946 // Journal of American Studies. 2014. Vol. 48. No. 1. P. 223-250.*

сущности классового антагонизма и способность автора показать правду каждой стороны спасают роман от плоскости и схематизма.

Линия аргументации Мальца была не нова. Как доказывает Б. Фаули, на протяжении 1930-х гг. многие марксистские критики противились сводить пролетарскую литературу к набору риторических стратегий, служащих пропагандистским целям²³⁸. Им было очевидно, что стерильность, доктринерство, догматичность не имели завтрашнего дня и не способствовали росту популярности пролетарских сочинений у массовой аудитории. Критике такого рода подвергались романы «Печь свой хлеб» (1932) Г. Лампкин, «Из царства необходимости» (1935) И. Шнайдера, «Московский янки» (1935) М. Пейдж и многие другие.

Хотя Мальц писал исключительно о проблемах эстетики, на фоне ситуации с Эрлом Браудером²³⁹ его статья была воспринята как политическое высказывание. С. Силлен, М. Голд, Г. Фаст и др. выступили с жесткой критикой, разобрав его эссе на цитаты и доказывая ошибочность каждой тезы. Гнев оппонентов Мальца вызвал не только теоретический костяк, но и приводимый им ряд иллюстраций. Так, Фаст заявлял: «Мальц ведет не просто прямую атаку на левую критику. В основе его аргументов лежит неприятие всего прогрессивного движения в Америке. Не случайно он выделяет Фаррелла, Райта и Кестлера, чтобы поддержать реакционную по своей сути точку зрения»²⁴⁰.

Сам Мальц никогда не считал себя крупным марксистским теоретиком. Он и не претендовал на то, что в своем эссе изложил «десять заповедей, которые должен был защищать, как свою честь»²⁴¹. Не желая прослыть ренегатом и пытаясь разъяснить свою позицию, в апреле 1946 г. он

²³⁸ *Foley B. Radical Representations. P. 130.*

²³⁹ В 1944 г. лидер КП США Эрл Браудер предложил распустить партию и создать «Коммунистическую политическую ассоциацию», настаивая на мирном существовании капитализма и социализма. Однако XIII съезд американской компартии отверг эту линию, исключив Браудера из компартии.

²⁴⁰ *Fast H. Art and Politics // New Masses. 1946. February 26. P. 7.*

²⁴¹ *Maltz A. The Citizen Writer in Retrospect. Vol. 2. P. 573.*

опубликовал новую статью²⁴², в которой признал, что глубоко заблуждался: «Никто не отрицает, что на протяжении 1930-х гг. левая критика не всегда была глубока, профессиональна и полезна. Тенденции к доктринерству и механическому применению социального критицизма не способствовали ее росту. И эти тенденции необходимо понять и проанализировать, если мы хотим, чтобы культура рабочего класса достигла полного расцвета. Но, с другой стороны, неадекватность критики, какой бы она ни была, — это лишь небольшая, локальная проблема левого культурного движения в целом»²⁴³, в недрах которого, как дальше указывает Мальц, зреют таланты мирового масштаба.

Вирази этой американской полемики, развернувшейся на страницах «Нью Мэссес» и «Дэйли Уоркер», в СССР терялись из виду. Суммируя дискуссию, М. Мендельсон упрощал: эссе Мальца «Что нам ждать от писателей?» «свидетельствовало об ослаблении его идейных позиций». В нем американский писатель высказал «глубоко ошибочные взгляды на литературу, по сути дела утвердив автономию художественного метода от мировоззрения художника»²⁴⁴. Но самым главным для советской стороны было то, что в конечном счете Мальцу удалось отделить зерна от плевел, то есть остаться в партии, не выказав непримиримости в отношении партийного диктата.

Значительной вехой освоения творчества Мальца в СССР стала публикация однотомного собрания его сочинений²⁴⁵ в 1951 г. В него вошли десять рассказов, пьесы «Темная шахта» и «Рядовой Хикс», сокращенный перевод «Глубинного источника», а также статьи Мальца политического характера²⁴⁶. М. Мендельсон снабдил это издание вступительной статьей, в которой давал краткую характеристику всего творчества Мальца и заключал: «В условиях современной жесткой схватки двух лагерей Мальц

²⁴² Maltz A. Moving Forward // New Masses. 1946. April 9. P.8.

²⁴³ Ibid.

²⁴⁴ Мендельсон М. Предисловие. С.19.

²⁴⁵ Мальц А. Избранное.

²⁴⁶ «Писатель – совесть народа», «Приговор истории», «Накануне заточения в тюрьму».

зарекомендовал себя искренним другом лагеря демократии, возглавляемого Советским Союзом... Вместе с Полем Робсоном, Говардом Фастом, Дюбуа и другими Мальц находится в первом ряду американских деятелей литературы, науки и искусства, борющихся против империалистов США»²⁴⁷.

Следующий после «Глубинного источника» роман Мальца - «Крест и стрела» (1944). По воспоминаниям автора, написание романа его сподвигло распространенное в середине 1940-х гг. мнение, что в немцах генетически заложено стремление к войне, и следовательно, это порочная, агрессивная нация не подлежит исправлению²⁴⁸. Как марксист, Мальц отвергал любую форму нацизма, поэтому в пику американским и советским публицистам, писателям и критикам, оправдывающим «коллективное наказание» целой нации²⁴⁹, выбрал своим героем «чистокровного арийца», совершающего подвиг. Вилли Веглер решается на открытый протест против фашизма – в открытом поле он сооружает и поджигает стрелу из сена, указывающую на замаскированный немецкий завод по производству боеприпасов. Соппротивление Веглера обречено – в финале он погибает, однако он не может поступить иначе, так как чувствует личную ответственность за ход истории.

Левая пресса неоднозначно отреагировала на «Крест и стрелу», озадачившись тем, насколько оправдан был выбор немца, награжденного нацистским крестом «За военные заслуги», в качестве главного героя. На это обстоятельство обращали внимание Г. Фаст²⁵⁰, С. Силлен²⁵¹, Г. Мартел²⁵² и др.

Осторожные сомнения, высказываемые американскими левыми, в СССР превратились в безоговорочное неприятие. Долгое время в Советском Союзе на вопрос о том, какую ответственность несут рядовые немцы за

²⁴⁷ Мендельсон М. Предисловие. С. 23.

²⁴⁸ Maltz A. The Citizen Writer in Retrospect. Vol. 2. P. 523.

²⁴⁹ Подробнее об этом см. Wald A. Trinity of Passion. P. 84-87.

²⁵⁰ Fast H. Review of Albert Maltz «The Cross and the Arrow» // The Democrat. 1945. April 21.

²⁵¹ Sillen S. Profile of a German Worker // New Masses. 1944. October 3. P. 23-24.

²⁵² Martel H. The Problem of German Evil in «The Cross and Arrow» // Worker. 1945. March 18.

преступления нацистских руководителей, давался однозначный ответ, оправдывающий «коллективное наказание». В свете этого «Крест и стрела» Мальца был принят крайне холодно. С. Гансовский в своей статье «От имени американских трудящихся» утверждал, что «Крест и стрела» значительно уступает «Глубинному источнику» в идейном и художественном отношениях²⁵³. М. Мендельсон в предисловии к сборнику 1951 г. с сожалением отмечал: «Книга “Крест и стрела” вновь свидетельствует о враждебности писателя фашизму и фашистам. И все же надо сказать, что это одно из менее удачных произведений Мальца. Классовая суть фашизма раскрыта автором весьма слабо. Наиболее сознательным противником гитлеризма изображен в романе некий пастор, истории борьбы которого с “безбожными” нацистами Мальц уделил много внимания»²⁵⁴.

Мальц был категорически не согласен с подобной трактовкой своего романа. В письме Михаилу Аплетину²⁵⁵ от 24 июля 1956 г. он с негодованием заявляет: «В предисловии к однотомному изданию моих произведений критик дает негативную оценку моему роману, что я считаю абсолютно необоснованным. В поддержку моей точки зрения могу отметить, что эта книга была опубликована в двенадцати странах, включая ГДР и Китай, где не посчитали, будто романе недостаточно явно выражены антифашистские идеи»²⁵⁶. Мальц призывал пересмотреть критическую оценку и рассмотреть возможность публикации романа в русском переводе. В своем ответе Аплетин заверял: «мы предложим перечитать нескольким критикам это любимое Вами произведение, учтя Ваши замечания относительно возможности суждения о романе с неправильных позиций. Постараюсь,

²⁵³ Гансовский С. От имени американских трудящихся // Звезда. 1952. № 3. С.180-183.

²⁵⁴ Мендельсон М. Предисловие. С. 19.

²⁵⁵ Михаил Яковлевич Аплетин (1885-1981) – в 1930-х гг. генеральный секретарь, а затем заместитель председателя ВОКС. С 1935 г. занимал руководящие должности в Международном объединении революционных писателей Союза писателей СССР. С 1936 г. – секретарь, а с 1938 г. заместитель председателя Иностранной комиссии Союза писателей СССР. На пенсии с 1958 г. – См. Путеводители по российским архивам. URL: <https://guides.rusarchives.ru/funds/8/apletin-mihail-yakovlevich>

²⁵⁶ Ф. 631. Оп. 26. Ед.хр. 3876. Л.8.

чтобы это можно было сделано как можно скорее»²⁵⁷. Аппетин исполнил свое обещание, и в 1961 г. «Крест и стрела» вышел в советской печати.

Р. Орлова снабдила «Крест и стрелу» обширным послесловием «У глубинных источников гуманизма»²⁵⁸, в котором она дает краткий обзор всего творчества Мальца и анализирует роман с пятнадцатилетней дистанции. Орлова отмечает: со времени издания романа «многое изменилось в мире, много нового мы узнали о Германии периода фашизма. Мы знаем теперь, что там было организованное подполье, в котором руководящая роль принадлежала коммунистам. В романе Мальца нет и намека на такое подполье. Писателю представлялось во время работы над романом, что в тот период каждому немцу все главные проблемы приходилось решать в одиночку»²⁵⁹. Орлова не соглашается с критиками, которые упрекали Мальца в «непонимании социальной природы фашизма». По ее мнению, писатель касается социальной основы принятия гитлеровского режима и показывает первичные формы протеста против него.

Над своим третьим романом – «Путешествие Саймона Маккивера» (*Journey of Simon McKeever*, 1949), Мальц работал на протяжении всей второй половины 1940-х гг. В этом романе он приближается к стилю притчи: семидесятитрехлетний старик Саймон Маккивер решает уйти из дома престарелых, чтобы отправиться на поиски врача, который бы смог излечить его от тяжелой формы артрита. В заметке «Будем действовать», опубликованной в «Литературной газете» в 1949 г. Мальц отмечал: «В общих чертах идею романа можно выразить так: это вера в человека, в его лучшие силы, способные изменить мир к лучшему. Я думаю, мой роман очень кстати открывается известной цитатой из “На дне” Максима Горького “Выпьем за человека, Барон”»²⁶⁰.

²⁵⁷ Там же. Л. 10.

²⁵⁸ Орлова Р. У глубинных источников гуманизма // Мальц А. Крест и стрела. М.: Иностранная литература. С. 433.

²⁵⁹ Там же. С. 446.

²⁶⁰ Литературная газета. 1949. 5 октября.

В конце 1940-х гг. под влиянием «разоблачительной» деятельности НУАС широкая американская аудитория скептически относилась к авторам с «красным» прошлым, но несмотря на это, критики положительно восприняли «Путешествие Саймона Маккивера». Рецензент «New York Times» отмечал: «В этом романе с острым сюжетом Мальц выдвигает идею, очень редко встречающуюся в современной литературе, – это утверждение веры в силу человеческого духа, в неутолимое желание человека навести порядок в мире, потерявшем основание»²⁶¹. В своем обзоре Джозефина Лоуренс, критик газеты «Saturday Review», подчеркивала социальную направленность романа Мальца. Она разглядела в нем призыв заботиться о стариках, которым государство не оказывает должной поддержки²⁶².

В Советском Союзе роман напечатан не был, однако все критические статьи о Мальце 1950-х гг. содержат упоминание о нем. Сотрудники иностранной комиссии СП, реферировавшие зарубежную прессу, подготовили обзор отзывов западных литературоведов на этот роман²⁶³. В нем особое внимание уделяется разгромной статье Филлипа Боноски в июньском номере «Мэссес энд Мейнстрим» за 1949 г. Боноски критикует «Путешествие Саймона Маккивера» за излишнюю метафоричность и отсутствие призыва к борьбе: «Это путешествие в Лос-Анжелес, частично на автобусе, а затем на попутных машинах – своего рода странствие пилигрима: те же поиски смысла жизни, духовного ее содержания. .. Кончается же путешествие на фальшивой поэтизированной ноте, совершенно пустой и – что еще хуже – отрицающей сознание: оно кончается иллюзией»²⁶⁴. Сходная интерпретация встречается и в предисловии Мендельсона к изданию 1951 г. Советский критик высоко оценивает авторскую интенцию, которая, по его мнению, состоит в том, чтобы бросить вызов «реакционно-декадентской литературе США, выступающей с мерзкой проповедью природной низости

²⁶¹ *Du Bois W. Tale of a Spunky Septuagenarian // New York Times. 1949. May 8.*

²⁶² *Laurence J. Relief in Calif // Saturday Review. 1949. May 7.*

²⁶³ Ф. 631. Оп. 14. Ед.хр. 1149.

²⁶⁴ Ф. 631. Оп. 14. Ед.хр. 1149. Л.35.

людей»²⁶⁵. Однако Мендельсон не преминул отметить, что эта задумка осталась, по большей части, нереализованной, так как романе отсутствуют «социальная и политическая конкретность и острота»²⁶⁶.

В отчете сотрудников иностранной комиссии СП также отмечается близость поэтики «Саймона Маккивера» роману «Гроздь гнева»: «Кажется, что действие романа происходит в той безвременной пустоте, на которую делает ставку нынешний Стейнбек (Разумеется, а в отношении к народу между Стейнбеком и Мальцем есть коренное различие)»²⁶⁷. Эта оговорка понятна: в ходе послевоенной антиамериканской кампании в СССР отношение к автору «Гроздь гнева» и «Русского дневника» продолжало ухудшаться, в прессе стали появляться «разоблачительные» статьи о его отступничестве и творческой деградации²⁶⁸.

Следующий роман Мальца «Длинный день в короткой жизни» (*A Long Day in a Short Life*, 1957) был опубликован в СССР в 1958 г. В нем рассказывается об одном дне из жизни трех заключенных: Флойда Варнея, Хью Уилсона, Джо Макпика. Идея написать роман пришла Мальцу еще во время отбывания наказания в тюрьме Милл Пойнт, когда он с удивлением осознал, что дни для заключенных тянутся неимоверно медленно.

В СССР роман восприняли как занимательную иллюстрацию тезиса о том, что американская пенитенциарная система неэффективна и порочна. Автор вступительной статьи к роману, Л. Шейнин кратко перечислял художественные достоинства «Длинного дня в короткой жизни» и гораздо с большим энтузиазмом описывал «ужасы» американской действительности, из-за которых рядовой американец становится преступником. Тем не менее, на советского читателя, жившего в стране, где империя ГУЛАГа простиралась от Камчатки до Калининграда, живописания американского криминального мира вряд ли производили такое же сильное впечатление, как

²⁶⁵ Мендельсон М. Предисловие. С. 19.

²⁶⁶ Там же.

²⁶⁷ Ф. 631. Оп. 14. Ед.хр. 1149. Л.37.

²⁶⁸ Жданова Л. Писатель Джон Стейнбек и СССР: Дис...канд. филол. наук. М., 2016. С. 67.

и «родная» лагерная проза, с которой можно было познакомиться в самиздатовской форме, а с 1962 г. и на страницах «Нового мира», узнав, как проходит один день Ивана Денисовича.

2.5. Поездка в Советский Союз: новые контакты и новые взгляды.

Во время пребывания в Мексике контакты Мальца с деятелями советского искусства и литературы ограничивались его перепиской. В РГАЛИ сохранилась письма Мальца Михаилу Аппетину – заместителю председателя Иностранной комиссии Союза писателей СССР. В ней содержится слова благодарности за обмен литературой, взаимные поздравления с Новым годом, договоренности о публикациях. Мальц не только информировал Аппетина о своих творческих планах, но и давал рекомендации, касавшиеся публикации в СССР передовой пролетарской литературы. В частности, американский писатель высоко оценивал романы «Утро, день, ночь» (Morning, Noon and Night, 1954) Ларса Лоуренса и «Молодая кровь» (Youngblood, 1954) афро-американского прозаика Джона Оливера Килленса, подчеркивая, что эти книги могут найти своего читателя в России.

В 1954 г. Мальц обратился к Аппетину с просьбой переслать Говарду Фасту советскую периодику («Новое время» и «Советскую литературу»), которую перехватывали американские службы²⁶⁹. Мальц и Фаст свели близкое знакомство в 1950 г., когда вместе отбывали наказание в тюрьме Милл Пойнт. В устной автобиографии Мальц оставил далеко не лестные впечатления о Фасте, назвав его книгу «Голый бог» насквозь лживой²⁷⁰. Мальцу также не нравился тот факт, что Фаст пытался создать образ современного Джека Лондона, называя себя величайшим из живших тогда американских писателей. Не забыл Мальц и то, как в 1946 г., когда было

²⁶⁹ Ф.631. Оп.26. Ед.хр. 3819. Л.7.

²⁷⁰ Maltz A. The Citizen Writer in Retrospect. Vol 2. P. 581.

опубликовано его одиозное эссе «Что нам ждать от писателей?», Фаст выступил с жесткой критикой в его адрес²⁷¹. Фаст, напротив, в мемуарах «Как я был красным» рисует чрезвычайно комплиментарный портрет Мальца: «Альберт был святым. В компартии было много таких людей, скромных, честных людей, не поступивших бы своими принципами. В руководстве таких не было – только среди рядовых». В качестве иллюстрации исключительной порядочности Мальца Фаст рассказывает об одном курьезном случае. Когда Фаст узнал, что Мальца этапируют в Милл Пойнт, он сделал все возможное, чтобы новоприбывшего определили в санитары. Фаст привык читать «New York Times» в комфортном туалете всегда пустого госпиталя, подкупив санитаря шоколадным батончиком. Однажды, абсолютно уверенный в том, что давать сладкую взятку своему товарищу по партии не придется, Фаст направился в только что обработанную Мальцем уборную. Мальц встал на пути, поинтересовавшись, куда же направляется его приятель. Фаст объяснился, но получил отказ, услышав в ответ: «Господи, Говард, мы друзья, товарищи. Как я объясню другим, что ты, и больше никто другой, имеет эту привилегию?» «Он был самым принципиальным человеком, которого я когда-либо знал. А с принципиальными людьми бывает сложно»²⁷² - к такому заключению приходит Фаст, подытоживая свои впечатления о близком знакомстве с Мальцем.

В 1957 г., когда Фаст публично заявил о выходе из компартии, Мальц выступил в роли посредника, через которого советская сторона пыталась достучаться до автора «Голого бога». 18 марта 1957 г. Борис Полевой обратился к Мальцу, находившемуся тогда, как и Фаст, в Мексике, с просьбой передать недошедшую корреспонденцию его другу. Полевой уверял, что, несмотря на демонстративный разрыв с большевизмом,

²⁷¹ *Fast H. Art and Politics // New Masses. 1946. February 26.*

²⁷² *Fast H. Being Red. Boston: Houghton Mifflin Company. 1990. P. 262.*

советские друзья не покинули Фаста²⁷³. Мальц был рад помочь Полевому, оправдывая резкость своего коллеги по перу сложным характером: «Говард ни в коей мере не является цельным человеком, скроенным из одного куска, и по его романам невозможно догадаться о противоречиях автора... Он всегда оставался существом, терзаемым различными желаниями, которые никогда не находили удовлетворения или разрешения»²⁷⁴.

Тем не менее, примирительный тон Мальца не помог сохранить дружественные отношения Полевого и Фаста – в августе 1957 г. в Советском Союзе началась широкомасштабная кампания травли и поношения бывшего друга СССР, которая закончилась полным забвением Фаста.

Доклад Хрущева 1956 г. на XX съезде КПСС радикально изменил отношение большинства представителей западной интеллигенции к «советскому эксперименту», и Мальц не был исключением. В автобиографии он вспоминал: «В течение шесть месяцев я не мог писать. Оправившись от этого эмоционального и интеллектуального потрясения, я пришел к следующим выводам. Во-первых, глупо говорить о марксизме, как о науке. Во-вторых, Сталин не мог бы превратиться в тирана и совершить те ужасы, которые совершил, если бы политическая система этого бы не позволила. В-третьих, ни одно общество не может быть свободным, если пресса и другие средства информации являются государственными... Мое отношение к соцстранам изменилось. С тех пор система государственного устройства во всем социалистическом мире стала для меня неприемлемой»²⁷⁵.

Тем не менее, с открытой критикой на страницах левой прессы Мальц в тот момент не выступил, продолжив переписку с советскими институциями, а в 1959 г. лично посетил Москву. Выехать в СССР через Европу ему удалось с трудом: находясь в черном списке Голливуда, он столкнулся с рядом бюрократических проблем. В частности, в письме М.Я. Аппетину Мальц жаловался: «Возможно, Вам уже известно, что согласно последнему

²⁷³ Ф.631. Оп.26. Ед.хр. 3916. Л.3.

²⁷⁴ Ф.631. Оп.26. Ед.хр. 3916. Л.7.

²⁷⁵ *Maltz A. The Citizen Writer in Retrospect. Vol 2. P. 879.*

решению Верховного Суда Соединенных Штатов, Полю Робсону и некоторым другим будет разрешено получить паспорт. Однако многие, включая мою жену и меня, обратились за паспортами и получили отказ... Если нам их выдадут, моя жена и я планируем нашу поездку в Европу на весну 1959 г.»²⁷⁶. Финансировать свою поездку Мальц планировал на деньги, обещанные ему за публикацию его рассказов в Польше, Чехословакии, СССР.

Перед тем, как отправиться в Россию, Мальц написал письмо Борису Полевому, с которым переписка завязалась еще в 1957 г., с просьбой сделать его экскурсию по Москве менее регламентированной. Американский писатель отмечал: «Я понимаю, что приезд в Советский Союз невозможен без того, чтобы приезжающий не являлся участником организованного путешествия. Мне ясно, почему советское правительство должно прибегать к такой форме, и если не допускается никаких исключений, мы сделаем так, чтобы приехать с какой-нибудь группой туристов. Но, честно говоря, я надеюсь, что время от времени допускаются некоторые исключения»²⁷⁷.

По-видимому, просьба Мальца так и осталось неисполненной. Согласно отчету его гида Кручерской, во время своего пребывания в Москве Мальц посетил ЗИЛ, Дворец культуры, колхоз им. Ленина, Кремль, музеи Горького, Ленина, Толстого, Чехова. Как сообщает Кручерская, все это произвело на него неизгладимое впечатление и превзошло его ожидания²⁷⁸.

В СССР, Мальц не боялся обсуждать и деликатные вопросы с советским руководством. Как сообщается в отчете гида, в беседе с А. Сурковым, П. Чувиковым и министром культуры Николаем Михайловым, состоявшейся 29 июня, Мальц «подчеркивал необходимость урегулирования гонорарных дел писателей и – что самое главное – ввести обязательную практику в СССР спрашивать у зарубежного писателя разрешение на издание

²⁷⁶ Ф. 1814. Оп. 9. Ед.хр. 1853.

²⁷⁷ Ф. 631. Оп. 26. Ед.хр. 4014. Л.1.

²⁷⁸ Ф. 631. Оп. 26. Ед.хр. 3977. Л.3.

его книг»²⁷⁹. В своей устной автобиографии Мальц впоследствии вспоминал встречу с Михайловым с досадой. Министр культуры не дал ему вымолвить ни слова, указав: «Американские писатели должны быть счастливы уже тем, что их произведения публикуются для советских рабочих»²⁸⁰.

Более того, Мальц выражал свою обеспокоенность по поводу сокращения компартии и растущих антисемитских настроений в СССР. Кручерская докладывает:

«Мальц рассказывал о том, что за последние годы из компартии США вышло очень много представителей интеллигенции (в партии насчитывается лишь 5 тысяч человек), но характерно, что вышедшие из партии не являются активными врагами коммунизма в СССР, но они отошли от политики и активной борьбы. В личных разговорах они иногда высказывают горькие и острые обвинения против СССР, но публично не выступают. Молодежь политикой не интересуется и старается забыть о ней.

В разговоре с Шейниным (на даче у Шейнина 18.VI.), с Фроловым, Алигер и Бельской («Литгазета») Мальц говорил о том, что в последние годы прогрессивные круги США были встревожены появлением признаков антисемитизма в СССР. Мальц сказал, что друзьям очень трудно защищать СССР от обвинений в антисемитизме со стороны реакционеров, так как в СССР нет издательства на еврейском языке, нет еврейского театра и т.д.»²⁸¹.

30 июня Мальц покинул СССР. По просьбе самого писателя о его пребывании в Москве в советской печати не упоминалось. Он опасался, что «реакционеры попытаются использовать во вред ему малейший повод, к которому они сумеют придраться»²⁸². Дальнейший путь Мальца лежал из Москвы в Лондон и Париж. Его жена, Маргарет, в письме их московскому gidу Оксаной Кручерской, писала: «Остальная часть поездки по Европе явилась прямой противоположностью нашему пребыванию в

²⁷⁹ Ф. 631. Оп. 26. Ед.хр. 3977. Л.2.

²⁸⁰ *Maltz A. The Citizen Writer in Retrospect. Vol 2. P.939.*

²⁸¹ Ф. 631. Оп. 26. Ед.хр. 3977. Л. 2 – 3.

²⁸² Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4041. Л. 3.

социалистическом мире... Конечно, много интересного можно было увидеть и сделать, но у нас не было того чувства волнения и открытия нового, которое сопровождало нас в Советском Союзе и других социалистических странах»²⁸³.

Путешествие Мальца по Европе, Израилю и СССР происходило почти одновременно с важным событием, оживившем культурные американско-советские связи. Осенью 1959 г. Хрущев прибыл в США, и по этому поводу главный редактор «Иностранной литературы» С. Дангулов попросил Мальца написать статью. В ней нужно было обозначить, как приезд советского лидера повлиял на американцев и смягчилась ли политическая напряженность. Однако Мальц ответил отказом, так как во время пребывания Хрущева в США он находился в Европе, а, следовательно, не был очевидцем событий, знаменательных для всей истории советско-американских отношений²⁸⁴. В своей переписке с О. Кручерской жена Мальца также упоминала об этом историческом визите: «Все очень взволнованы приездом Хрущева в США. В новостях то и дело говорят о нем, и благодаря телевизионным передачам мексиканцы получили хорошее представление о том, какой он человек»²⁸⁵.

Одним из самых ярких событий поездки 1959 г. для Мальца стало знакомство с Львом Копелевым и Раисой Орловой. Изначально Мальц был представлен Раисе Орловой, и только потом ее мужу. Именно поэтому он подумал, что фамилия его нового знакомого Льва – Орлов. Только в 1976 г. американский писатель узнал, что он познакомился с Львом Копелевым, который отбывал срок вместе с Солженицыным, став прототипом Рубина в романе «В круге первом». В 1977 г. Мальц написал статью в LA Times²⁸⁶ о книге Копелева «Хранить вечно», которая в США была опубликована с

²⁸³ Там же. Л. 8.

²⁸⁴ Ф. 1573. Оп. 3. Ед.хр. 228. Л. 15.

²⁸⁵ Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4041. Л. 12.

²⁸⁶ *Maltz A. [To Be Preserved Forever] // L.A. Times. 1977. April 22.*

существенными сокращениями²⁸⁷. В этой статье Мальц выступал против этой редакции, так как Копелев контрабандой передал свою книгу на Запад не для того, чтобы ее укоротили вдвое.

Копелев также оставил свои впечатления о Мальце. В автобиографии «Мы жили в Кельне» он писал: «В 1959 году он был первым иностранцем, с которым мы подружились. Тогда он был в КП; в 1949-1950 гг. из-за Маккарти просидел год в тюрьме, в одной камере с Говардом Фастом. В 1959 году он сказал, что решил остаться в партии еще и благодаря нам — Рае и мне: «Пока в партии есть такие, как вы, не все потеряно». В 1966 году он посылал гневные телеграммы против суда над Синявским и Даниэлем»²⁸⁸. Хотя Копелев указывает, что Мальц состоял в 1959 г. в КП США, официальные источники говорят обратное. В отчете о пребывании американского писателя в Москве зафиксировано: «Альберт Мальц и его жена не являются членами компартии США. Мальц сказал, что люди, постоянно пребывающие вне США, теряют право быть членами компартии США, в мексиканскую же компартию они не вступили сознательно, так как считают руководство ее разложившимся и продажным»²⁸⁹.

Если с Львом Копелевым Мальц так и не завел переписку, то с его женой Раисой Орловой, он сохранял контакт вплоть до 1980-х гг. В письмах Мальца к Орловой содержится информация о его творческих планах, поездках за рубеж, размышления о политической ситуации в США.

Отдельный сюжет переписки составляет история так и ненаписанного романа об Освенциме. В 1959 г., когда Мальц побывал в Париже, он познакомился с Фанией Фенелон (1908 - 1983), участницей французского Сопротивления. Эта женщина была отправлена в Освенцим, где она играла в женском оркестре вместе с Анной Малер, племянницей Густава Малера. Мальц вдохновился идеей написать двухтомный роман: первая часть должна была быть посвящена французскому Сопротивлению, вторая —

²⁸⁷ Первое американское издание: *Kopelev L. To Be Preserved Forever*. Philadelphia: Lippincott, 1976.

²⁸⁸ *Копелев Л. Орлова Р. Мы жили в Кельне*. Харьков: «Права Людини», 2012. С. 98.

²⁸⁹ Ф. 631. Оп. 26. Ед.хр. 3977. Л.1.

концентрационным лагерям. Однако прежде, чем взяться за роман, американский писатель должен был собрать материал, взять интервью у свидетелей, переживших Холокост. Именно поэтому в 1960 г., буквально через год после своего советско-европейского турне, Мальц вновь отправляется во Францию и Польшу.

Неравнодушный к проблеме антисемитизма, Мальц узнал множество шокирующих подробностей во время своего пребывания в Польше. Так, удивительным ему показался факт, что люди, которых отправляли в Освенцим, думали, будто они участвуют в нацистской программе по переселению. Именно поэтому они не слишком сопротивлялись, когда их грузили в поезда, направляющиеся в лагеря смерти²⁹⁰. В письме Орловой от 20 июня 1960 г. Мальц сообщает, что прежде чем начать работу над своим двухтомным романом, он планирует написать несколько рассказов на схожую тему. В частности, его внимание привлекла история Дуни Вассертром. Как и Фания Фенелон, эта женщина была одной из выживших заключенных Освенцима. По словам Мальца, удивительным образом ей удалось сбежать, скрывшись от надзирателей в стоге сена.

Мальц рассказывал Орловой не только о своих писательских проектах, но и о творческих планах своей жены. С Маргарет Ларкин Мальц познакомился еще во время работы в Theatre Union в 1930-е гг. Впоследствии Маргарет последовала за мужем в Мексику, где они провели около 10 лет. Сопровождала она его и в 1959 г. во время поездки в СССР. Кроме туристической программы, Маргарет Мальц интересовали и возможности публикации своих произведений в России. В 1959 г. она отправила Кручерской книгу «Семь акций золотого прииска» (*Seven Shares in a Gold Mine*), которая, однако, не была опубликована в СССР. Зато другой роман – «Шесть дней Яд-Мордехая» был переведен на русский язык. Именно эту книгу Мальц упоминает в письме Орловой от 8 декабря 1959 г.

²⁹⁰ *Maltz A. The Citizen Writer in Retrospect. Vol. 2. P.903.*

Дело в том, что во время своего путешествия в 1959 г. в Израиль Мальц посетил кибуц Яд-Мордехай. Местный гид рассказал ему историю о том, как во время войны за независимость Израиля жители кибуца отразили арабское сопротивление, располагая только легким стрелковым оружием, в то время как египетская армия бросила на штурм Яд-Мордехая авиацию и артиллерию. Местная администрация хотела заказать книгу об истории кибуца Мальцу, однако он отказался от предложения. Зато его жена, Маргарет, взялась за заказ.

Безусловно, в переписке с Орловой Мальц не раз касался вопросов, связанных с литературой. Любопытным может показаться его замечание о том, что «рассказы Фолкнера являются абсолютно нечитабельными», а Хемингуэй, несмотря на огромный вклад в мировую литературу, не является гениальным писателем²⁹¹. Орлова интересовалась мнением Мальца на счет современных американских писателей, так как во время холодной войны она активно боролась за публикацию их произведений. В своем письме от 8 декабря 1959 Мальц пишет: «Не помню, чтобы мы обсуждали Фолкнера, но это интересно, что ты говоришь о его «стилистической преграде», через которую нужно проникнуть».²⁹²

В своей устной автобиографии американский писатель указывал, что намного выше он оценивал творчество Толстого, Тургенева, Чехова, Андреева. По-видимому, Мальц был хорошо знаком с классикой русской литературы. Так, в 1946 г. по просьбе советской стороны Мальц даже написал статью о Горьком. В ней он с сожалением отмечал, что американской аудитории имя этого великого писателя по большей части незнакомо. В США почти не ставили его пьесы на сцене, а его романы не переиздавались: «“На дне”, самая известная пьеса Горького в США, была поставлена на сцене только в последние пятнадцать лет... “Егор Булычев”

²⁹¹ Ф.2548. Оп.1. Ед.хр.92. Л. 4. Пер. с англ. мой – О.Ш.

²⁹² Ф.2548. Оп.1. Ед.хр.92. Л. 4. Пер. с англ. мой – О.Ш.

был представлен одним рабочим театром только на иврите очень ограниченному кругу зрителей»²⁹³.

Как Мальц отмечает в своей статье, культурная жизнь нации может определяться по тому, насколько в обществе ценятся такие писатели, как Горький. Если в стране превалирует гуманистическая культура и развитое политическое сознание, романы Горького будут цениться. По мнению Мальца, в США нет «своего отечественного» Горького, писателя, чья беспощадная и порой жестокая социальная критика проистекала из сострадания и боли за род человеческий. Именно поэтому он чувствует себя в долгу перед русской культурой, породившей великого писателя.

Не только Горького, но и Толстого Мальц считал своим учителем русского происхождения. В 1963 г. Мальц даже написал маленькую заметку о Толстом, которая в 1965 г. была опубликована в томе «Толстой и зарубежный мир» академической серии «Литературное наследство»²⁹⁴. В ней американский писатель размышляет о том, на каких этапах его творческого пути влияние Толстого становилось особо значимым: «Поначалу формирование мое как писателя проходило под влиянием Голсуорси, Лайема О'Флаэрти, Чехова, ранних романов Андре Мальро, а не Толстого... Ныне же именно художественное мастерство Толстого является для меня той вершиной, к достижению которой направлены все мои усилия»²⁹⁵. К этой заметке Орлова написала свой комментарий, в котором суммирует главные идеи Мальца. Более того, она выдвигает идею о том, что «чем более зрелым становился писатель, чем больше он переходил от драматизма внешних событий к драматизму души, тем больше его привлекал Толстой»²⁹⁶.

О советских писателях, кроме Горького, Мальц не высказывался. Однако он был осведомлен, что на качество советской литературы оставляет желать лучшего. В письме Орловой от 20 июня 1960 г. Мальц ставил под

²⁹³ Ф.631. Оп. 14. Ед.хр.1179. Л.4. Пер. с англ. мой – *О.Щ.*

²⁹⁴ *Мальц А.* Толстой и зарубежный мир // Литературное наследство. М.: Наука, 1965. Т. 75, кн. 1. С. 199-200.

²⁹⁵ Там же.

²⁹⁶ Там же.

сомнение художественные достоинства романов, поставляемых СССР на Запад. При этом он просил Орлову переслать французской переводчице Лили Денис несколько оригинальных произведений, в которых поднимается проблема извращения социалистических ценностей при культе личности.

Немалую часть переписки с Орловой составляют письма, посвященные кинематографической деятельности американского писателя. Об этой проблеме упоминает и Мальц в письме Орловой от 6 сентября 1960 г.: «в Голливуде сценаристы «работают на чужого дядю». Используя это просторечное выражение, я хочу подчеркнуть, что автор не обладает правами на сценарий, который он написал, в то время как драматурги в американских театрах обладают полными авторскими правами на свои пьесы, и даже слово нельзя поменять без их согласия. В киноиндустрии это не так. Здесь автора нанимает компания, отдельный продюсер или режиссер, и он получает еженедельную зарплату, вернее, пособие от компании или индивидуального предпринимателя – что в итоге будет с написанным сценарием, решает не автор, а работодатель»²⁹⁷.

Помимо жалоб на унижительные для писателя условия труда в Голливуде и обсуждения фильма «Москва наносит ответный удар», в одном из писем Орловой Мальц упоминает печально известную историю с Фрэнком Синатрой. В 1960 г. Синатра предложил Мальцу написать сценарий по книге «Казнь рядового Словика» (Execution of Private Slovik, 1954). Рядовой Словик был единственным американским солдатом, которого казнили за дезертирство. Газета «Hearst», «American Legion» и другие правые печатные органы, узнав, что Синатра собирается нанять Мальца, выразили свое недовольство, обвинив его в лояльности коммунистам. Поскольку в то время Синатра участвовал в предвыборной кампании Кеннеди, он должен был отказаться от сотрудничества с Мальцем, ведь это угрожало политическому успеху Кеннеди. Эту неудачу Мальц перенес очень болезненно, так как это была уже вторая попытка возвратиться в профессию. Первый провал

²⁹⁷ Ф.2548. Оп.1. Ед.хр.92. Л. 11. Пер. с англ. мой – О.Щ.

произошел в 1959 г., когда Инго Премингер предложил Мальцу написать сценарий по роману «Исход» Леона Юриса. Премингер был готов публично признать, что сценарий был написан Мальцем. Это обстоятельство могло бы способствовать новому старту его кинематографической карьеры, фактически оборвавшейся после преследований Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. Однако Отто Премингер отказался от сценария Мальца, так как посчитал, что у него получилась слишком вольная адаптация книги, превратившаяся в травелог об Израиле. Вместо Мальца Премингер нанял Дальтона Трамбо, сценариста и писателя, также попавшего в «Голливудскую десятку».

Интерес к советским фильмам не прошел у Мальца даже после того, как он был вынужден покинуть в Голливуд. Так, в Мексике он посмотрел экранизацию «Судьбы человека», от которой он остался в полном восторге. Для него эта картина стала образцом советского кинематографа 1930-х гг., на который могут равняться современные режиссеры. Гораздо менее благоприятное впечатление на Мальца произвел фильм «Летят журавли». Он отмечал: «хотя некоторые эпизоды действительно хороши, сценарию не хватает целостности, поэтому сам фильм нельзя назвать качественным»²⁹⁸.

В переписке с Орловой высказываний Мальца, которые можно квалифицировать как политические, насчитывается немного. В основном, они касаются критики правительства США и капиталистической системы. Так, Мальц нелестно отзывается о представителях высшей власти, которые оправдывают платную медицину развитием в американцах чувства независимости. Поводом для такого замечания стало появление на свет внука Мальца, рожденного с дефектом неба. Тем не менее, несмотря на бесплатную медицину и образование, плановую экономику и гарантированное трудоустройство, восприятие СССР Мальцем с годами становилось все менее радужным, кардинально изменившись после доклада Хрущева о культе личности Сталина и массовых репрессиях в 1956 г.

²⁹⁸ Ф.2548. Оп.1. Ед.хр.92. Л. 6. Пер. с англ. мой – О.Щ.

В письме от 6 сентября 1960 г., отвечая на вопросы Орловой, американский писатель формулирует свое отношение к марксизму следующим образом: «Мои философские и социальные взгляды были во многом, но не полностью, сформированы марксистской теорией. Я считаю, что существуют области человеческого бытия, на которые марксисты не уделили достойного внимания, так как были заняты анализом других проблем. В области индивидуальной психологии на меня повлияли другие мыслители»²⁹⁹.

Последнее письмо Мальца Орловой датируется 1974 г. К этому времени американский писатель вернулся в США, вновь занявшись изготовлением сценариев. Тем не менее, его карьера после политических гонений пошла на спад. В частности, он написал сценарии к фильмам «Два мула для сестры Сары» («Two Mules For Sister Sara», 1970) и «Искушение» («Beguiled», 1971), но последний фильм был настолько плохо снят, что Мальцу пришлось убрать свое имя из титров³⁰⁰. Поскольку Мальц больше не пересылал свои произведения в Советский Союз, так как в последние годы он практически ничего не писал, его связи с литературными критиками СССР, в том числе с Раисой Орловой, постепенно угасали, и переписка с Орловой прекратилась.

В 1975 г. Мальц попробовал возобновить контакты с семьей Орловой через советолога Маршалла Шульмана. Шульман занимал пост советника госсекретаря США Сайруса Вэнса по вопросам политики в отношении СССР, руководил Русским институтом Колумбийского Университета, а также был известен дружбой со многими советскими диссидентами. Так, в своей книге «Мы жили в Москве» Раиса Орлова вспоминает: «16 февраля 1975 г... пришел Рой Медведев как обычно, без предварительного звонка. Принес новый вариант своей работы о Шолохове. Нам пришлось развести их по разным комнатам. Снова звонок в дверь: профессор Маршал Шульман

²⁹⁹ Ф.2548. Оп.1. Ед.хр.92. Л. 14. Пер. с англ. мой – О.Щ.

³⁰⁰ Zheutlin B., Talbot D. Albert Maltz: Portrait of a Hollywood Dissident // Cineaste. 1978. Vol. 8. No. 3. P. 15.

только что прилетел из США на заседание советско-американской комиссии по сокращению стратегических вооружений. Его отвели на кухню. Он успел поговорить несколько минут с Сахаровым, условиться о встрече. А потом долго разговаривал с Медведевым, с которым познакомился три года назад на той же кухне».

Хедрик Смит³⁰¹ снабдил Мальца адресом Шульмана, близко знакомого с Орловой, которому Мальц не преминул написать. Так, в письме Шульману от 30 марта 1975 г. Мальц поясняет: «Я не писал ни [Копелеву и Орловой], ни другим моим русским друзьям с тех пор, как я открыто предложил передать мои гонорары Солженицыну в декабре 1972 г. Боюсь, я могу им навредить»³⁰².

Более того, в письме Мальц спрашивает у Шульмана, стоит ли ему писать Орловой после публикации задуманной Мальцем книги о карательной психиатрии, жертвами которой становились диссиденты. «Не хотелось бы, чтобы появление этого романа спровоцировало дальнейшие нападки на Раю и Льва. Ведь может показаться, что мы переписывались с ними во время ее создания, а так получается, что мы перестали держать связь несколько лет назад»³⁰³. Этот роман так и не был опубликован, однако Мальц рассказывал о его задумке в своей устной автобиографии. Его поразили случай генерала П.Г. Григоренко, выступавшего за дальнейшую десталинизацию при Хрущеве. За свою активную политическую позицию прославленный генерал, герой Второй мировой войны, был помещен в психиатрическую больницу, по выходе из которой стал одним из лидеров правозащитного движения. В 1977 г. Григоренко покинул СССР и отправился в США, где получил политическое убежище, так как советского гражданства его лишили и вернуться на родину он не мог. Об этом и других случаях из жизни

³⁰¹ Хедрик Смит (род. 1933) – американский журналист, публицист. Автор книг об СССР и бестселлера «Новые русские» (New Russians, 1990).

³⁰² РГАЛИ Ф.2849. Оп.3. Ед.хр. 621. Пер. с англ. мой – *О.Щ.*

³⁰³ Там же.

диссидентов Мальц написал неопубликованный роман «Глазами очевидцев» (Eyewitness report).

В 1972 г. Мальцу была посвящена статья в академическом учебнике «История американской литературы» под ред. Самохвалова. В ней дается краткая справка о его литературной деятельности, при этом о советских контактах Мальца практически не говорится. Авторы уделяют внимание поэтике его новелл и романов, вписывая его произведения в контекст эпохи. Так, в статье отмечается: «В “Глубинном источнике” Мальц продолжил традицию Синклера Льюиса, автора романа “У нас это невозможно”, показав, как в террористическом Черном Легионе зреет фашизм американского образца»³⁰⁴. Завершается статья хвалебным пассажем о мастерстве Мальца как писателя и его мужестве как гражданина.

Кардинальным образом восприятие Мальца в СССР поменялось в 1972 г., когда он выступил с громким политическим заявлением, которое, по его мнению, привело к запрету его произведений в СССР. Это произошло после того, как в 1972 г. Мальц прочитал интервью Солженицына журналу «Хроника текущих событий» (A Chronicle of Current Events), где советский писатель рассказывал о своем затруднительном финансовом положении. В частности, Солженицын говорил, что не может получить свои западные гонорары и вынужден обходиться без секретаря³⁰⁵. Эта ситуация тронула Мальца, и он решил написать открытое письмо в «New York Times», предложив Солженицыну забрать причитающиеся за публикацию романа «Крест и стрела» деньги. Редакторы не просто опубликовали обращение Мальца, а сделали из него полноценную статью, в которой подробно обрисовали ситуацию. В статье отмечается: «Мальц подсчитал, что к 1962 г. ему причиталось 31.300 рублей. Узнав о том, что господин Солженицын зарабатывает 111 рублей в должности школьного учителя физики, Мальц

³⁰⁴ История американской литературы. М.: Просвещение, 1971. С. 198.

³⁰⁵ An Interview with A.I. Solzhenitsyn // A Chronicle of Current Events. 1972. May 20.

подчеркнул, что его подарка хватит, чтобы прокормить Солженицына и его семью»³⁰⁶.

После 1972 г. произведения Мальца не переиздавались. Остается неясным, была ли это сознательная редакторская политика, преследовавшая целью исключить ренегата и друга диссидентов из советского канона зарубежных авторов, либо произведения Мальца потеряли актуальность к 1970-м гг.

Таким образом, отношение Мальца к СССР после его поездки в Москву и знакомства с семьей Копелева-Орловой продолжало ухудшаться. Он узнал о жестоких нарушениях прав человека, репрессиях, карательной психиатрии, которые нельзя было оправдать благими целями. Последней точкой в отношениях с СССР стала открытая поддержка Солженицына, привлекавшая внимание американской прессы, однако, по очевидным политическим причинам, не обсуждаемая на страницах советских газет и журналов.

³⁰⁶ Maltz Offers Funds to Solzhenitsyn // New York Times. 1972. December 11.

ГЛАВА 3. ГОВАРД ФАСТ: ЛИТЕРАТУРА И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

С юных лет Говард Фаст (1914-2003) – выходец из бедной иммигрантской семьи, проживавшей в гетто верхнего Манхеттена, стремился вырваться из нищеты, разбогатеть и стать знаменитым. Обнаружив в себе писательский талант, он принялся сочинять развлекательные повести любовно-авантюрного характера³⁰⁷ и рассылать их в издания³⁰⁸ в надежде на солидный гонорар.

Фаст решил вступить в компартию в 1932 г., когда он познакомился с Сарой Куниц и ее братом Джошуа³⁰⁹ - членами КП США. С. Куниц не поддержала эту инициативу (на тот момент Фасту было всего 17 лет), посоветовав для начала присоединиться к одному из клубов Джона Рида. В 1935 г. клубы были упразднены, и Фаст плотно занялся построением своей писательской карьеры. В это время были опубликованы его знаменитые романы «Рожденные свободой» (*Conceived in Liberty*, 1939), «Последняя граница» (*The Last Frontier*, 1941), «Непобежденные» (*The Unvanquished*, 1942). Только в 1943 г. Фаст получил партийный билет. Значительную роль в принятии этого решения сыграла его работа (1942-1944) в Департаменте военной информации (*Office of War Information – OWI*). Среди коллег Фаста в этом ведомстве были журналист Элмер Дэвис, кинорежиссер и актер Николас Рей, режиссер Элиа Казан, поэт Луис Антермайер, критик Карл ван Дорен и др. Военный визит в заметно «покрасневший» Голливуд в связи с экранизацией его романа «Гражданин Том Пейн» (*Citizen Tom Paine*, 1943) также поспособствовал радикализации взглядов писателя.

³⁰⁷ «Пока они танцуют» (*While They Dance*, 1937), «Выкуп Розы» (*Ransome for Rose*, 1937), «Девушка и генерал» (*The Girl and the General*, 1938), «Веселые джентльмены» (*Merry Gentlemen*, 1938).

³⁰⁸ Рассказы Фаста публиковались в изданиях «*Ladies' Home Journal*», «*Romance*», «*Liberty*», «*Elks Magazine*».

³⁰⁹ Джошуа Куниц (1896-1980) – переводчик, член редакционного совета «*Нью Мэссес*», автор травелога «*Рассвет над Самаркандом*» (*Dawn over Samarkand*, 1935), автор книг о русской литературе. Куниц являлся ведущим американским экспертом по «еврейскому вопросу».

В целом, желание Фаста вступить в КП определялось как идеологическими факторами – левая политическая программа, бросавшая вызов нацизму, фашизму, капитализму, находила отклик среди еврейских рабочих, в семье которых вырос Фаст, так и личными мотивами – в начале 1940-х ему казалось, что «лучшие умы и таланты Америки», «умные, яркие, честные люди»³¹⁰ носили в своем нагрудном кармане партийный билет.

3.1. Исторические романы Г. Фаста.

Как в США, так и в Советском Союзе первоначальную известность Фасту принесли его исторические романы. Обратившись к этому жанру еще в конце 1930-х гг., Фаст бросил вызов таким писателям мейнстрима, как Маргарет Митчелл, Кеннет Робертс, Херви Аллен. Мечтая о коммерческом успехе, Фаст, тем не менее, шел в фарватере левой идеологии и скептически относился к типичным приемам исторических романистов, переносивших фокус внимания на декоративность и пышность обстановки. Однако на тот момент в американской левой литературе еще не сложилась традиция марксистской исторической прозы, на которую он мог бы ориентироваться. Левые авторы редко обращались к этому жанру, предпочитая коллективный роман, пролетарский «Bildungsroman», вымышленную автобиографию³¹¹. В то же время просоветски настроенные критики не раз предлагали обратить взгляд на СССР, где проблема исторического романа была «успешно решена». В Советском Союзе действительно прорабатывался вопрос об историческом романе с точки зрения марксистской эстетики, проводились дискуссии о достоверности художественно-исторической литературы³¹². Так,

³¹⁰ *Fast H. Being Red. P. 77.*

³¹¹ Типология жанров американской пролетарской литературы, разработанная Барбарой Фаули. См. *Foley B. Radical Representations: Politics and Form in the US Proletarian Fiction, 1929-1941.*

³¹² Подробнее о проблемах исторической прозы в СССР см. *Добренко Е. «Занимательная история»: Исторический роман и социалистический реализм // Соцреалистический канон. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 2000. С. 874-895.* Особенности сюжетостроения, композиции и проч. романов Фаста привлекали внимание Т. Комаровской в контексте изучения исторической прозы США XX в. См. *Комаровская Т. Е. Проблемы поэтики*

например, созданная к 1937 году при Союзе писателей Комиссия критиков западных литератур начала свою деятельность с подготовки сборника «Рождение нового гуманизма», одна из глав которого (готовившаяся Е.Ф. Книпович) посвящалась историческому роману³¹³. Особо важной вехой в теоретическом освоении этого жанра стала написанная в сталинской Москве работа Д. Лукача «Исторический роман» (1937, 1938).

В качестве образцов для подражания американская критика выдвигала таких советских авторов как А. Толстой, А. Виноградов, Ю. Тынянов³¹⁴. В свою очередь, Сэмюэл Силлен, левый журналист и редактор (выпускавший после Второй мировой войны «Мэссес энд Мейнстрим») в своей статье «История и художественная литература» подчеркивал: «В Америке левые писатели только начинают исследовать богатый потенциал, открытый марксистским историческим методом... Однако в поле литературы у нас практически нет произведений, равных пьесе о Джоне Брауне, созданной Бланкфортом и Голдом. В художественной литературе у нас нет правдивых романов, в то время как реакционные силы популяризируют свое видение истории через “Унесенных ветром”»³¹⁵.

Фаст оказался одним из первых, кто заполнил эту лакуну. В 1944 г. он принял участие в теоретической полемике об историческом романе, развернувшейся на страницах журнала «Нью Мэссес». В своей статье «История в художественной литературе» Фаст предлагает «выкинуть понятие исторического романа на свалку»³¹⁶. Размышляя над своим творческим методом, он приходит к выводу, что «создание так называемой атмосферы эпохи» не является его задачей, так как независимо от исторического контекста человеческие характеры остаются неизменными. Особенно негативно Фаст высказывается о романистах, которые превращают

исторического романа США XX века : диссертация ... доктора филологических наук: 10.01.05. М., 1994.

³¹³ РГАЛИ. Ф. 631, оп. 18. ед. хр. 50.

³¹⁴ *Lindsay J.* The Historical Novel // *New Masses*. 1937. January 12. P. 16.

³¹⁵ *Sillen S.* History and Fiction // *New Masses*. 1938. June 14. P. 22-23.

³¹⁶ *Fast H.* History in Fiction // *New Masses*. 1944. January 18. P. 8.

своих персонажей в переодетых кукол, постоянно оказывающихся в различных передрягах. Аксиоматичным же для Фаста в 1950-е гг. стало деление на литературу эскапистскую, методом которой является «романтизированная (romanticized) диалектика»³¹⁷, а результатом – многотомные исторические романы (сюда же относится экзотика, которая приобретала утрированные формы примитивизма, натурализма и романтизма), и реалистическую «литературу диалектического материализма»³¹⁸.

Ранние исторические романы Фаста, такие как «Рожденные свободой» (1939), «Непобежденные» (1942), «Гражданин Том Пейн» (1943), не были переведены в СССР. Тем не менее, в последующих рецензиях³¹⁹ они непременно упоминались как отправная точка роста и этап в формировании творческой индивидуальности писателя. В советском литературном пространстве Фаст появился только в 1948 г. Его исторические романы «Последняя граница» и «Дорога свободы» переводились в Советском Союзе с опозданием: в США они были изданы еще до окончания Второй мировой войны. Примечательно, что «Дорога свободы» фигурировала в советских служебных обзорах американской литературы еще в 1945 г.³²⁰, однако до публикации дело дошло не сразу.

Первый исторический роман Фаста, напечатанный в Советском Союзе в 1948 г., – «Последняя граница» (*The Last Frontier*, 1941). В нем повествуется об уцелевшем индейском племени шайеннов, которые решаются покинуть резервацию в Оклахоме и вернуться на родину в штаты Вайоминг и Монтану. Это реальное событие, известное в историографии под названием «исход северных шайеннов», произошло в 1878 г. Изначальная редакция романа была отвергнута издательством «Simon & Schuster». Издатели

³¹⁷ *Fast H. Realism and The Soviet Novel // New Masses*. 1945. December 11.

³¹⁸ Там же.

³¹⁹ *Елистратова А. Говард Фаст // Современная американская литература*. М.: Гослитиздат, 1950. С. 192 – 237; *Романова Е. Говард Фаст // Прогрессивная литература стран капитализма в борьбе за мир*. М., Издательство Акад. Наук СССР. 1952. С. 308-326.

³²⁰ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр.1103. Л. 69.

обвинили Фаста в неубедительном изображении ситуации, поскольку он не смог проникнуть в сознание индейского вождя, от лица которого велось повествование. Полностью вернув уже выданный аванс, Фаст переработал нарративную структуру, вложив повествование в уста белокожего офицера³²¹.

Американская критика положительно восприняла «Последнюю границу». Любопытно, что рецензент газеты «The Saturday Review» хвалил роман как раз за то, что Фаст не вторгается в сознание индейцев, а напротив, подает историю исключительно с точки зрения белых³²². В свою очередь, журнал «Нью Мэссес» видел исключительное достоинство романа в том, что «действия белых против индейцев не романтизируются и не оправдываются»³²³.

В Советском Союзе роман не стал предметом критической полемики. Наиболее интересный пассаж о нем принадлежит А. Елистратовой, автору предисловия к «Последней границе» и объемной статьи о творчестве Фаста, в которой она отмечает: «Автору “Последней границы” совершенно чуждо и эстетско-декадентское любование экзотическим “примитивизмом” индейского быта, как чужда ему и мещанская елейная сентиментальность. Фаст не идеализирует индейцев и подчеркнуто избегает в изображении их быта и нравов условно-романтических штампов, которые повторяли бы Купера или Лонгфелло»³²⁴. Действительно, в «Последней границе» индейцы представлены только в сценах сражений и переговоров, зато критика американской государственности содержится практически в каждой главе. Советская американистика, выступавшая против неоромантических тенденций, не могла не оценить высокий удельный вес этих полемических пассажей и отсутствие утрированной экзотики, которая позиционировалась как идеализация американских буржуазных демократических традиций.

³²¹ *Sorin G.* Howard Fast: Life and Literature in the Left Lane. P. 39.

³²² *La Farge O.* The Last Frontier, by Howard Fast // The Saturday Review. 1945. July 26.

³²³ *Hyatt C.* The Cheyenne Struggle // New Masses. 1942. March 17.

³²⁴ *Елистратова А.* Говард Фаст. С. 211.

Таким образом, уже в начале творческого пути Фаста в СССР констатировали, что это писатель с идеологически верными установками – он отказался от экзотизма, характерного для коммерчески успешной популярной литературы, и обратился к социальному критицизму.

Следующий роман – «Дорога свободы» (*Freedom Road*, 1944), переведенный на русский в 1949 г., повествует о неграмотном негре Гидеоне Джексоне, который смог «сбросить оковы рабства»: он выучился писать, стал членом конституционного конвента, добился личной встречи с президентом США Улиссом Грантом, организовал оборону своей деревни от куклуксклановцев. В целом, интерес Фаста к проблеме расизма возрастал с начала 1940-х гг. В автобиографии Фаст вспоминает, что именно «еврейский вопрос» в Германии подтолкнул его к написанию романа «Дорога свободы»: «...однажды мы с Бетт провели вечер у Карла ван Дорена, и мы заспорили с Синклером Льюисом об антисемитизме. Из Германии до нас начали доходить слухи об уничтожении евреев, так что предмет был чувствительный. Именно этот разговор о нетерпимости, все мои записи и часы размышлений о романе про период Реконструкции, стали отправной точкой для написания “Дороги свободы”...»³²⁵.

«Негритянский вопрос», составляющий стержень конфликта «Дороги свободы», стоял для Фаста не менее остро чем «еврейский». Фаст не раз высказывался по этому поводу в прессе, причем не только в левой³²⁶, но и в умеренно-консервативной³²⁷. О градусе накала страстей вокруг этой темы говорит и его стихотворение «Я горжусь, что родился негром»:

«Если бы я был негром, я бы гордился этим; да, черт возьми, я бы гордился этим!

Я бы был горд, потому что мой народ создал цивилизацию, когда Европа была еще непроходимым лесом; я был бы горд, потому что мой

³²⁵ *Fast H. Being Red. P. 75.*

³²⁶ *Fast H. The Negro Finds His Story // New Masses. 1945. May 15.*

³²⁷ *Fast H. A Method for Tolerance // Harper's Bazaar. 1944. July.*

народ, и он был первым в истории человечества, – сделал шаг от рабства к демократии, и это случилось на Гаити»³²⁸.

О «Дороге свободы» было напечатано несколько³²⁹ советских критических отзывов. Наибольший интерес представляет статья Мендельсона, изданная в 1947 г. в журнале «Новый мир». В ней критик обзорекает новейшую американскую литературу о неграх, и в частности, роман Фаста «Дорога свободы», который будет опубликован на русском языке двумя годами позже. В преамбуле к статье Мендельсон констатирует, что в Америке «негритянская тема» освещается в искаженном виде, зачастую проблемы «цветных» замалчиваются. На таком фоне Фаст выступил со своим романом о Гидеоне Джексоне – негре, который стал членом учредительного конвента, но погиб от рук кукуклуксклановцев. Порвав с традицией Маргарет Митчелл, изображавшей события на рабовладельческом юге «в духе безграничного сочувствия к уходящему прошлому», Фаст с симпатией рисует освобожденных негров³³⁰. Завершает свою статью Мендельсон выражением надежды на то, что дальнейшая литература о неграх не пойдет ни по «гарлемскому» пути Клода Маккея и Ван-Ветхена, «изобразивших негра существом сверхстрастным, экзотическим, но почти бездумным», ни по «рenegатскому»³³¹ пути Ричарда Райта, культивирующего «чудовищное, патологическое».

Роман «Дорога свободы» был дважды инсценирован на советской сцене: в Малом театре (сценарист А. Файко, режиссер Б. Равенских) и Московском театре драмы (режиссер и сценарист Н. Охлопков). Рецензии на премьерный показ обеих постановок были напечатаны в газете «Советское

³²⁸ *Fast H. Proud to Be Black // Negro Digest. 1945. March. Подстрочный перевод мой.*

³²⁹ Помимо М. Мендельсона, критический отзыв оставил Б. Галанов. См. *Галанов Б. Дорога свободы Гидеона Джексона // Знамя. 1949. № 11. С. 189-192.*

³³⁰ *Мендельсон М. Гидеон Джексон и другие // Новый мир. 1947. № 5.*

³³¹ В 1942 г. Р. Райт поддержал курс Э. Браудера на десталинизацию, а вслед за этим опубликовал антисталинистское эссе «Я пытался быть коммунистом», «фрагмента будущей автобиографической книги “Черный мальчик” (1945)» (См. *Панова О. О несостоявшемся визите Р. Райта в СССР // Литература Двух Америк. 2017. № 3. С. 194.*)

искусство». С.Б. Сутоцкий³³² вполне одобрительно высказался о пьесе Охлопкова, особо отметив «массовые сцены, исполненные напряженной динамики», «эффектные сценические положения», «активную роль музыки и света»³³³. Тем не менее, критика изъянов спектакля заняла примерно половину объема его рецензии. Суть претензий состояла в том, что Охлопков чрезмерно увлекся зрелищной стороной, пантомимами и пренебрег литературной основой сценических образов. Более того, стремление режиссера до предела накалить «атмосферу страданий, ужаса, смерти» ослабили действие высокой трагедии. Сравнивая «Дорогу свободы» с «Молодой гвардией»³³⁴, Сутоцкий отдает предпочтение последней постановке, так как в ней трагический финал был подготовлен «мужеством и красотой характеров действующих лиц, глубоким раскрытием их внутреннего мира». Напротив, трагический финал «Дороги свободы» не получил оптимистического звучания, поскольку Гидеон Джексон – темный раб, вырастающий в государственного деятеля, вождь и борец у Фаста, в пьесе Охлопкова лишь обороняется от внешнего мира и погибает в безнадежной борьбе.

Упреки Р. Афанасьева, обозревавшего постановку Б. Равенских, в чем-то сходны с критикой С. Сутоцкого. По его мнению, в финале пьесы «факторы, обуславливающие создание трагедии, в значительной мере ослаблены. На сцене Малого театра гибель героев, в том числе, и центрального, дается невнятно, как предполагаемая, возможная, но необязательная. Может быть, режиссер стремится этим достичь оптимистического звучания спектакля? Фаст подробно описывает гибель

³³² Литератор и журналист Сергей Борисович Сутоцкий (1912-1974) сотрудничал в московских газетах, был отв. ред. газеты «Советское искусство». В 1950-1960-х был зав. отделом редакции газеты «Правда»; принимал участие в составлении биографии И.В. Сталина (1946).

³³³ Сутоцкий С. Дорога свободы // Советское искусство. 1951. 21 ноября.

³³⁴ Роман А. Фадеева «Молодая гвардия» был инсценирован Н. Охлопковым на сцене Московского театра драмы в феврале 1947 г.

своих героев, но разве от этого роман становится пессимистическим произведением?»³³⁵.

С вердиктом Афанасьева и Сутоцкого о гипертрофированной патетичности и внешней эффектности, которые воспрепятствовали утверждению трагического идеала, не согласился Ал. Абрамов, автор обзорной статьи обеих постановок. По мнению Абрамова, оба спектакля отличает «верное чувство времени», «их идея, их пафос, их взволнованность служат одной цели, приближаясь по обличительной силе к своему литературному источнику»³³⁶.

3.2 Литература и большая политика: конгрессы в защиту мира

Одной из причин, почему советские чиновники от литературы разглядели в Фасте писателя большого дарования только в конце 1940-х гг., стали обвинения против него, выдвинутые Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности. Несмотря на многочисленные судебные апелляции весной 1950 г. Фасту пришлось отправиться в федеральную тюрьму в Милл Пойнт, где он провел три месяца в одной камере с А. Мальцем. Преследования за убеждения и тюремное заключение возвысили Фаста в глазах ЦК: из рядового левого писателя и журнального критика он превратился в мученика, похожего на настоящего революционера, арестанта и ссыльнопоселенца. Сам Фаст без лишней скромности и щепетильности утверждал, что вынесенный ему приговор – это приговор западной демократии, начало конца, знак того, что Америка оказалась в опасности³³⁷.

По заказу советской прессы Фаст создавал публицистические статьи, в которых живописал, как Америка постепенно фашизируется³³⁸. Коллапс

³³⁵ *Афанасьев Р.* На пути к высокой героике // Советское искусство. 1952. 7 июня.

³³⁶ *Абрамов Ал.* Роман и его инсценировки // Театр. 1952. № 7. С. 56.

³³⁷ *Fast H.* On Going to Prison // Daily Worker. 1950. June 5.

³³⁸ *Фаст Г.* Литературная машина Америки // Литературная газета. 1948. 7 июля; Я вижу будущее – оно прекрасно // Литературная газета. 1948. 24 ноября; В защиту друзей свободы и мира //

системы правосудия, шпиономания и государственный террор – такие обвинения писатель выдвигал правительству США на страницах советских газет. Не обошел вниманием Фаст и американский литературный рынок. Помимо дороговизны печатной продукции, писатель осуждал ее качество. Раздражение у Фаста вызывали «бестселлеры», «ничтожные исторические и современные романы, которые не имеют никакого отношения к жизненной правде, зато охотно смакуют любую порнографию»³³⁹.

Кроме того, в 1948 г. возобновилась практика проведения всемирных конгрессов в защиту мира, куда Фаста стали приглашать как делегата США. Находясь под следствием, Фаст не мог принять участие во Всемирном конгрессе деятелей культуры в защиту мира, проходившем в 1948 г. в Польше. «Литературная газета» не обошла вниманием этот факт, разместив на первой полосе «Открытое письмо к американскому народу» и небольшую критическую заметку «Мужественный Говард Фаст» о творчестве писателя. Преамбулой к материалу стало письмо Фаста в редакцию: «...у меня осталось сейчас слишком мало времени для того, чтобы сделать тщательно продуманную статью. Если, все же, в тюрьме мне удастся писать, я постараюсь сделать эту статью и передать вам»³⁴⁰. Как показало время, Фаст несколько нагнетал обстановку. Ему не только не пришлось дописывать статью в тюрьме (за решеткой он оказался два года спустя), но и довелось выступить на международной арене в защиту мира.

Первое появление Фаста на мероприятии подобного уровня состоялось в Нью-Йорке 1949 г. Конференция, вошедшая в историю под названием Уолдорфской (Waldorf Conference for World Peace), была проведена в марте при поддержке компартии США. Фасту была отведена роль председателя литературной секции. Впоследствии он вспоминал, что в его намерения входило модерировать дискуссию таким образом, чтобы участники могли

Литературная газета. 1950. 24 мая; Почему они нас преследуют // Литературная газета. 1950. 16 декабря.

³³⁹ Фаст Г. Литературная машина Америки.

³⁴⁰ Прогрессивная Америка в борьбе с американским фашизмом // Литературная газета. 1948. 7 июля.

открыто и прямолинейно высказываться: «Когда Норман Мейлер, никогда не бывший коммунистом, разоблачал Советский Союз, описывая его как “государственный капитализм”, я не протестовал – это была его точка зрения»³⁴¹.

В советской делегации наряду с постоянным ее участником А. Фадеевым, появились новые лица: композитор Д. Шостакович, биолог А. Опарин, писатель П. Павленко, кинорежиссер С. Герасимов.

На конференции Фаст впервые познакомился с П.А. Павленко (1899-1951) – лауреатом четырех Сталинских премий, «классиком» сталинской эпохи и писателем «по особым поручениям». В своем очерке «Американские впечатления» (1949) Павленко вспоминал об этой встрече: «Знакомлюсь с Говардом Фастом. Он — высокий блондин в очках, с прищуренными, близорукими, улыбающимися глазами и открытым, располагающим лицом. По-детски обрадован сообщением, что его хорошо знают, читают и любят в Советском Союзе... Фаст напоминает родственника, давно уехавшего из дому, которому все интересно и все надо узнать сразу. Расспрашиваем друг друга о любимых писателях, о посещенных странах, о семьях, о детях. Много схоже, и это очень приятно»³⁴². В один из вечеров Фаст пригласил членов советской делегации на домашнюю вечеринку, где рассказывал о дороговизне печатной продукции, неудовлетворительном качестве литературных текстов, о том, что США – страна без библиотек. Эти тезисы составили основу его статьи «Литературная машина Америки», напечатанную по-русски еще в 1948 г.

Буквально через несколько недель – в апреле 1949 г., Фаст принял участие во Всемирном конгрессе защитников мира, проходившем в Париже. Удивительно, но в этот раз американское правительство выдало писателю загранпаспорт. В материалах, изданных сразу после проведения конгресса, указывается, что Фаст входил в международный комитет по подготовке этого

³⁴¹ *Fast H. Being Red. P. 202.*

³⁴² *Павленко П. Американские впечатления // Павленко П. Собр. соч. Т. 5. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. С. 411 – 412.*

мероприятия³⁴³ и состав постоянного комитета³⁴⁴, и его подпись стоит под обращением международного бюро связи деятелей культуры в защиту мира³⁴⁵, выступившего с инициативой созвать конгресс.

Об участии Фаста в конгрессе сообщалось в ведущих советских газетах³⁴⁶, его громкие, но абстрактно-обличительные пацифистские заявления прогремели по всему коммунистическому миру. В 1949 г. Фаст был убежден, что совместными усилиями собравшиеся на конгресс мировые знаменитости (П. Пикассо, Л. Арагон, П. Неруда и др.) могли препятствовать переходу холодной войны в горячую фазу. Этой уверенности он не изменил и спустя многие годы, аттестовав конгресс как «величайшее в истории человечества требование мира»³⁴⁷.

За кулисами движения мирных конгрессов тем временем разворачивалась настоящая драма, выдвигались предметные обвинения. В числе прочих в советскую делегацию входили видные «чиновники от литературы» и писатели: А. Фадеев, А. Корнейчук, И. Эренбург, В. Василевская. Настроение некоторых членов было упадническим, хотя на публике им приходилось поддерживать свое реноме. Эренбург, подавленный жесткостью антисемитской кампании в СССР, с трудом выполнял свою миссию делегата. Оказавшись в Париже, он «маниакально фантазировал» — что придумать, чтобы его отослали «назад в Москву? Перебирал все варианты — заболеть, объяснить, что не смогу выступить, просто сказать: “Хочу домой”»³⁴⁸.

На страницах своих мемуаров «Как я был красным» Фаст вспоминает, что от лица еврейской секции КП США он должен был предъявить советской компартии обвинения в антисемитизме — невыполнимая миссия для писателя,

³⁴³ Первый Всемирный конгресс сторонников мира. Париж-Прага, 20-25 апреля 1949 года. М.: Гос. изд. политической литературы, 1950. С. 509.

³⁴⁴ Там же. С. 496.

³⁴⁵ Там же. С. 5.

³⁴⁶ См. Всемирный конгресс сторонников мира // Известия. 1949. 26 апреля; Манифест Всемирного конгресса сторонников мира // Правда. 1949. 27 апреля.

³⁴⁷ *Fast H. Being Red.* P. 212.

³⁴⁸ *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь. Т.3. М.: Советский писатель, 1990. С. 105.

чья популярность в Советском Союзе росла с каждым годом и пропорционально убывала на родине в США. Беседа Фаста с Фадеевым оказалась недлинной: все расспросы Фадеев безапелляционно оборвал: «В Советском Союзе нет антисемитизма»³⁴⁹.

Для Фадеева этот разговор также оказался далеко не приятным. Одно из свидетельств мы находим в мемуарах Эренбурга: «“Как вы провели последний вечер в Париже?” — спросил меня А. А. Фадеев. Я ответил, что был со старыми друзьями. Он сказал: “А меня замучил Фаст — хотел, чтобы я ему все объяснил... Эх, Илья Григорьевич!.. — Он оборвал себя: — Давайте лучше выпьем коньяку”. Я поглядел на него и увидел не те глаза, что привык видеть на собраниях и заседаниях, а мягкие, печальные»³⁵⁰.

В итоге Фаст был вынужден передать редактору еврейской коммунистической газеты «Morgen Freiheit» Полу Новику и секретарю еврейской секции компартии Хаиму Саллеру, возложившим на него обременительную роль посредника в объяснении с советской стороной по столь болезненному и трудному вопросу, неудовлетворительный ответ, ничего за собой не повлекший. Все же этот случай посеял семена сомнения в его душе – эти семена взойдут через восемь лет и перерастут в скандальный разрыв с коммунистическим движением.

Таким образом, на конгрессе в Париже Фасту приходилось лавировать между двумя полюсами, определявшими его писательский курс: еврейскими американскими объединениями, кровные интересы которых он был вынужден защищать окольными путями, и компартией СССР, ожидающей от Фаста разоблачения американского строя и сулящей в обмен на это всяческий успех и признание в странах восточного блока.

3.3. Произведения 1950-х гг. и их издание в СССР.

³⁴⁹ *Fast H. Being Red. P. 218.*

³⁵⁰ *Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Т.3. С. 122.*

Почти каждый раз, когда в Советском Союзе в 50-е годы составлялись тематические сборники о «прогрессивной западной литературе», Фаст удостоивался там отдельной, монографической главы. Первый в ряду таких сборников – «Современная американская литература», содержал всего 4 статьи. Редакционное предисловие к сборнику с говорящим названием «Два лагеря» имело характер литературного манифеста времен холодной войны с ее обязательной риторикой биполярности мирового устройства. Тезис о том, что все американские писатели делятся на «обанкротившихся» прихвостней империализма и талантливых многообещающих прогрессивных авторов, получил богатую оркестровку во всех главах сборника и нашел отражение в его композиционном построении. В первых двух статьях обзорного, панорамного характера Р. Самарин и А. Елистратова постулировали упадок буржуазного искусства и литературной критики в США и обличали «реакционеров» Хемингуэя, Фолкнера, Стейнбека, О’Нила, Дос Пассоса, Т. Уайлдера, Р. Райта и др.³⁵¹. Напротив, именные третья и четвертая главы были посвящены «крупнейшим защитникам американского народа» - Т. Драйзеру³⁵² и Г. Фасту³⁵³. То, что Фаст был поставлен в один ряд с «советским зарубежным классиком»³⁵⁴, красноречиво свидетельствует о больших надеждах, возлагаемых на него в СССР.

В двух других сборниках «Прогрессивная литература стран капитализма в борьбе за мир» (1952) и «Современная прогрессивная литература зарубежных стран в борьбе за мир» (1954) Фаст вновь удостоивается именной главы – помимо него, такую честь снискали писатели и поэты с непоколебимой репутацией – Л. Арагон, П. Неруда и др.

Кроме того, чтобы писательская репутация Фаста оставалась безупречной, в Советском Союзе отказались от перевода на русский язык его

³⁵¹ Самарин Р. Империалистическая реакция в США и литература; Елистратова А. Маневры реакционной критики // Современная американская литература.

³⁵² Анисимов И. Теодор Драйзер и Америка // Современная американская литература. С. 118-191.

³⁵³ Елистратова А. Говард Фаст. С. 192-237.

³⁵⁴ Панов С. И. Панова О. Ю. Теодор Драйзер – «советский зарубежный классик» // Филологический класс. 2021. Т. 26, № 4. С. 249–262.

романов «Американец» (где в центре повествования оказывается «буржуазный демократ-реформист», которого автор ошибочно выдает за «сына народа»³⁵⁵), «Мои прославленные братья» (о восстании Маккавеев против греков), рассказа «Дети» (зарисовка из жизни детей-маргиналов, обитающих в Нью-Йоркском гетто).

Пренебрегая немарксистскими гранями фастовского творчества, советские публикаторы оказывали писателю медвежью услугу, представляя его автором, лишенным внутренней сложности. Протестовать против этого Фаст не мог, однако недовольство узостью партийной эстетики зрело в нем с каждым годом.

Красноречивым примером, свидетельствующим о разногласиях писателя с партией, является история американской постановки пьесы «Молот», которую Фаст написал в 1950 г. В центре драматического действия – ветеран Второй мировой войны, возвращающийся домой в США. Еврей по национальности, на родине он сталкивается с антисемитизмом, ненавистью и отчужденностью. Пьеса была поставлена объединением «New Playwrights» в Чехословацком доме рабочих. Сам Фаст смог присутствовать только на генеральной репетиции непосредственно перед премьерой. Именно тогда он и узнал, что одного из сыновей субличного, белолицего еврея играет «здоровяк-верзила негр». В отчаянии Фаст закричал: «Я не шовинист, но ради Бога, объясните мне, какое генетическое чудо должно было случиться, чтобы на свет появился Джимми Джонс?»³⁵⁶. Партийные функционеры, курировавшие постановку, были непреклонны: участие негритянского актера рассматривалось ими как протест против джимкроуизма. Пришедшие на премьеру выходцы из еврейских семей были так же обескуражены, как и сам автор. Постановка с треском провалилась. Левая пресса отрицала, что причиной тому был неудачно подобранный актерский состав. В рецензии «Дэйли Уоркер» отмечалось: «“Молот” – очень слабая пьеса. Понятно, что

³⁵⁵ Дубашинский И. Говард Фаст // Современная прогрессивная литература зарубежных стран в борьбе за мир. Сб., М., 1954. С. 200.

³⁵⁶ *Fast H. Being Red. P. 272.*

романист Фаст непрофессионал в области драматургии»³⁵⁷. В СССР интересовались «Молотом» и просили прислать текст пьесы. На запрос А. Фадеева Фаст ответил отказом: «Что касается моей пьесы “Молот”, то она была подвергнута здесь справедливой критике, поэтому я не буду посылать ее за границу до тех пор, пока основательно ее не переработаю»³⁵⁸.

В СССР в обиходе образцовых произведений Фаста 1950-х гг. вошли «Кларктон» (1947; рус. пер. 1950), Пикскилл» (1951; рус. пер. 1951), «Подвиг Сакко и Ванцетти» (1953; рус. пер. 1954), «Сайлас Тимбермен» (1954; рус. пер. 1955).

Хронологически самый ранний роман этого списка – «Кларктон». В нем повествуется о забастовке заводских рабочих в маленьком городке штата Массачусетс. В 1940-е гг. сочинения подобного содержания уже вышли из моды. «Красные тридцатые», подарившие мировой литературе значительные образы «пролетарского социального романа» и «коллективного романа»,³⁵⁹ были далеко позади. Тем не менее, Фаст возвращается к теме «стачки», которая в конце 1940-х гг. выглядела анахронизмом. Как заметил Уолтер Райдаут, «в 1940-х гг. один-единственный левый автор писал романы приемлемого качества, хотя сочинения даже этого человека, пожалуй, наиболее примечательны своим огромным объемом. В тяжелые годы после Первой мировой войны традиция радикальной художественной литературы сохранилась в значительной степени благодаря усилиям Эптона Синклера. Потом, в такие же неурожайные годы, эта миссия перешла Говарду Фасту»³⁶⁰. Не удивительно, левая пресса позитивно высказалась о «Кларктоне»: «Буржуазные обозреватели попытаются убедить читателей, что “Кларктон” – это не литература. А потом они выдадут “Энтони

³⁵⁷ Fast's Play «The Hammer» Presented by New Playwrights // Daily Worker. 1950. 26 September.

³⁵⁸ Ф. 631. Оп. 26. Ед. 8.

³⁵⁹ См. *Foley B.* Radical Representations: Politics and Form in the US Proletarian Fiction, 1929-1941.

³⁶⁰ *Rideout W. B.* The Radical Novel in the United States, 1900-1954: Some Interrelations of Literature and Society. New York: Columbia University Press, 1992. P. 275.

несчастливого»³⁶¹ и «Под вулканом»³⁶² за образцы изящного искусства. Они просто не знают, что такое литература. «Кларктон» обращается к теме пролетарского романа тридцатых годов с новым пониманием человеческих эмоций и отношений между рабочими и политиками»³⁶³. Действительно, центристская американская пресса отказалась причислять «Кларктон» к художественной прозе, определив его как «трактат», «неубедительную филиппику», в которой представлены черно-белые портреты злодеев-капиталистов и храбрых коммунистов³⁶⁴.

В США «Кларктон» не завоевал любовь и внимание широкой аудитории не только из-за его сомнительных литературных достоинств. В 1947 г. Фаст оказался в «черном списке» Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, поэтому издательства отказывались печатать его произведения. Как отмечает Филипп Дири, тираж «Кларктона» составил 5 000 экземпляров, поэтому даже заинтересованные читатели не могли найти и купить эту книгу³⁶⁵.

В СССР, напротив, роман Фаста всячески приветствовали. В «Новом мире» вышла хвалебная статья С. Смирнова, анализировавшего систему персонажей и основные сюжетные линии «Кларктона». Советский критик констатировал: «Издательство опустило некоторые главы, посвященные Лоуэллу³⁶⁶, и это вполне оправданно, динамика произведения от этого только выиграла. Но, к сожалению, сокращения в тексте сделаны несколько небрежно... Нельзя не пожалеть о том, что роман Фаста, вышедший в США еще в 1947 году, появляется в русском издании только сейчас, с опозданием на три года»³⁶⁷.

³⁶¹ «Энтони несчастный» (Antony Adverse, 1933) – исторический роман Херви Аллена, бестселлер времен Великой депрессии.

³⁶² «Под вулканом» (Under the Volcano, 1947) – роман канадского писателя Мальколма Лаури о бывшем дипломате в Мексике.

³⁶³ Finkelstein S. Clarkton, USA // New Masses. 1947. October 7. P. 17.

³⁶⁴ Terry C.V. Mr. Fast's Defense of the American Communist // New York Times. 1947. 28 September.

³⁶⁵ Deery P. Red Apple: Communism and McCarthyism in Cold War New York. New York: Fordham University Press, 2014. P. 44.

³⁶⁶ Главный герой романа «Кларктон», фабрикант, чья миссия – подавить забастовку рабочих.

³⁶⁷ Смирнов С. Книга о борьбе простых людей Америки // Новый мир. 1951. С. 258.

Очевидно, в СССР проблематика «Кларктона» не казалась устаревшей, а романы о подпольных коммунистических ячейках, рабочих массах и забастовках³⁶⁸ печатали большими тиражами даже в 1950-е гг. Как отмечает видный славист Деминг Браун, советская послевоенная критика рассматривала даже довоенные американские романы как адекватную картину современности, полагая, что «классовая борьба в Америке приближается к своему логическому насильственному завершению»³⁶⁹. Подтверждение этому тезису мы находим в статье И. Дубашинского, аттестовавшего «Кларктон» как «первый крупный роман о послевоенной действительности», в котором Фаст сосредоточил свое внимание на «ожесточенных столкновениях рабочего класса с реакцией, начавшихся с конца 1945 г. и вскоре приведших к значительному подъему стачечного движения в США»³⁷⁰.

Определяя жанровую специфику «Кларктона», советская критика причислила его к «социальному роману», в нем усмотрели черты «большой эпической, художественно-цельной формы»³⁷¹. Следуя теоретическим построениям Лукача, И. Дубашинский отметил, что коллективный героизм рабочих Кларктона, их деятельная борьба под руководством коммунистов позволили Фасту приблизиться к высотам реализма, схватить и отразить всеобщие моменты классовой борьбы. Напротив, американским критикам это стремление к типизации, пренебрежение частностями и эскизный характер многих персонажей романа показались серьезными недостатками, лишившими «Кларктон» силы художественного воздействия³⁷².

Поскольку американские коммерческие издательства закрыли перед Фастом двери, в 1951 г. ему пришлось основать собственное издательство

³⁶⁸ К подобным произведениям относятся, например, «Железный город» Л. Брауна, «Глубинный источник» А. Мальца.

³⁶⁹ *Brown D. Soviet Attitudes toward American Writing*. Princeton: Princeton University Press, 1962. P. 277.

³⁷⁰ *Дубашинский И. Говард Фаст // Современная прогрессивная литература зарубежных стран в борьбе за мир*. С. 201.

³⁷¹ Там же. С. 202.

³⁷² *Sillen S. Howard Fast's New Novel "Clarkton". Story of Labour Struggles Today // Daily Worker*. 1947. September 11.

«Blue Heron Press». Именно в нем вышел следующий роман писателя – «Спартак». Фаст заинтересовался историей восстания Спартака еще в 1950 г., когда отбывал срок в Милл-пойте. Написав роман к 1951 г., он разослал рукопись в издательства «Little and Brown», «Harper», «Alfred Knopf», «Simon and Schuster», однако по политическим причинам ни одно из них не согласилось заключать с ним контракт. Собрав необходимые средства по подписке, Фаст самостоятельно напечатал около 50 000 экземпляров «Спартака», тираж которого почти полностью разошелся. В автобиографии писатель отмечал: «По большей части критики просто проигнорировали роман. В малотиражной левой прессе “Спартака” превозносили до небес, но другие солидные американские газеты просто сбросили его со счетов». Действительно, обозреватель журнала «Мэссес энд Мейнстрим» Докси Уилкерсон констатировал, что Фасту удалось мастерски изобразить «паразитический образ жизни богатых римлян» и «безобразную нищету рабов», «упадок и разложение» патрицианских семей и «скромное достоинство» восставших³⁷³.

Впоследствии роман перевели на 56 языков, а общемировой тираж книги приблизился к отметке 8 миллионов экземпляров. В СССР «Спартак» вышел 300 тысячным тиражом, за что Фаст получил гонорар в размере 600 тыс. долларов. Как отмечает Г. Костырченко, «это был самый большой куш, сорванный им в политической игре в “русскую рулетку”. Правда, сам он отрицал в мемуарах получение этих денег, что опровергается секретным донесением в ЦК Б. Изакова, присутствовавшего при их передаче и доложившего об этом М.А. Суслову. Но самое главное заключается в том, что о своем выходе из компартии Г. Фаст решил объявить только в феврале 1957 года. Очевидно, к тому времени он полностью получил все деньги,

³⁷³ *Wilkerson D. An Epic Revolt // Masses and Mainstream. 1952. March. P. 53-58.*

причитавшиеся ему по советским контрактам, и конфликт с Москвой уже не грозил ему материальными потерями»³⁷⁴.

В 1960 г., когда Фаст уже не был связан с компартией, С. Кубрик экранизировал «Спартак», причем сценаристом выступил Д. Трамбо – еще одна жертва маккартистских преследований, долгое время числившийся в «черных списках» Голливуда. Фаста также пригласили участвовать в съемках, о которых он впоследствии вспоминал: «По сценарию Трамбо они сняли хаотичную последовательность эпизодов, длившуюся 1 час 45 мин. У них не получился “фильм” – не было никакого “сюжета”. Мне позвонил Кирк Дуглас и умолял, чтобы я помог ему и Кубрику. Так вместе с семьей я отправился в Голливуд»³⁷⁵. «Спартак» оказался чрезвычайно коммерчески успешным фильмом, а также завоевал 4 статуэтки Оскара.

Следующий роман Фаста – «Подвиг Сакко и Ванцетти»³⁷⁶ не был и наполовину столь же популярен, как «Спартак».

Никола Сакко и Бартоломео Ванцетти, итальянские эмигранты, проживавшие в США, были казнены в 1927 г. за грабеж и убийство. Доказательства, представленные в суде, оказались косвенными, поэтому такой суровый приговор поверг общественность в шок, а по всему миру прокатились волны протеста. Фаст берет за основу этот сюжет, изображая рабочих-анархистов мучениками, жертвами порочной государственной машины. Поводом написать этот роман стал суд над Розенбергами, против которого Фаст выступал на страницах левой прессы³⁷⁷. Живописуя страдания невинно осужденных итальянцев, писатель призывал законников одуматься и не совершать подобную ошибку в отношении Розенбергов. На роман, однако, не было напечатано ни одной рецензии в политически-умеренной

³⁷⁴ Костырченко Г. «Эх, Говард!..». https://lechaim.ru/ARHIV/208/kostirchenko.htm#_ftn7 (дата обращения: 07.07.2022)

³⁷⁵ Spartacus: Interview with Howard Fast // Ancient Sites chat session. 2000. 28 June. URL: <https://www.trussel.com/hf/ancient.htm> (accessed: 07.07. 2022)

³⁷⁶ Fast H. Passion of Sacco and Vanzetti, a New England Legend. New York: Blue Heron Press, 1953.

³⁷⁷ Fast H. Save the Rosenbergs! // Masses and Mainstream. 1952. April.

прессе, поэтому считать, что этот текст сколько-нибудь повлиял на судебный процесс, не приходится.

В СССР «Подвиг Сакко и Ванцетти» без промедления напечатали³⁷⁸, однако в служебных рецензиях критики не преминули отметить ряд сомнительных метафор и образов. По этому поводу В. Александров оставил следующий комментарий: «В тексте много сопоставлений с распятием, воспоминаний о Пилате и т.д. Для полноты аналогии здесь есть и раскаявшийся разбойник. Эти библейские оттенки вводят в сомнение не только сами по себе (к тому же, несколько раз сказано, что Сакко и Ванцетти не верят в бога). Но сопоставление казни Сакко и Ванцетти с Голгофой - самое обескураживающее сопоставление...

Все это – и библейские оттенки, и намек на «пифагорейство» и др. – результат реальных трудностей, стоящих и стоявших перед американским рабочим движением. Не могу себе представить, чтобы во Франции или в Италии писатель-коммунист написал нечто подобное... А ведь можно было не один раз, не мельком, а больше сказать о профсоюзных лидерах, предавших себя и своих рабочих, связать это с американским империализмом, который здесь вообще не раскрыт... Но нельзя же посылать такие вещи на “доработку”.

Произведение на редкость талантливое, но с совершенной уверенностью сказать, что нужно его печатать, я не могу»³⁷⁹.

На роман после его выхода в советской печати Б. Изаков и Р. Орлова написали рецензии. Фокус своей статьи Изаков сместил на историческую основу живописуемых Фастом событий, романтизировав образы главных героев: «Сакко был квалифицированным рабочим-обувщиком, добрым семьянином, страстным любителем природы. Второй, Ванцетти, был чернорабочим; к моменту ареста он торговал вразнос рыбой. Это был

³⁷⁸ *Фаст Г.* Подвиг Сакко и Ванцетти. М.: Гослитиздат, 1954.

³⁷⁹ РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 4. Ед. хр. 981.

талантливый самоучка, прочитавший множество литературных произведений, исторических и философских трудов»³⁸⁰.

В свою очередь, Р. Орлова замечала: «Фаст верен историческим фактам, он широко использует документы: письма Сакко и Ванцетти и их речи на суде, памфлет профессора уголовного права Франкфуртера, газетные материалы того времени. И вместе с тем перед нами не публицистический очерк о деле Сакко и Ванцетти, - перед нами художественное произведение, где жизненные факты отобраны, обобщены художником»³⁸¹. Действительно, говорить об исторической достоверности образов Сакко и Ванцетти было бы преувеличением. Эти герои предстают перед читателями не рабочими-анархистами, хорошо знавшими гангстерский мир маргиналов, а борцами за мир во всем мире, изрекающими высокопарные сентенции о грядущем спасении человечества.

В 1954 г. Фаст обращается к жанру университетского романа, выбирая героем своего повествования преподавателя американской литературы – Сайласа Тимбермана. Пацифист, либерал, участник Второй мировой войны, Тимберман отказывается участвовать в кампании гражданской обороны против советской угрозы. Университетская администрация травит его, он теряет работу и в итоге оказывается в тюрьме как политзаключенный. Как и «Подвиг Сакко и Ванцетти», центристская критика проигнорировала «Сайласа Тимбермана». В СССР на роман было написано несколько хвалебных рецензий, ограничивавшихся в основном пересказом сюжета³⁸².

Б. Полевой, с которым Фаст завязал переписку в середине 1950-х гг., также лестно отозвался о «Сайласе Тимбермане»: «По материалу он [роман] напомнил мне другое очень популярное у нас произведение вашего коллеги Уилсона Митчела “Жизнь во мгле”, книгу у нас очень популярную. Но он

³⁸⁰ *Изаков Б.* Мужество, побеждающее смерть // Новое время. 1953. 17 октября. С. 29.

³⁸¹ *Орлова Р.* Творчество Говарда Фаста и его книга «Подвиг Сакко и Ванцетти» // Молодой коммунист. 1954. № 4. С. 118.

³⁸² *Аникст А.* Роман о честных людях Америки // Знамя. 1955. № 5. С. 181-183; *Березарк И.* Трагедия простого американца // Нева. 1955. № 2. С. 175-176.

просторней, сильней, и то, что у Митчела просматривается местами как скелет, у вас облечено в плоть и кровь настоящей жизни»³⁸³.

Таким образом, в русле современной пролетарской, радикальной литературы Фаст оказался далеко не новатором. Излишняя тенденциозность и социальная заданность его персонажей, философствующих о равенстве и справедливости, не способствовали росту его популярности как писателя. Впоследствии сам Фаст оценивал романы начала 1950-х гг. ниже, чем свои исторические сочинения. Примечательно, что одним из обвинений, выдвигаемых писателю после его разрыва с компартией, стал тот факт, что он пытался откреститься от своих героев, которые принесли ему славу далеко за пределами США³⁸⁴.

3.4. Переписка Г. Фаста с П. Павленко (12 октября 1949 – 26 апреля 1951): «Литература и действительность»

Вскоре по приезде в Москву из Нью-Йорка с Уолдорфской конференции Павленко вступил в переписку со своим новым заокеанским приятелем. Уже многими исследователями отмечалась особая роль Фаста как «главного литературного консультанта», по протекции которого новые зарубежные авторы прокладывали себе путь к русскому читателю³⁸⁵. В переписке с Павленко Фаст продолжает играть роль «оракула партии»³⁸⁶, продвигая себя и малоизвестных писателей на авансцену международной пролетарской культуры. Так, в письме от 12 октября 1949 он пишет: «Вы

³⁸³ Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3824.

³⁸⁴ *Изаков Б.* Две исповеди Говарда Фаста // *Иностранная литература.* 1958. № 2. С. 216.

³⁸⁵ См. например, *Djagalov R.* “I Don’t Boast About It, but I’m the Most Widely Read Author of This Century”: Howard Fast and International Leftist Literary Culture, ca. Mid-Twentieth Century // *Anthropology of East Europe Review* Vol. 27 (2). 2009. P. 40-55.

³⁸⁶ По выражению Джозефа Старобина, «Фаст стал оракулом КП по любому вопросу, начиная от прав негров, заканчивая социальным реализмом... он возглавлял все возможные комитеты, выступал даже тогда, когда ему нечего было сказать, не внимал мольбам своих лучших редакторов, просивших внести правки в его тексты» – См. *Starobin J.* More Comment // *Mainstream.* 1957. 2 April. P. 42-56.

упоминаете получение новой пьесы³⁸⁷ Клиффорда Одетса. Вы увидите в ней много недостатков, но эта пьеса – одна из немногих появившихся на нашей сцене пьес, осмеливающихся подвергнуть критике хотя бы маленький краешек гнилого американского строя. Разумеется, Одетс – не коммунист. Он неустойчив в своих взглядах и поэтому обуреваем мучительными сомнениями; но он – человек честный, прямой и смелый, чего вы о большинстве писателей в сегодняшней Америке не скажете.

Что касается книги Сакстона³⁸⁸, то, несомненно, она имеет для нас, в Америке, больше значения, чем для вас. Видите ли, помимо моей книги “Кларктон”, это – первый роман за последние 10 лет, изображающий, в качестве героя, коммуниста. Само по себе это не столь уж малая заслуга писателя. Конечно, книга имеет много недостатков и по композиции, и по содержанию. Но в ней есть та основная правда, которая мирит меня с этими недостатками.

Я хотел бы порекомендовать новый роман английского писателя по имени Гуин Томас³⁸⁹. Роман называется “Листья по ветру” и представляет собою произведение прекрасное и имеющее огромное значение для рабочего класса во всем мире. Если у вас этой книги нет, буду рад прислать вам экземпляр ее»³⁹⁰.

В этом письме как в зеркале отражаются литературные оценки, типичные для Фаста, который выступает в американском контексте как «коммунист-консерватор». В конце 1940-х гг. «пролетарский роман» в США стал менее востребованным даже среди авторов – членов компартии. Напротив, в СССР эта жанровая разновидность не казалась устаревшей. Потому Павленко и не мог оценить «Большую Среднезападную» А. Сакстона как явление обособленное и значительное – а именно таким оно казалось

³⁸⁷ «Большой нож» (The Big Knife, 1949) – первая пьеса Одетса, написанная после шестилетнего перерыва, в течение которого он работал в Голливуде.

³⁸⁸ Сакстон А. Большая среднезападная. М.: Иностранная литература, 1949.

³⁸⁹ Гуин Томас (1913-1981) – валлийский писатель. Два романа Томаса были напечатаны в СССР. См. Томас Г. Все изменяет тебе. М.: Иностранная литература, 1959; Безвестные философы. М.: Иностранная литература, 1958.

³⁹⁰ Ф. 631. Оп. 26. Ед. 3778.

Фасту, наблюдавшему, как жанр пролетарского романа умирает в США. «Листья по ветру» (*Leaves in the Wind*, 1949) малоизвестного валлийского писателя Гвина Томаса (1913-1981) – сочинение, которое современные исследователи квалифицируют как «производственный роман» (*industrial fiction*)³⁹¹ – относится к той же традиции, что «Большая Среднезападная» и «Кларктон». Сам Фаст так оценивал «Листья по ветру»: «Томас описывает первые стихийные выступления уэльских рабочих сталелитейных заводов. Несмотря на серьезные недостатки, эта книга представляет большой шаг вперед по пути к реалистическому пониманию истории... для Томаса путем к реализму были история и фольклор его родного Уэльса»³⁹².

Таким образом, литературные вкусы Фаста в начале 1950-х гг. вполне соответствовали советским установкам, а в американском контексте смотрелись как анахронизм – но для Фаста это была осознанная позиция. Он по-прежнему писал в тематическом и стилевом диапазоне «красных тридцатых» и приветствовал авторов со схожими эстетическими пристрастиями.

Получив новую книгу Фаста «Литература и действительность» (*Literature and Reality*, 1950), Павленко благополучно отложил ее подальше на книжную полку. Однажды, принявшись за разбор накопившихся бумаг, он нашел этот подарок и «покраснел от стыда»³⁹³. К тому моменту отрывки из книги уже были напечатаны на русском языке. Павленко спохватился и срочно сел за сочинение подходящего ответа, отправив на рецензирование М. Я. Аплетину проект своего письма. Сам факт привлечения «третьего лица» к личной переписке свидетельствует о ее «(квази)приватном характере»³⁹⁴, что было распространенной практикой в области межкультурной коммуникации 1930-х -1950-х гг.

³⁹¹ *Knight S.* Industrial Fiction // *The Cambridge History of Welsh Literature*. Cambridge: Cambridge University Press. 2019. P. 388-404.

³⁹² *Фаст Г.* Литература и действительность // *Новый мир*. 1950. № 12. С. 227.

³⁹³ Ф. 631. Оп. 26. Ед. 3778. Л. 8.

³⁹⁴ *Нагорная О.С. Раева Т.В.* Советские писатели и американские симпатизанты СССР: инсценированная коммуникация в период Холодной войны // *Исторический журнал: научные исследования*. 2019. № 2. С. 82-93.

Эстетическая концепция, на которую опирается Фаст в своей книге «Литература и действительность», разрабатывалась теоретиками-марксистами на протяжении многих десятилетий. Из нее следует, что искусство как феномен надстройки детерминирован экономическим базисом и меняется по мере того, как трансформируются производственные отношения. Настаивая на таком материалистическом понимании сущности литературы, Фаст атакует формалистов, «новых поэтов»³⁹⁵, «новых критиков», адептов концепции «искусство для искусства», отрицающих связь объективной реальности и литературы и пускающих в плавание «по темным водам символизма». Другая группа писателей, превзошедшая идеалистов, но не вышедшая из плена своего «превратного мировоззрения» - буржуазные реалисты (Н. Готорн, Г. Мелвилл, М. Твейн, Дж. Лондон, Т. Драйзер, Ф. Норрис, С. Крейн). Как полагает Фаст, им удалось схватить и изобразить существенные моменты исторического развития, свидетелями которого они стали. Однако их творческие поиски, прогрессивные для своего времени, безнадежно устарели. По мнению Фаста, как социалистическое общество превосходит капиталистическое, так и писатели-соцреалисты стоят на голову выше буржуазных реалистов. Фаст утверждает, что именно соцреалисты имеют возможность наблюдать и интерпретировать новейшие общественные трансформации, главная из которых – возникновение бесклассового общества. В пример американским формалистам и «новым поэтам», воспевающим смерть, упадок, брутальность, аномальное и ужасное, Фаст ставит жизнеутверждающую советскую литературу³⁹⁶.

Умеренно-консервативными кругами в США «Литература и действительность» Фаста была воспринята крайне негативно. Критик «New York Times Book Review» констатировал: «Фаст подходит к анализу литературы так, как учит тому партия. В результате получается однообразное чтение... Его идея состоит в том, что настоящим художником может

³⁹⁵ Среди них Э. Паунд, Т.С. Элиот, У. Х. Оден, Р. Лоуэлл и др.

³⁹⁶ *Fast H. Literature and Reality. New York: International Publishers, 1950. P. 108.*

называться только тот, кто понимает объективную реальность, а сегодняшнюю объективную реальность могут понять только коммунисты»³⁹⁷.

Пропагандистский запал книги, который американцам казался словесной истерией, для советских критиков был ее неоспоримым достоинством. Анонсируя появление книги, А. Елистратова указывала: «Недавняя книга Фаста дает непримиримую, уничтожающую оценку всей буржуазной псевдо-литературе США, разоблачая прямую связь декадентщины во всех ее современных разновидностях с империалистической реакцией. Буржуазная “литература” сегодняшней Америки – это “сточная яма фашизма”»³⁹⁸. «Литература и действительность» точно соответствовала эстетическим советским установкам 1950-х гг. с их агрессивным антиамериканизмом, поэтому книга быстро завоевала репутацию манифеста, «методического пособия», «передового» критического исследования, в котором вопросы эстетики рассматривались с последовательно материалистических позиций³⁹⁹.

Парадоксально, но П. Павленко градус радикальности Фаста показался слишком высоким – и эта оценка отличалась от мнений критиков, упоминавших «Литературу и действительность» на страницах советской печати. В своем письме Павленко отмечал чрезмерный пессимизм автора, который игнорирует достижения «многочисленной и весомой группы» писателей, таких как А. Мальц, А. Кан, А. Сакстон. Соглашаясь с бесспорным тезисом о значении литературы СССР для всей истории культуры, Павленко негодовал, почему конкретизируя эту идею, Фаст «использовал такие произведения советской литературы, которые нельзя назвать магистральными, ведущими»⁴⁰⁰. Действительно, дисбаланс между богатством примеров, используемых для дискредитации англоязычной традиции, и скудным объемом советских художественных текстов,

³⁹⁷ *Geary J. Review // New York Times Book Review. 1950. January 29.*

³⁹⁸ *Елистратова А. Говард Фаст. С. 235.*

³⁹⁹ *Дубашинский И. Говард Фаст. С. 194.*

⁴⁰⁰ *П.А. Павленко – Г. Фасту. [Без даты]. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3778. Л. 10.*

привлекаемых для иллюстрации передового значения социалистической литературы, поражает. Небольшой фрагмент о всемирной значимости произведений Горького, несколько замечаний о повести «Панфиловцы на первом рубеже» А. Бека и романе «Как закалялась сталь» Н. Островского, перечисление значимых советских писателей (Л. Леонов, И. Эренбург, А. Фадеев, В. Гроссман, П. Павленко, В. Василевская) – на этом обзор корпуса советской литературы заканчивается.

Кроме замечаний о книге Фаста, в своем письме Павленко просил сообщить хоть пару слов о новых писателях Джоне Уивере и Митчеле Уилсоне, над переводом романа⁴⁰¹ которого трудилась его жена⁴⁰². Павленко наводил справки и о творческих планах А. Сакстона и А. Мальца, популярных в то время в СССР. Аттестовал интересовавших Советский Союз писателей Фаст следующим образом: «Джон Уивер уже обратился против нас и капитулировал перед фашистами. Митчела Уилсона я знаю, но он очень запуган, очень молчалив, и стоит огромных трудов заставить его высказаться хотя бы по весьма широким вопросам. Он держится крайне изолированно, как и многие другие из наших интеллигентов в наши дни»⁴⁰³.

По-видимому, Павленко готовился напечатать рецензию на «Литературу и действительность», однако она вошла только в книгу «Писатель и жизнь: статьи, воспоминания из записных книжек, письма»⁴⁰⁴, опубликованную после смерти Павленко. За основу рецензии Павленко берет свои личные письма Фасту, усиливая содержащуюся в них критику. Намекая на необходимость второго издания, в котором будут учтены недоработки, Павленко констатировал: «Книга Ваша на многих своих страницах уязвима с марксистско-ленинских философских позиций, но я бы

⁴⁰¹ Уилсон М. Жизнь во мгле / Пер. с англ. Н. Трениевой. Предисл. О. Писаржевского. Ред. Т. Кудрявцева. М.: Иностранная литература, 1951.

⁴⁰² Тренива Наталья Константиновна (1904-1980) – советская переводчица. Занималась переводами как классической литературы (Чарльза Диккенса, Артура Конан Дойля, Марка Твена), так и современных ей писателей, в частности А. Мальца, М. Уилсона, Д. Дайса, Д. Олриджа и др.

⁴⁰³ Г. Фаст – П.А. Павленко. 26 апреля 1951. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3778. Л. 24.

⁴⁰⁴ Павленко П. Писатель и жизнь: статьи, воспоминания из записных книжек, письма. М.: Советский писатель, 1955.

сказал, что она и не могла оказаться другой. Ставя перед собой чрезвычайно ответственные и сложные задачи, Вы, к сожалению, оперировали на узком плацдарме фактов. У Вас больше догадок, чем материала. Основной фонд национальных литератур, составляющих литературу мировую, Вами, к сожалению, не привлечен к делу. Таким образом, когда Вы сосредотачиваете свое внимание на упаднических опусах Франца Кафки, Вы остаетесь в узком кругу интересов англо-американского декаданса»⁴⁰⁵.

Озабоченность Фаста художественным текстами левых американских авторов Павленко беспощадно раскритиковал: «Перехваленная книга – пересоленный суп. Все на него набрасываются, но никто не доедает»⁴⁰⁶. Не в продвижении «мелкотравчатых» левых произведений, а в «анализе и определении роли классического наследия» Павленко видел задачу критика, в амплуа которого Фаст выступил со своей книгой «Литература и действительность».

3.5. Переписка Г. Фаста с К. Симоновым и Б. Полевым⁴⁰⁷

Скоропостижной кончиной Павленко в июне 1951 г. завершилась его переписка с Фастом. Впоследствии поддерживать связь с заокеанским другом СССР стал председатель Иностранной комиссии ССП К. Симонов. Их первый обмен письмами состоялся в феврале-ноябре 1952 г. – в это время Фаст участвовал в выборах в Конгресс от американской лейбористской партии⁴⁰⁸, но безуспешно. 6 ноября 1952 г. Фаст докладывал Симонову: «Я должен сообщить, что проиграл. В своем большинстве из страха и крайней необходимости люди голосовали за Стивенсона и против Эйзенхауэра. Ничто не могло переубедить рабочих в том, что Эйзенхауэр намерен вести фашистскую политику. Поразительно, однако, но Эйзенхауэр выиграл

⁴⁰⁵ Там же. С. 203.

⁴⁰⁶ Там же. С. 204.

⁴⁰⁷ Фрагменты переписки с Полевым, а также письма кураторов из ЦК были опубликованы А. Петровым. См. Петров А. «Эх, Говард!» (История одного неотправленного письма) // Знамя. 1992. № 8. С. 163-186.

⁴⁰⁸ American Labour Party (1936-1956) – социал-демократическая партия. В 1950-х гг. потеряла доверие избирателей из-за обвинений в пособничестве коммунистам.

выборы благодаря демагогическим лозунгам о мире»⁴⁰⁹. В письме Симонову Фаст оптимистично заверял: «Благодаря участию в кампании я многому научился, и думаю, значительно вырос. Без сомнения, я стану лучшим писателем и лучшим лидером для нашего движения здесь»⁴¹⁰. Образцовая преданность и желание быть полезным компартии, которые Фаст демонстрировал перед Симоновым, существовали только на бумаге. В своих мемуарах писатель свидетельствовал, что с неохотой согласился принять участие в выборах: «Я ненавидел политику, я ее презирал... тогда я ненавидел КП так же, как и другие партии, оставаясь в ней только потому, что я был чертов герой, и мне некуда было податься в стране, управляемой сумасшедшим галантерейщиком⁴¹¹, безумным сенатором и слабоумным начальником полиции»⁴¹².

Не только политические, но и театральные проблемы Симонов и Фаст затрагивали в своей переписке. Симонов был рад сообщить, что фастовская пьеса «Тридцать серебрянников» стала значимым событием советского театрального сезона 1952 г., сопроводив свое письмо вырезками из рецензий, афишами спектакля и несколькими фотографиями⁴¹³. Написанная еще в конце 1940-х гг. драма «Тридцать серебрянников» пылилась в столе у Фаста до января 1951 г., пока ею не заинтересовался австралийский театр. После успешной премьеры в Сиднее и Мельбурне «Тридцать серебрянников» нашли путь к зрителям в Польше, Германии, Канаде, Чехословакии. А. Сурков, заместитель председателя ССП, узнав о постановке пьесы в Праге, просил Фаста прислать экземпляр сценария. В итоге «Тридцать серебрянников» увидели подмостки не только московских (Центральный театр Советской Армии, Московский театр драмы)⁴¹⁴, но и провинциальных

⁴⁰⁹ Ф. 1814. Оп. 9. Ед. 2370. Л. 4

⁴¹⁰ Там же.

⁴¹¹ В молодости Г. Труман работал галантерейщиком в Канзас-Сити.

⁴¹² *Fast H. Being Red. P. 303.* Имеются в виду Г. Труман, в молодости работавший галантерейщиком в Канзас-Сити; сенатор-республиканец Джозеф Маккарти; Аллен Даллес – директор ЦРУ (1953-1961).

⁴¹³ Ф. 631. Оп. 26. Ед. 3778.

⁴¹⁴ *Абалкин Н.* Обличение американской лжедемократии // Правда. 1952. 29 октября.

театров. Симонов обращал внимание Фаста: «Я думаю, что Вам будет интересно узнать, что она [пьеса] идет в Барнауле, в Сибири, в далеком Алтайском крае, некогда одном из самых глухих уголков России»⁴¹⁵.

В своем ответе от 15 сентября 1952 г. Фаст рассыпался в благодарностях: «Нет нужды говорить о том, как много это значит сегодня. Связь любого рода в Вашей стране становится все более и более затруднительной, и мы нередко чувствуем себя горсткой людей, отрезанных от общего фронта и ведущих отчаянную борьбу за то, во что мы верим... и порою задумываемся, знает ли об этом хоть кто-нибудь на свете»⁴¹⁶.

Действительно, поддержка СССР, особенно финансового плана, была для Фаста спасательным кругом во времена, когда все американские издательства отказывались печатать его сочинения. Писатель признавал, что «не было и месяца», в течение которого он не получал бы чек из заграницы»⁴¹⁷. Соображения денежного характера укрепляли желание Фаста оставаться в партии – а ради этого ему приходилось идти на многочисленные компромиссы с партийным руководством и закрывать уши, когда до него доходили тревожные слухи о сталинском терроре.

Большим финансовым подспорьем оказалась для Фаста и Сталинская премия. Эта награда «За укрепление мира между народами» в размере 100 000 рублей вручалась с 1949 по 1955 гг. В 1953 г., за год до того, как стать лауреатом премии, Фаст вручил ее своему другу – негритянскому певцу Поллю Робсону. С ним он познакомился еще в 1943 г. на одном из приемов голливудского режиссера Герберта Бибермана⁴¹⁸. В 1949 г. Фаст вместе с Робсоном стали жертвами расовых беспорядков в Пикскилле, шт. Нью-Йорк. Концерт Робсона (27 августа), организованный Конгрессом борьбы за

⁴¹⁵ К. Симонов – Г. Фасту. [июнь-июль 1952]. Ф. 1814. Оп. 9. Ед. 2370.

⁴¹⁷ *Fast H. Being Red*. P. 196.

⁴¹⁸ *Sorin G. Howard Fast: Life and Literature in the Left Lane*. P. 53. Герберт Биберман (1900-1971) – американский сценарист и режиссер. Посещал СССР, где изучал опыт советского театра, вошел в «голливудскую десятку» - черный список НУАС, в 1950 г. был осужден за неуважение к Конгрессу и полгода провел в тюрьме.

гражданские права, был прерван агрессивной толпой расистов при почти полном бездействии местной полиции. Впоследствии Фаст написал публицистическую книгу по следам этих событий «Пикскилл, США» (Peekskill, USA, 1951; рус. пер. 1951). Советская критика отнеслась к этому тексту как к агитматериалу, живописующему разгул фашизма⁴¹⁹ в 1950-х гг. в США⁴²⁰.

В 1952 г. Госдепартамент отказался выдать Робсону паспорт для поездки в СССР, поэтому премию решили вручить в Нью-Йорке в отеле Тереза 23 сентября 1953 г.⁴²¹ Через год эти же события произошли в жизни Фаста. Ему отказали в паспорте, поэтому церемония вручения проходила в «Хрустальном зале» отеля Макальпин в апреле 1954 г. В своей благодарственной речи Фаст заявлял: «Я пришел сюда не для того, чтобы определять внешнюю политику, критиковать ее. Я пришел сюда просто для того, чтобы получить премию – премию мира. Эта премия, присужденная мне и многим другим международным жюри, учреждена Советским Союзом. Если бы у меня не было других причин почитать Советский Союз, то я искренне и глубоко почитал бы его за одно то, что он награждает премиями за мир»⁴²².

Реакция американской прессы на награждение Фаста была крайне сдержанной. В кратких статьях, посвященных этому событию, приводился список других лауреатов, указывался размер денежного приза, перечислялись значительные произведения писателя⁴²³. Никаких обвинений в том, что он продал свое перо Москве за 25 000 \$, в его адрес не последовало. Сам

⁴¹⁹ В целом, фашизация Америки – излюбленная тема, превалирующая в нарративе советско-американских отношений времен холодной войны. Арсенал пропагандистских техник, наработанный в годы Великой отечественной войны и направленный против Гитлера и фашистской Германии, с началом холодной войны стал использоваться в противостоянии с США.

⁴²⁰ Романова Е. Пикскилл, США // Литературная газета. 1951. 3 июля; Галанов Б. Пикскилл нельзя забыть // Знамя. 1951. № 9. С. 185-189; Гансовский С. Линч не пройдет! // Ленинградская правда. 1951. 16 августа.

⁴²¹ Paul Robeson Receives Stalin Prize // *New World Review*. 1953. October.

⁴²² Вручение международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» американскому писателю Говарду Фасту // Советская культура. 1954. 24 апреля.

⁴²³ Soviet Prize Goes to Howard Fast // *New York Times*. 1953. December 21; Stalin Peace Prize Awarded to Howard Fast // *Washington Post*. 1953. December 21.

писатель вспоминал, что не испытывал чувства вины, принимая эту круглую сумму – он рассматривал ее как гонорар за те «сотни тысяч книг», которые продолжали печатать в СССР⁴²⁴.

Фаст получил многочисленные поздравления от членов Союза советских писателей, в том числе, от Симонова Эренбурга, Фадеева, Полевого⁴²⁵. Отдельную благодарность Фаст выразил Эренбургу, предавшись ностальгическим воспоминаниям: «Уже больше четырех лет прошло с тех пор, как мы сидели вместе в Париже и говорили о многом. Должен сказать Вам, что это был очень значительный момент в моей жизни, и я вспоминаю его еще и еще, всякий раз, как мне нужны новые силы. С нетерпением жду новой встречи с Вами, старый друг, чтобы обнять Вас и потолковать с Вами так же славно, как мы говорили в те дни»⁴²⁶.

К. Симонова на посту председателя Иностранной комиссии ССП сменил Б. Полевой, продолживший переписку с Фастом. То обстоятельство, что каждый председатель Инкомиссии считал своим долгом поддерживать отношения с заокеанским писателем и даже пытаться подружиться, указывает на значительность роли, которую отводили Фасту в СССР.

С Полевым Фаст познакомился заочно. Свое первое письмо от 18 апреля 1954 г. советский писатель начал с комплиментов и заманчивого предложения: «Это письмо Вы получили от советского писателя Бориса Полевого. Вы не знаете меня лично, моих произведений Вы, возможно, никогда не читали, но тем не менее, вы можете считать меня вашим другом и большим поклонником Ваших книг... В мои планы входит написать сборник рассказов о борцах за мир в странах Запада... я хочу, чтобы Вы как человек, которого я высоко ценю как писателя и борца, стали героем одного из рассказов, написанного от Вашего лица... Я бы попросил Вас описать любой

⁴²⁴ *Fast H. Being Red. P. 318.*

⁴²⁵ Ф. 631. Оп. 26. Ед. 3805.

⁴²⁶ Г. Фаст – И. Эренбургу. 24 декабря 1953 // Почта Ильи Эренбурга. Под ред. Б.Я. Фрезинского. М.: Аграф. 2006. С. 292.

яркий, поразительный эпизод, свидетельствующий о дружеских отношениях американского и советского народов»⁴²⁷.

В своем ответе Фаст не смог снабдить Полевого подходящим для рассказа сюжетом, однако вспомнил о том, что происходило в 1949 г. на конгрессе в защиту мира: «Частью программы конференции была встреча на тему “Советская и американская литература”, где выступали Фадеев и Павленко. Мы рассчитывали на участие не больше, чем 400 человек, а пришло вдвое больше. И пришли они побуждаемые не презрением или ненавистью, а глубоким любопытством огромным желанием знать... Но это был 1949 год, и с тех пор много воды утекло, и советские писатели больше не приезжали к нам в Америку»⁴²⁸.

Новеллу о Фасте Полевой планировал приурочить ко Второму съезду советских писателей, проходившем в 1954 г. Несмотря на настойчивые приглашения, сам Фаст не смог приехать в Москву, поскольку Государственный департамент США отказал ему в загранпаспорте. В своих письмах Полевой подробно сообщал Фасту о подготовительных мероприятиях к съезду. Любопытно, но список писателей, которых планировалось пригласить на торжества, был вычеркнут из проекта письма от 1 ноября 1954 г. Среди них были упомянуты Э. Хемингуэй, Э. Колдуэлл, Л. Хеллман, А. Мальц⁴²⁹.

Второй съезд писателей (15–26 декабря 1954 г.), состоявшийся через полтора года после смерти Сталина, стал знаковым событием в преддверии оттепельной смены советского идеологического курса. С трибун съезда не прогремело ни требований по реорганизации писательских объединений, ни революционных лозунгов. По выражению В. Гудковой, «съезд продемонстрировал прочность положения номенклатурных сочинителей и

⁴²⁷ Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3824. Л.3.

⁴²⁸ Г. Фаст – Б. Полевому. [май 1954]. Там же. Л. 18.

⁴²⁹ Б. Полевой – Г. Фасту. 1 ноября 1954. Там же. Л. 29.

разъединенность “просто писателей”»⁴³⁰. Тем не менее, критика «конъюнктурщины», «бесконфликтности», «блещущих медалями писателей» стала лейтмотивом выступлений многих докладчиков (М. Шолохова, В. Каверина, М. Шагинян и др.), ощущавших, как литературно-институциональные практики 1940-х и начала 1950-х все более устаревают, не поспевая за меняющимся политическим курсом на десталинизацию и преодоление тоталитаризма.

Сам Полевой выступил на Съезде с докладом о детской литературе. В письме от 21 декабря 1954 г. он разъяснял Фасту: «Признаюсь, не без возмущения сказал я о “комиксах” – этой страшной заразе, которая, расползаясь по странам капиталистического мира, душит все живое, гуманистическое и прекрасное. Было бы неверно думать, что в капиталистических странах, и в самих Соединенных Штатах нет хороших писателей и не пишется хороших книг для детей. Совсем недавно мы прочитали в нашем детском журнале прекрасную повесть Говарда Фаста “Тони и волшебная дверь”⁴³¹, глубокую по содержанию, увлекательную по форме, с большим и мудрым воспитательным смыслом. Все мы частенько слушаем по радио, в часы детских передач, прекрасный рассказ Альберта Мальца “Цирк приехал”»⁴³².

Среди участников Съезда не оказалось ни одного писателя-американца, однако на пятый день, когда зачитывались приветствия зарубежных коллег, Л. Ошанин огласил послания А. Кана, Л. Фейхтвангера⁴³³ и Э. Колдуэлла, представлявших США. Сама американская литература виделась советским делегатам съезда монолитом, застывшим с середины 1940-х гг. Репрезентативным в этом отношении является выдержка из доклада Н.

⁴³⁰ Гудкова В. Инерция страха и попытки прорыва: Второй съезд советских писателей // Новое литературное обозрение. 2017. № 145. С. 86–105.

⁴³¹ *Fast H.* Tony and the Wonderful Door. New York: Blue Heron Press, 1952. Рус. пер.: *Фаст Г.* Тони и волшебная дверь. М.: Детгиз, 1954;

⁴³² Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3824. Л. 39; *Maltz A.* Circus Come to Town // *Masses & Mainstream*. 1950. July. P. 33-45.

⁴³³ В 1941 г. Фейхтвангер бежал в США, где прожил вплоть до своей смерти в 1958 г.

Тихонова, резюмировавшего: «Сегодня в Америке есть большая, прогрессивная литература, представленная Говардом Фастом, Альбертом Мальцем, Джоном Говардом Лоусоном, Александром Сакстоном, Майклом Голдом, Ллойдом Брауном, Филиппом Боносским и другими; в произведениях этих писателей мы находим правдивые картины американской жизни»⁴³⁴. Все те же имена из когорты дружественных СССР писателей звучали в докладах А. Суркова, Б. Лавренева, С. Голубова. В адрес других популярных за рубежом авторов бросали старые упреки и оскорбления, сформулированные еще в разгар сталинской антиамериканской кампании. Приведем лишь один пример из речи К. Симонова: «...с безысходным чувством написан, например, финал романа Э. Хемингуэя “По ком звонит колокол”. Иное дело — литература социалистического реализма, иное дело - писатель-большевик Д. Фурманов»⁴³⁵.

Фаст следил за съездом из своего американского далека, суммировав свои впечатления следующим образом: «В последнем номере нашего журнала “Мэссес энд Мейнстрим” помещены многие выступления на Вашем Съезде писателей, среди них – выступление Шолохова. Должен признаться, что мы читали его с немалым удивлением. Я не стану в этом письме дискутировать и доклады и саму обстановку, в которой происходил съезд. Но я считаю важным указать Вам на то, какую великую, громадную роль играет Эренбург в наших глазах как вождь мирового движения борьбы за мир. Я много раз встречал Эренбурга и мог бы найти достаточно поводов для критики его как человека и как писателя. Но, боюсь я не найду никого, кого нельзя было бы критиковать, если очень постараться. Самое важное для нас состоит в том, что голос Эренбурга — это могучий, гневный, человеческий голос советского народа, который звучал по всему миру»⁴³⁶. Я боюсь, что мало

⁴³⁴ Тихонов Н. Современная прогрессивная литература мира // Второй всесоюзный съезд советский писателей. Стенографический отчет. М.: Советский писатель. С. 433.

⁴³⁵ Содоклад Симонова К.М. «О советской художественной прозе» // Второй всесоюзный съезд советский писателей. С. 87.

⁴³⁶ В годы Второй мировой войны, когда между США и СССР возникли союзнические отношения, в американской левой прессе активно печатали антигитлеровскую публицистику Эренбурга.

кто из нас, принимающих активное участие в движении, может согласиться с положением Шолохова о том, что основной долг писателя – писать. Основной долг каждого человека, как об этом прекрасно написал Ваш великий писатель Островский, участвовать в борьбе за освобождение человечества. В мире, в котором мы сегодня живем, величие литературы может быть только результатом участия в этой борьбе. В прошлом были и другие пути к совершенству в литературе»⁴³⁷.

Выступление Шолохова на съезде носило подрывной и обличительный характер. Из его уст особо острую критику в свой адрес услышали К. Симонов и И. Эренбург. Шолохов сказал, в частности: «По старой дружбе не могу не упомянуть здесь И.Г. Эренбурга... Хорошо спорить с тем, кто яростно обороняется, а он на малейшее критическое замечание обижается и заявляет, что ему после критики не хочется писать. (Аплодисменты). Что же за спор, когда чуть тронешь противника, а он уже ссылается на возраст и будит к себе жалость? Нет, у нас лежачего не бьют. Пусть лучше Эренбург пишет»⁴³⁸.

Защищавший Эренбурга в 1954 г., Фаст изменит свое отношение к нему через три года. Впоследствии именно недостаток художественного мастерства для него станет куда более серьезным пороком, нежели политическая пассивность. Повесть «Оттепель» (1954) Фаст аттестовал как «плохо написанную книгу», «попытку схватить реальность, предпринятую автором, давно не писавшим художественные тексты»⁴³⁹.

Встретиться с Эренбургом Фасту не пришлось, однако довелось провести приятный вечер в компании советских писателей, командированных в США в 1955 г. В эту группу входили председатель Инкомиссии Б. Полевой, представитель «Комсомольской правды» А. Аджубей, В. Бережков из журнала «Новое время», Н. Грибачев из

⁴³⁷ Г. Фаст – А. Чаковскому. 19 мая 1955 г. Ф. 1573 оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 35.

⁴³⁸ Речь М. Шолохова // Второй всесоюзный съезд советский писателей. Стенографический отчет. М.: Советский писатель. С. 377.

⁴³⁹ *Fast H. Naked God. New York: Frederick A. Praeger, Inc. 1957. P. 124.*

«Литературной газеты», Б. Изаков из журнала «Международная жизнь», В. Полторацкий из «Известий» и А. Софронов из «Огонька».

По свидетельствам Полевого, Фаст сам разыскал их делегацию, и его визит стал большим сюрпризом: «Какова же была радость, когда в дверях появился невысокий, круглоголовый, лысоватый американец в спортивной рубашке с короткими рукавами... Засим последовали довольно-таки неуклюжие мужские объятия, с шумным похлопыванием по разным местам, с взаимным приподниманием, с поцелуями куда-то в воротничок рубашки»⁴⁴⁰. Фастам (Говарда сопровождала его жена Бетти) удалось пригласить к себе на вечер только Полевого и Бережкова, так как остальные члены делегации отправились на Бродвей. За столом друзья обсудили новый роман писателя «Спартак», с переводом которого Полевой «ознакомился как раз перед отъездом»⁴⁴¹. В СССР главы из «Спартака» были напечатаны в 1952 г.⁴⁴²

Встретившись с советскими журналистами и писателями, Фаст пытался навести справки о поэте Льве Квитко (1890-1952), ведь о нем в еврейских американских кругах ходили недобрые слухи. Полевой уверил Фаста, что Квитко «жив и часто встречается ему, будучи соседом по дому»⁴⁴³, хотя на самом деле он был расстрелян в августе 1952 г. по обвинению в измене Родине. Через четыре года после этого разговора Фаст расскажет о нем на страницах своих мемуаров «Голый бог», уличая Б. Полевого в обмане.

3.6. «Кронштадтский мятеж»: разрыв с коммунизмом

Разрыв Фаста с компартией США – хорошо исследованный сюжет, ставший предметом многочисленных исследований по истории американо-советских связей⁴⁴⁴. После XX съезда КПСС, на котором был зачитан

⁴⁴⁰ Полевой Б. Американские дневники. М.: Советский писатель, 1956. С. 347.

⁴⁴¹ Там же. С. 353.

⁴⁴² Фаст Г. Спартак // Огонек. 1952. 25 июня.

⁴⁴³ Fast H. Naked God. New York: Frederick A. Praeger, Inc. 1957. P. 194.

⁴⁴⁴ См. Deery P. Finding his Kronstadt: Howard Fast, 1956 and American Communism // Australian Journal of Politics and History. 2012. Volume 58. Issue 2. P. 181-202; Djagalov R. "I Don't Boast About It, but I'm the Most Widely Read Author of This Century": Howard Fast and International Leftist Literary Culture, ca. Mid-Twentieth Century; Петров А. «Эх, Говард!» (История одного неотправленного

закрытый доклад «О культе личности и его последствиях», Фаст, как и многие его единомышленники, был повергнут в смятение. На Западе весть о хрущевском докладе спровоцировала, с одной стороны, массовый выход из компартии, а с другой – открытые дискуссии, смывшие цензурные заслоны волной смелых обвинений. В своей колонке в «Дэйли Уоркер» Фаст опубликовал ряд полемических материалов – как отрывки антисоветских, так и попросту скептических. В первых статьях Фаст был сдержан и осторожен, заявляя: «Накануне вечером я просидел допоздна, читая полный отчет Никиты Хрущева XX съезду Коммунистической партии Советского Союза. Это книга, насчитывающая 160 страниц. Как и роман, она представляет собой быстро развивающийся, живой и увлекательный текст. Это летопись того, как социализм изменил темную и истекающую кровью Россию за 39 лет. Это история гордых и счастливых людей, покончивших с голодом, нищетой и болезнями... Это также список ошибок, больших и малых, тупиковых дорог, неправильных поворотов и неудачных остановок»⁴⁴⁵.

Когда доклад Хрущева был опубликован в «New York Times», став достоянием широкой общественности, тон Фаста стал более категоричным: «Должен сказать, что если в России считают меня другом, то пусть считают меня и суровым и непримиримым критиком. Я никогда больше не буду молчать, если стану свидетелем несправедливости – даже если эта несправедливость будет обличена в грязное белье целесообразности или необходимости. Теперь я всегда буду задавать вопросы и требовать доказательств»⁴⁴⁶. После долгих лет молчания Фаст наконец-то смог отрывисто выступить в защиту фрейдовской теории⁴⁴⁷, считавшейся антинаучной в

письма); Костырченко Г. «Эх, Говард!..». URL:

https://lechain.ru/ARHIV/208/kostirchenko.htm#_ftn7 (дата обращения: 01.07.2022)

⁴⁴⁵ *Fast H.* The Soviet Union // *Daily Worker*. 1956. May 17. См. также: *Fast H.* The Current Scene // *Daily Worker*. 1956. 1956. May 9; *Fast H.* The Need to Believe // *Daily Worker*. 1956. June 4.

⁴⁴⁶ *Fast H.* Man's Hope // *Daily Worker*. 1956. June 12.

⁴⁴⁷ *Fast H.* Freud and Science // *Daily Worker*. 1956. May 19.

СССР, ребром поставить вопрос о советском антисемитизме, осудить космополитизм⁴⁴⁸.

1 февраля 1957 г. в «New York Times» появилось интервью писателя по поводу его выхода из компартии, впоследствии растиражированное прессой, поднявшей «шумиху» вокруг этого события⁴⁴⁹. Больше всего Фаст возмущался учиненной Сталиным антисемитской кампанией. После своего «крондштадского мятежа» писатель выступил как поборник прав евреев и защитник еврейской культуры, что нашло отражение в его переписке с Б. Полевым⁴⁵⁰. В более поздней и обширной статье, опубликованной в «Мэссес энд Мейнстрим», Фаст продолжал обвинять СССР в развязывании антисемитской кампании, упрекая своих советских собратьев по перу в предательском молчании: «Я хорошо помню жестокий моральный приговор, который советский писатель Илья Эренбург вынес нацистам, да и приговор американцам был не менее жесток. Эренбург узнал о содержании «секретного доклада», но мы напрасно ждали его гнева, его праведной ярости или его морального негодования. Странно, но человек, который наблюдал и осуждал нацизм во время Второй мировой войны, очевидно, не посчитал поводом для протеста убийства еврейских писателей, поэтов и журналистов.

Сам Эренбург – еврей, выжил, поскольку, очевидно, в Советском Союзе существует разновидность “почетного арийца”»⁴⁵¹.

Репутация Эренбурга на Западе в военные годы действительно определялась его ежедневными статьями, в которых он писал о лютой ненависти к фашизму и призывал истреблять немецких захватчиков⁴⁵². В послевоенный период в западных еврейских кругах его сочли предателем,

⁴⁴⁸ *Fast H. Cosmopolitanism // Daily Worker. 1956. April 26.*

⁴⁴⁹ *Schwartz H. Reds Renounced by Howard Fast // New York Times. 1957. February 1.*

⁴⁵⁰ См. подробнее *Костырченко Г. «Эх, Говард!..»*

⁴⁵¹ *Fast H. My Decision // Masses and Mainstream. 1957. March. «Почетный ариец» - нацистский термин, обозначающий человека неарийского происхождения, имевшего заслуги перед государством.*

⁴⁵² См. например, *Эренбург И. Убей! // Красная звезда. 1942. 24 июля.*

занимавшим высокие посты при сталинском режиме и молчаливо наблюдавшим за кампанией против космополитизма⁴⁵³.

Если раньше личное знакомство с Эренбургом Фаст считал большой честью, то теперь он вспомнил унижительные и нелепые подробности, о которых раньше предпочитал молчать: «...я встретил Эренбурга в Париже... я жевал резинку, как я часто делаю, и Эренбург без обиняков охарактеризовал это как скотскую практику... То, что Говард Фаст мог позволить себе такое варварство, как жевательная резинка, ранило чувства Эренбурга... Его реакция напоминала викторианское ханжество»⁴⁵⁴.

Интервью «New York Times» дошло до Советского Союза в тот же день, 1 февраля, после чего «железный занавес» закрылся перед Фастом. Он так описал этот переломный момент: «Я просто перестал существовать на 1/6 части Земли. Мое имя не упоминалось даже ретроспективно, меня не только не стало, но и никогда не было. Моя пьеса “Генерал Вашингтон и колдун” шла в исполнении театра Красной армии в Москве, представления продолжались, но пресса больше не упоминала этот факт. Миллионы книг продолжали читать, но автор перестал существовать, исчез из памяти»⁴⁵⁵.

Действительно, имя Фаста целых полгода не упоминалось в советской прессе, и лишь в августе «Литературная газета» напечатала заметку о решении писателя покинуть компартию⁴⁵⁶. Гневную отповедь бывшему «другу СССР» редакция подкрепила выдержками из выступлений американских коммунистов (Г. Аптекера, Ф. Боноски, У. Фостера), осудивших «дезертирство» Фаста.

Решение дать открытый бой «воинствующему сионисту» Фасту было принято заведующим международным отделом ЦК Б.Н. Пономаревым⁴⁵⁷ после продолжавшейся почти месяц безрезультатной переписки Фаста с

⁴⁵³ См. подробнее *Rubenstein J. Tangled Loyalties: The Life and Times of Ilya Ehrenburg*. New York: Basic Books, 1996.

⁴⁵⁴ *Fast H. My Decision*.

⁴⁵⁵ *Fast H. Naked God*. New York: Frederick A. Praeger, Inc. 1957. P. 32.

⁴⁵⁶ Дезертирство под огнем // Литературная газета. 1957.

⁴⁵⁷ *Костырченко Г. «Эх, Говард!..»*

Полевым. Наряду с Полевым, в обмен мнениями по поводу выхода «американского друга СССР» из компартии включился и Борис Романович Изаков (1903-1988), писатель и многолетний корреспондент «Правды», с которым Фаст познакомился во время приезда советской писательской делегации в США в 1955 г. 15 февраля 1957 г. Фаст отправил Изакову письмо:

«Дорогой Борис,

Ваше письмо – одно из последних, полученных мною из Восточной Европы. Хотя оно датировано 10 января, оно дошло до меня лишь в середине февраля...

Не знаю, мудро ли, с вашей точки зрения то, что я пишу вам письмо. Однако, я получил ваше, и мой долг – ответить... Хорошо будет получить от вас весточку и надеюсь, прежде всего, что страх не мешает вам ответить мне. На протяжении десяти лет в условия неослабного давления и террора я писал, что хотел и кому хотел. Надеюсь, вы можете поступить так же»⁴⁵⁸.

Ответ на это письмо последовал только 20 марта. В нем Изаков с выражал свое негодование: «Вы пишете, что страх – да, именно страх! – может помешать тому, чтобы я Вам писал. Такое предположение, Говард, звучит для меня не только обидно – ведь я не давал вам оснований сомневаться в моей честности – такое предположение звучит для меня как-то дико... У нас продолжают печататься ваши книги, как впрочем, книги таких людей, как Сартр (на этой неделе я смотрел в одном из крупнейших московских театров его пьесу. Книги и пьесы с годами не меняются, они остаются, какими были».⁴⁵⁹

С Сартром Фаст виделся лично в 1945 г. в Нью-Йорке, когда тот приехал в США «со списком книг, которые издательский дом “Галлимар” хотел перевести и напечатать»⁴⁶⁰. Помимо произведений Стейнбека и Сэндберга, французы планировали заполучить разрешение на перевод и

⁴⁵⁸ Ф. 631. Оп. 26. Ед. 3921.

⁴⁵⁹ Там же.

⁴⁶⁰ *Fast H. Being Red. P. 132.*

публикацию романа Фаста «Дорога свободы». Громадное значение для Фаста имел тот факт, что Сартр был участником французского Сопротивления, имевшим тесные связи с коммунистическим движением. Общая политическая реальность сблизила двух писателей, и даже после многих лет Фаст с теплотой описывал их первую встречу. В 1950-е гг. Сартр действительно появился в советском культурном пространстве как драматург и мыслитель. В 1955 г. он посетил Москву, в том же году на советской сцене поставили его пьесу «Добродетельная проститутка»⁴⁶¹, которую, по-видимому, и смотрел Б. Изаков.

Несмотря на призыв Фаста оставаться друзьями, Изаков не замедлил с публичной отповедью, поучаствовав в кампании по разоблачению «Фаста-флюгера», которая велась не только в идеологическом, но и в эстетическом плане. Он подготовил разгромную статью; она не вышла в печати, однако некоторые ее тезисы легли в основу другого материала, опубликованного в «Иностранной литературе»⁴⁶². В первоначальной версии статьи Изаков цитировал полученное им письмо Фаста от 7 марта 1956 г., где тот резко высказывался о Хемингуэе:

«Фаст опубликовал 9 июня на страницах “Нью Йорк таймс магазин” письмо моего друга Б.Н. Полевого без разрешения автора⁴⁶³. Он, очевидно, рассматривает личную переписку между американскими и советскими писателями как общественное достояние. Это дает мне право привести следующее его суждение, высказанное в письме ко мне от 7 марта 1956 г. – менее, чем два года назад:

“... Лично я испытывал величайшее восхищение Фолкнером⁴⁶⁴ – он смел и человечен; но боюсь, что я могу только презирать Хемингуэя как человека. К этим чувствам не примешивается ничего личного, - я никогда не встречался ни с тем, ни с другим. Но мое мнение сводится к тому, что

⁴⁶¹ В театре имени Моссовета пьеса шла под названием «Лиззи Мак-Кей».

⁴⁶² *Изаков Б.* Две исповеди Говарда Фаста.

⁴⁶³ См. *Salisbury H. E.* Writers in the Shadow of Communism // New York Times. 1957. 9 June.

⁴⁶⁴ Фолкнеру Фаст посвятил отдельный очерк, опубликованный в немецком литературном ежемесячнике «Neue Deutsche Literatur» (1955, № 6).

Хемингуэй просто хитрый и часто смешной жонглер словами (manipulator of words). Если вы читали его предыдущий роман ‘Через реку и кущу деревьев’, вы лучше поймете то, что я имею в виду, чем на основании его последней вещи. В ‘Старике и море’ он, по-моему, оппортунистически избрал не рабочего, а живописную фигуру, при помощи которой он может пустить в ход особую словесную пиротехнику Хемингуэя. Я не верю ни в речь, ни в поступки старика. Я считаю выбор Хемингуэем темы и материала отвратительным (rather damnable). Я не стараюсь нравиться высшему свету, но ищу типичности, которой надо добиваться, если хочешь отразить правду. В своих писаниях и выступлениях в Америке я придерживаюсь той точки зрения, что проблема типического не означает обращение к необыкновенному. Хемингуэй подменяет необыкновенное – странным. Это большой любитель странного – того особого фетиша, который щекочет чувства зажиточных американцев, покупающих и читающих его книги. Подлинный человек, подлинная личность здесь отсутствуют”.

Так писал Фаст. Мне пришлось изложить ему свой взгляд на творчество Хемингуэя и на великолепную по силе художественной выразительности повести “Старик и море”⁴⁶⁵, в которой писатель устами своего героя, простого человека, сына труда, провозглашает столь близкую нам философию: бороться, бороться не сдаваясь, покуда хватит сил. В интересах справедливости должен отметить, что Говард Фаст со мной согласился. Уже через месяц, 10 апреля, он писал: “Я склонен признать вашу точку зрения на Хемингуэя”.

Я привел этот пример потому, что он красноречив: если кого-нибудь в компартии США и следовало упрекать в “пагубной прямолинейности и отсутствии гибкости, узости в постановку вопросов и определении целей”, то

⁴⁶⁵ Изаков являлся одним из переводчиков Хемингуэя. См. Старик и море. Пер. Е. Голышевой и Б. Изакова // Иностранная литература. 1955. № 3. С. 95-136. Тот же пер. М.: Детиздат, 1956; За рекой, в тени деревьев. Пер. Е. Голышевой и Б. Изакова // Москва. 1960. № 7-9.

этот упрек Говарду Фасту следовало в первую очередь адресовать Говарду Фасту»⁴⁶⁶.

Пассаж о Хемингуэе не вошел в напечатанную версию статьи Изакова, возможно, потому что «реабилитация» Хемингуэя в СССР после сталинской антиамериканской кампании, развязанной в 1946-м в связи с началом холодной войны, началась совсем недавно – с выходом в русском переводе повести «Старик и море» (1955). В 1956-м Фаст, еще будучи членом партии, согласовывал свои литературные оценки «опального Хемингуэя» с партийной цензурой. А в 1957-м Изаков уже вменяет это в вину Фасту как «пагубную прямолинейность и отсутствие гибкости»⁴⁶⁷.

Несмотря на то, что переписка Фаста с Изаковым велась в оттепельный период, ее отличает непримиримость, категоричность и резкость. Советская сторона была в ярости от того, что Фаст – лауреат Сталинской премии (1953), чьи произведения печатались миллионными тиражами в СССР, когда в США все коммерческие издания закрыли перед ним двери, не только покинул ряды КП США, но и выступил с публичной критикой советского режима в книге «Голый бог», разоблачая не просто «культ личности», но коммунизм и компартию.

Фаст писал «Голого бога» по готовым лекалам: жанр мемуаров был популярен среди западных коммунистов и попутчиков. Среди наиболее известных образцов можно выделить сборник «Поверженный бог: шесть эссе о коммунизме»⁴⁶⁸, в котором представлены автобиографические тексты Артура Кестлера, Ричарда Райта, Луи Фишера и т.д.

Помимо осуждения конкретных людей и недальновидного руководства КП США, в «Голом боге» Фаст производит ревизию своих прежних эстетических взглядов. Если раньше он утверждал, что под руководством компартии советские писатели правдиво живописуют реальность⁴⁶⁹, то

⁴⁶⁶ Ф. 1573. Оп.1. Ед. 686.

⁴⁶⁷ Там же.

⁴⁶⁸ *The God that Failed*. Ed. by Richard Crossman. New York : Harper, 1949.

⁴⁶⁹ *Fast H. Realism and the Soviet Novel // New Masses*. 1945. December.

теперь он забрал свои слова обратно. Особое неприятие у Фаста вызвали царящие в советской литературе викторианское ханжество, застой, скука и посредственность. Демонстрируя близкое знакомство с ключевыми произведениями советской эпохи, Фаст указывает: «В книге Полевого “Повесть о настоящем человеке” нет и намека на то, чем живет “настоящий человек”»; однажды вечером у себя дома я спросил его лично, как он осмелился написать невероятную и ханжескую сцену, развернувшуюся ночью в доме медсестры⁴⁷⁰, и опустить любовь и секс до уровня Полли Пигтэйлс⁴⁷¹. Он пожал плечами, робко улыбнулся и сказал: “Нашим людям это нравится”»⁴⁷².

Позитивно высказался Фаст только о нескольких советских сочинениях, как, например, «Народ бессмертен» Гроссмана, «Взятие Великошумска» Леонова, романах о донских казаках Шолохова.

Реакция в США на книгу Фаста была бурной. Гарри Шварц⁴⁷³, которому Фаст дал скандальное интервью⁴⁷⁴ по поводу выхода из компартии, отмечал: «В своей книге Фаст объясняет, почему он порвал с коммунистическим движением, оставаясь преданным ему даже на протяжении наиболее трудных послевоенных лет, характеризовавшихся ростом антикоммунистических настроений в нашей стране. Это эмоциональная книга, которой присущи как достоинства, так и недостатки,

⁴⁷⁰ Ту же претензию Фаст предъявляет советским писателям в своей более ранней статье «My Decision»: «В популярном советском романе знаменитый писатель следует той же ханжеской морали, описывая, как два изголодавшихся по любви человека, солдат и медсестра, каждый из которых годами хранил целомудрие, провели мучительную ночь в одной комнате. Они желали друг друга, но сохранили честь советского гражданина воздержанием». См. *Fast H. My Decision*.

⁴⁷¹ Полли Пигтэйлс – девочка-подросток, героиня серии комиксов, чью целевую аудиторию составляли девочки 7-12 лет.

⁴⁷² *Fast H. Naked God*. New York: Frederick A. Praeger, Inc. 1957. P. 122.

⁴⁷³ Гарри Шварц (1919-2004) – убежденный антисталинист, журналист «New York Times», специализировавшийся по странам Восточной Европы и СССР. Написал ряд книг, посвященных Советскому Союзу: «Советская экономика России» (1951), «Красный феникс» (1961), «200 дней Праги» (1969). До 1957 г. Фаст осуждал антисоветскую деятельность Шварца, заявляя: «Беда в том, что мистеру Шварцу платят как эксперту по вопросу о том, что неладно в СССР (интересно, каких высот он мог бы достигнуть, если б ему платили как эксперту по вопросам о том, что в СССР ладно?) См. *Fast G. О фотографиях и трюсбах // Литературная газета*. 1956. 2 февраля.

⁴⁷⁴ См. примечание 445.

диктуемые чувством, выраженным непосредственно»⁴⁷⁵. Другие западные рецензенты обратили пристальное внимание на посредственные художественные качества книги. Так, Ирвин Хоув констатировал: «Как произведение литературы “Голый бог” стоит на исключительно низком уровне. Книга нестройна по композиции, напыщена по стилю, криклива и истерична по тону... однако “Голый бог”, подобно многим другим плохим книгам, предшествовавшим ему, может оказаться вполне полезен»⁴⁷⁶.

Советские обозреватели обрушились на «Голого бога» еще с более непримиримой критикой. В своей рецензии на книгу Изаков разоблачает «болезненный интерес» Фаста к образу современного Иуды, проводя параллели между неопубликованной повестью ренегата «От Иоанна» и «Голым богом». Предав дело коммунизма, Фаст, по мнению Изакова, следовал интересам финансового характера: «Сегодня Говарду Фасту сделают в Америке пышную рекламу. Нынешнему Фасту не грозит больше бойкот издательских и книготорговых фирм. Жить ему будет доходней и прелестней»⁴⁷⁷. Завершает свою статью Изаков ссылкой на известную в Советском Союзе пьесу Фаста: «...в наши дни Иуда тридцатью серебряниками не бросается»⁴⁷⁸.

Вторя Изакову, Николай Грибачев, с которым Фаст встречался в Нью-Йорке во время поездки в США семерых советских писателей и журналистов, выступил с острым памфлетом «Говард Фаст – псаломщик ревизионизма». В нем он сравнивал американского писателя с «мухой, внушающей желание решить санитарную проблему», а «Голого бога» с «кислой эклектической крошкой». По мнению Грибачева, Фаст в числе прочих «ренегатов», «любит длинно и путано повествовать о мотивах своего поведения», становится похожим на человека, «который каждому

⁴⁷⁵ *Schwartz H.* Review of *Naked God* // *New York Times*. 1957. December 1.

⁴⁷⁶ *Howe I.* *Captive Not Quite Freed* // *New Republic*. 1957. December 16.

⁴⁷⁷ *Изаков Б.* Две исповеди Говарда Фаста. С. 218.

⁴⁷⁸ Там же. С. 220.

встречному пытается втолковать, что новый костюм он купил, а не украл»⁴⁷⁹. «Голого бога» Грибачев причислил к книгам-однодневкам, не оправдавших надежд даже буржуазной печати: «Рецензии на книгу пока что короче воробьиного хвоста, кисловатые, и вряд ли разойдется даже первый тираж... Единственной ходячей рекламой книги Говарда Фаста стал Гарри Шварц – тот самый желтый Гарри Шварц, в жилетку которого плакался первым интервью Говард Фаст. Вот уж поистине собралась парочка!»

Платформу для ответа на травлю, устроенную «Литературной газетой», Фасту предложило Радио «Освобождение» (с 1959 г. – Радио «Свобода»). В своих мемуарах Джин Сосин так вспоминал о выступлении писателя: «Фаст согласился записать выступление на английском языке в нашей нью-йоркской студии. Мы сделали русский перевод и наложили его на оригинал, создав эффект присутствия у микрофона. Фаст нанес ответный удар за “безобразную ругань” и назвал её “выдумкой и бессовестной ложью”, добавив, что, насколько он помнит, даже Гитлера так не поносили в советской прессе: “Когда великая и могущественная страна демонстрирует дурной вкус и хулиганские замашки, это можно объяснить только пренебрежением на государственном уровне нормами цивилизованного поведения”. Затем он обратился к “миллионам читателей в Советском Союзе”, которые знают и любят его произведения: все написанное о нем в “Литературной газете” - ложь. “Эта газета, - сказал он, - всегда была послушным орудием в руках партийного руководства в его борьбе против свободного искусства и в стремлении подавить независимое мышление всех писателей страны”»⁴⁸⁰.

С 1958 г. советская пресса больше не упоминала о Фасте. Окончив кампанию по «разоблачению Иуды», в СССР предпочли забыть о нем. На Западе, напротив, тиражи произведений Фаста резко выросли. В 1990 г. Фаст

⁴⁷⁹ Грибачев Н. Говард Фаст – псаломщик ревизионизма // Литературная газета. 1958. 30 января.

⁴⁸⁰ Сосин Дж. Искры свободы. Воспоминания ветерана радио. Пер. Поленовой О. и Толстого И. Copyright 2008. С. 57.

выпустил вторую, более объемную автобиографию «Как я был красным»⁴⁸¹ - на русском до сих пор вышли только ее фрагменты⁴⁸².

Как определял сам Фаст, главное отличие «Голого бога» от «Как я был красным» состояло в то, что первая книга была написана «в ярости», вторая – «в раздумьях»⁴⁸³. Огромная временная дистанция (почти тридцать пять лет), с которой Фаст вглядывался в свое «красное» прошлое, давала ему большие преимущества. Во-первых, страсти, разожженные хрущевским докладом, заметно поутихли. Во-вторых, к 1990-м гг. исследования американского левого движения вышли на качественно другой уровень, и Фаст, сев за написание своих мемуаров в конце 1980-х, не мог избежать влияния изменившейся научной парадигмы. Модным стал автобиографический подход: опираясь на дневники, личную корреспонденцию, мемуары, историки литературы предприняли попытку восстановить «образ человека» («*humanscape*»)⁴⁸⁴, ввести в политико-институциональную историю личностное измерение. Фаст наблюдал, как в 1980-е зарождался грандиозный проект «Устная история левого движения», в котором приняли участие респонденты – рядовые члены КП, принадлежащие к разным социальным и этническим группам: темнокожие активисты, евреи, женщины, жители южных и северных штатов, горожане и жители сельской местности, иммигранты и коренные американцы⁴⁸⁵. Все они рассказывали о своем личном опыте радикальной борьбы, разочарованиях и надеждах, возлагавшихся на компартию.

Уловив интерес исследователей и публики к раскованному, непосредственному диалогу, непринуждённой беседе, Фаст соответствующим образом конструирует нарратив книги «Как я был

⁴⁸¹ *Fast H. Being Red: A Memoir. Boston, Houghton Mifflin. 1990.*

⁴⁸² *Фаст Г. Как я был красным // Дружба народов. 2001. № 10-11.*

⁴⁸³ *Wald A. Filreis A. A Conversation with Howard Fast // Prospects, An Annual of American Cultural Studies. 1995. Vol. 20. P. 511-523.*

⁴⁸⁴ Термин встречается в переписке А. Казина и Дж. Хербст, обсуждавших литературу «красных тридцатых».

⁴⁸⁵ См. подробнее *Buhle P. Kelley R. The Oral History of the Left in the United States: A Survey and Interpretation// The Journal of American History. 1989, Vol. 76. No. 2. P. 537-550.*

красным». Рассказывая о своих друзьях и врагах, успехах и поражениях, писатель педалирует идею о том, что рядовые члены КП США, не занимавшие административных позиций, были честными людьми, вступившими в борьбу за освобождение человечества. В пику историкам времен холодной войны, ставивших перед собой задачу разоблачить «русский след» и выставить американских коммунистов советскими шпионами⁴⁸⁶, Фаст утверждает: «большинство из нас никогда не были в СССР, мы мало о нем знали, еще меньше мы знали о Сталине»⁴⁸⁷. Фокус своего повествования Фаст переносит с разоблачений советского режима на «домашний» американский контекст, что было воспринято критиками, обозревавшими мемуары, как попытка реабилитировать компартию. Журналист газеты «Commentary» замечал: «Тридцать пять лет спустя Фаст написал новые мемуары, в которых он настаивает, что коммунистический взгляд на историю, которого он сам долго придерживался, по сути своей истинен. Заклятый враг для Фаста – Гарри Труман. Его он обвиняет и в развязывании холодной войны, и в маккартистских преследованиях. На Советский Союз, ошибки внутренней политики которого он охотно признает, Фаст не возлагает никакой ответственности за международную напряженность»⁴⁸⁸. Вторичная ревизия взглядов пришлась не по вкусу многим критикам, в том числе и автору наиболее исчерпывающей новейшей биографии писателя – Джеральду Сорину, аттестовавшего его мемуары как «беззастенчиво эгоцентричный портрет человека, убежденного, что он делал правильный выбор в нужное время»⁴⁸⁹.

Так или иначе, но предлагаемая Фастом в «Как я был красным» оптика позволяет проследить зреющую в нем неудовлетворенность собой, когда на публике он представлял «коммунистом-консерватором», поносящим англо-

⁴⁸⁶ *Storch R.* Moscow's Archives and the New History of the Communist Party of the United States // Perspectives on History. 2001. October. URL: <https://www.historians.org/publications-and-directories/perspectives-on-history/october-2000/moscows-archives-and-the-new-history-of-the-communist-party-of-the-united-states> (дата обращения: 01.07.2022)

⁴⁸⁷ *Fast H.* Being Red. P. 138.

⁴⁸⁸ *Radosh R.* About-Face: Being Red: A Memoir by Howard Fast // Commentary. 1991. March. P. 62.

⁴⁸⁹ *Sorin G.* Howard Fast: Life and Literature in the Left Lane. P. 383.

американский модернизм, экспериментальную современную литературу, а в кулуарах обличал своих советских товарищей-писателей во лжи. В мемуарах Фаст утверждает, что, когда в СССР он был на пике популярности, его вера в советское искусство, политику, идеологию уже была потеряна. Писатель оказался в западне. Во всем социалистическом мире его превозносили как мученика, пострадавшего от происков «охотников за коммунистами», и Фаст должен был соответствовать этому образу, оставаясь в партии удивительно долго.

В «посткоммунистический» период творчества, когда все связи с СССР были разорваны, Фаст вновь возвратился к жанру исторического романа, с которого начинал свой путь в литературу. Он писал об эпохе античности (Дочь Агриппы, 1964), средневековой инквизиции (Торквемада, 1966), американской революции (Гессиан, 1972), а в 1980-х гг. создал знаменитую пенталогию «Иммигранты», успешно экранизированную Голливудом. После своего «кронштадтского мятежа» Фасту удалось выйти из «черного списка» и продолжить зарабатывать на жизнь писательским ремеслом – а именно об этом он и мечтал, когда сочинял первые рассказы в маленькой квартире бедных родителей-эмигрантов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленный в диссертации историко-литературный материал позволяет сделать вывод о том, что Л. Хеллман, А. Мальц и Г. Фаст, сочувственно относившиеся к Советскому Союзу, за время своей жизни наблюдали многократную смену советских практик в области культурно-литературной коммуникации с США. Каждый раз смена идеологического курса СССР сопровождалась бурной реакцией западных интеллектуалов. Они либо демонстративно разрывали отношения с Советским Союзом, либо, напротив, призывали сплотиться с социалистическим миром. Не отрицая определенную степень автономности литературного процесса от исторического, мы не можем не отметить, насколько сильно гравитационное поле истории меняло художественный универсум писателей не только на тематическом, но и жанрово-формальном уровне.

Пример совершенно разных авторов – Хеллман, представительницы мира театра, Мальца – реформатора левого рассказа и показательной «жертвы» Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности (НУАС), Фаста – публициста и исторического романиста, позволяет обнаружить пружины, определявшие развитие магистральных жанров левой и социально-критической литературы США на протяжении 1930-1960-х гг. Кроме того, небезынтересными представляются особенности творческой эволюции трех исследуемых литераторов.

Драматический путь поколения Хеллман, Фаста и Мальца оказался длинным и насыщенным, а два следующих друг за другом десятилетия порой определялись совершенно разным идеологическим и культурным климатом.

1. 1930-е гг.: «Пусть сильнее грянет буря!»

В отличие от Фаста, первые серьезные шаги на литературном поприще Хеллман и Мальца пришлось на «красные тридцатые», время расцвета социально-критической, протестной, левой литературы. Очень чувствительным к социалистическим идеям оказался театр. «Theatre Union»

(1933-1937), «Лига рабочих театров Америки», бродвейский театр «Груп» (1931-1941), а затем и рузвельтовский проект «Federal Theatre» (1935-1939) открыли свои подмостки пьесам «революционного» содержания. Целая плеяда авторов, значительным образом повлиявшая на становление американской драматургии (Клиффорд Одетс, Джон Говард Лоусон, Элмер Райс), начинала свою карьеру именно в рамках подобных творческих объединений.

Показательно, что Мальц работал с наиболее радикальным американским театром «Theatre Union», создав ряд пьес о рабочих, солдатах, интеллигенции, протестующих против войны и капиталистической эксплуатации. Хеллман, однако, начинала свою драматургическую карьеру на Бродвее, ставшем в советской критике нарицательным обозначением морального и творческого разложения. Как и Хеллман, в молодости Фаст не был примером классовой сознательности – он сочинял рассказы развлекательного и романтического толка, надеясь на коммерческий успех. Таким образом, в 1930-х гг. творческие траектории Мальца, Хеллман и Фаста не пересекались. Неудивительно поэтому, что только рассказы Мальца нашли свой путь к советскому читателю в 1930-х гг. В то время в СССР американская литература была представлена такими тяжеловесами, как С. Льюис⁴⁹⁰, Э. Синклер⁴⁹¹, Э. Хемингуэй⁴⁹². Мальц же занимал более скромное положение в пантеоне американских авторов рядом с Джозефиной Хербст, Джеком Конроем, Агнес Смедли, Клодом Маккеем и др.

Выход американских интеллектуалов из компартии и разрыв контактов с СССР происходил поэтапно, и Большой террор, учиненный в 1937–1938 гг., запустил одну из первых волн «кронштадтского мятежа». По большей части разочарование настигло тех литераторов и журналистов, расцвет карьеры

⁴⁹⁰ Самые значительные романы Льюиса были переведены на русский язык еще в 1920-х гг.: «Главная улица» (1924), «Биббит» (1924), «Эрроусмит» (1925).

⁴⁹¹ В 1930 г. в СССР вышло собрание сочинений Синклера в 12 томах. На протяжении 1930-х гг. на русский язык были переведены романы «Маунтен-сити» (1931), «Римские каникулы» (1933), «Автомобильный король» (1938), отрывки из романа «Малая сталь» (1939).

⁴⁹² В 1930-х гг. лояльное отношение советской критики к Хемингуэю было обусловлено его оппозицией режиму Франко.

которых пришлось на 1920-е гг. и которые затем перешли на троцкистские и антисталинистские позиции, как, например, Макс Истмен и Юджин Лайонс. Ни Мальц, ни Хеллман, которым в то время едва исполнилось тридцать лет, не протестовали против «московских процессов», потрясших западную общественность.

Заключение советско-германского пакта о ненападении в 1939 г. запустило другую волну «кронштадтского мятежа». С началом Второй мировой войны компартия США заняла твердую изоляционистскую позицию, выступая против оказания помощи европейским странам в борьбе с Германией. Многих левых писателей и журналистов, ранее одобрявших сталинский режим, это обстоятельство не обрадовало. Например, со скандалом вышел из компартии Грэнвилл Хикс⁴⁹³, а на страницах прокоммунистического журнала «Нью Мэссес» началась полномасштабная кампания по его травле.

Именно в это время на сцене бродвейского театра Мартина Бека идет антифашистская пьеса Хеллман «Стража на Рейне», в которой сталкиваются сытые, уверенные в завтрашнем дне американцы и голодные, истощенные европейцы. Расставив приоритеты, Хеллман выступила вразрез с линией компартии, увидев в фашизме масштабную угрозу – гораздо более значительную, чем разрыв с левым движением.

В то же время Мальц размышлял противоположным образом, оправдывая советскую внешнюю политику необходимостью. Именно в этот непростой период, когда общественное мнение было на стороне Рузвельта, Мальц понял, как сложно «идти против большинства» и всем казаться врагом⁴⁹⁴. В это время он трудился над романом «Глубинный источник» о деятельности подпольной коммунистической ячейки, опираясь на уже существовавшую традицию пролетарского романа. К 1940 г. мода на левую

⁴⁹³ Партийное руководство дало Хиксу понять, что «если он не считает возможным выступить за пакт, то ничего, кроме как покинуть партию, ему не остается». См. Hicks Gives Reason for Quitting Reds // New York Times. 1939. 28 September.

⁴⁹⁴ Maltz A. The Citizen Writer in Retrospect. P. 983.

литературу значительно уменьшилась, поэтому на американском книжном рынке «Глубинный источник» не вызвал большого ажиотажа.

2. 1940-е гг.: «Война и мир»

22 июня 1941 г. Германия напала на СССР, и американская компартия изменила свою позицию на диаметрально противоположную, выступив за оказание военной помощи странам Европы. Интересы американских коммунистов и либеральной интеллигенции совпали, и Запад начал «антифашистский крестовый поход»⁴⁹⁵. Мальц, Фаст и Хеллман приняли в нем более чем активное участие. Мальц работал над просоветскими фильмами в Голливуде, Хеллман отправилась на советский фронт, а Фаст трудился в Управлении военной информации.

Военные годы стали для Фаста переломными. Именно в это время он пишет свои популярные исторические романы о зимовке вашингтонской армии, «исходе шайеннов», Гражданской войне, просветительской и революционной деятельности Тома Пейна. Противопоставляя себя существовавшей в 1920-1930-е гг. традиции исторической прозы (М. Митчелл, Р. Кеннета, Х. Аллена), Фаст дает бой мифологизаторам, которые пытались воссоздать атмосферу эпохи и превратить исторических деятелей в «переодетых кукол и марионеток»⁴⁹⁶.

Появление исторических романов Фаста с их выраженной социально-критической доминантой было предуготовлено ведшейся в 1930-х гг. «битвой за жанры». С началом «грозовых тридцатых» не вся американская литература мгновенно «полевела» - в отдельных жанрах продвижение соцреалистических принципов шло со скрипом. Левые критики видели, как в случае исторической прозы «реакционные» силы успешно сражались за признание себя легитимными наследниками литературных и культурных

⁴⁹⁵ О рыцарях этого «антифашистского крестового похода» см. *Wald A. Trinity of Passion. The Literary Left and the Antifascist Crusade.*

⁴⁹⁶ *Fast H. History in Fiction. P. 7.*

завоеваний прошлого. Видный журналист и редактор Сэмьюэл Силлен предупреждал своих коллег: «Нет причин, по которым исторический роман, умный и живой, должен быть либо скучной проповедью, либо крикливым пересказом учебника. Но в одном я точно уверен: если мы не будем изображать правду, то конфедераты XX столетия продолжат навязывать нам свои искаженные картины – и это вредительство принесет свои плоды»⁴⁹⁷. Литературная борьба за исторический роман была лишь отдельным сюжетом, вписывающимся в общемировое культурное противостояние. «Красные тридцатые» были временем, когда страницах «Нью Мэссес» регулярно и сочувственно цитировали программное заявление генсека исполкома Коминтерна Георгия Димитрова, констатировавшего: «Фашисты снуют по закоулкам истории каждого народа, чтобы предстать наследниками и продолжателями всего возвышенного и героического... Муссолини прилагает все усилия, чтобы примазаться к героической фигуре Гарибальди. Французские фашисты встают под знамена Жанны Д'Арк. Американские фашисты апеллируют к традиции американской войны за независимость, традиции Вашингтона и Линкольна»⁴⁹⁸.

В этой «борьбе за жанры» Фаст сыграл беспрецедентную роль. Писатель смог точно выразить чаяния левых теоретиков, которые надеялись, что «прогрессивные» авторы покажут связь настоящего и прошлого, но избегут их механического уравнения, обнажат механику взаимодействия социальных сил, но не подчинятся голой социологической схеме. Новаторские для своего времени, романы Фаста возвысились над остальной американской литературой только на короткое время. На смену его социально-критической исторической прозе быстро пришел «параболический» условно-исторический роман, яркими образцами которого

⁴⁹⁷ *Sillen S. History and Fiction* P. 23.

⁴⁹⁸ *Lindsay J. The Historical Novel*. P. 16.

являются «Признания Ната Тернера» У. Стайрона и «Мартовские иды» Т. Уайлера⁴⁹⁹.

Окрыленный успехом, а с 1943 г. член компартии США, Фаст начал кипучую публицистическую деятельность, печатаясь в «Нью Мэссес», «Soviet Russia Today», «Дэйли Уоркер» и другой левой прессе. В послевоенный период он выступает как глашатай соцреалистической эстетики. Свои бои против «кастрированной»⁵⁰⁰ буржуазной литературы Фаст вел по нескольким фронтам. К концу 1940-х гг. в Америке уже образовался значительный массив антикоммунистических сочинений, написанных авторами, разочаровавшимися в СССР⁵⁰¹. Как следствие, одной из базовых задач левой литературной критики была борьба против «очернителей» прогрессивной литературы и ренегатов. Фаст, как последовательный защитник марксистской эстетики, принимал в ней активное участие, третируя Т. Фарелла, А. Кестлера, Р. Райта и др. В то же время левое литературное движение боролось с конкурирующими эстетическими школами: формалистами, «новыми поэтами», «новыми критиками». Царящий в литературе методологический плюрализм осуждался, ведь подлинно научной ценностью обладал только диалектический материализм. В 1950 г. Фаст обобщил свои эстетические взгляды в книге «Литература и действительность», о достоинствах которой впоследствии скромно отзывался даже он сам⁵⁰².

В отличие от Фаста, после войны Мальц проявил неподобающую прогрессивному писателю «реакционность». С одной стороны, он предпринял демарш против стерильной доктрины соцреализма, напечатав эссе «Что нам ждать от писателей?» Хотя дискуссии об идеологической

⁴⁹⁹ Комаровская Т.Е. Проблемы поэтики исторического романа США XX века: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.01.05. Москва, 1994. С. 12.

⁵⁰⁰ Fast H. Towards People's Standard in Art // New Masses. 1946. May 7.

⁵⁰¹ «Красное десятилетие» (1940) Юджина Лайонса, «Черный мальчик» (1945) Ричарда Райта, «Только один шторм» (1942) Грэнвила Хикса, «Отступление невозможно» (1943) Джозефа Фримена и др. См. Goodall A. From Confession to Exposure: Transitions in 1940s Anticommunist Literature // American Literature in Transition, 1940–1950. Cambridge University Press: Cambridge, 2017. P. 89-106.

⁵⁰² Sorin G. Howard Fast: Life and Literature in the Left Lane. P. 193.

миссии искусства, измельчании и вульгаризации левой критики, образе «положительного героя», исторической правде безостановочно велись в левой прессе, его статья в «Нью Мэссес» вызвала бурную реакцию товарищей по компартии. Прощтрафившийся Мальц был вынужден отказаться от своих заявлений и публично признать, что, пользуясь «однобоким, недиалектическим методом», он исказил масштаб культурных завоеваний левого движения.

В 1947 г. работа Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности вновь изменила расстановку политических сил. Под угрозой «черных списков», штрафов и тюремных заключений многие левые деятели культуры и писатели отстранились от просоветских организаций, а некоторые стали «дружественными свидетелями» (К. Одетс, Э. Дмитрык, Э. Казан).

В случае Фаста и Мальца (оба отбывали срок за неуважение к Конгрессу) антикоммунистическая кампания привела еще к большей радикализации их эстетических взглядов. С 1947 по 1950 гг. Мальц принимал участие в многочисленных конференциях, собраниях, митингах, где пламенно говорил о гражданской миссии писателя. Удалившиеся в «слоновую башню» литераторы, а тем более авторы, выразившие поддержку фашистскому или нацистскому режиму, были возведены им в ранг «предателей человечества», трусов и «падальщиков»⁵⁰³.

До заключения в тюрьму в 1950 г. Фаста – писателя более крупного и успешного, чем Мальц, приглашали в качестве делегата от США на международные конгрессы в защиту мира, которые стали своеобразной эмблемой эпохи холодной войны. Литераторы, художники, публицисты, церковные деятели стремились использовать свой репутационный капитал, чтобы реальная угроза ядерной войны не претворилась в реальность. Однако полного единения среди интеллектуалов не наблюдалось, красноречивым примером чего является проведенная в 1949 г. скандальная Уолдорфская

⁵⁰³ *Maltz A. Should Ezra Pound Be Shot? // New Masses. 1945. 25 December. P. 4.*

конференция. Как замечал журналист Сидни Хук, многие именитые спонсоры конференции были введены в заблуждение и не понимали, что «оказались не в той компании»⁵⁰⁴. Других – идейных сторонников Советского Союза – американская пресса клеймила «ошалевшим» сталинским «марионеткам»⁵⁰⁵. К ним причисляли Л. Антермаейра, Л. Хьюза, А. Миллера, Д. Хэммета, Д. Трамбо и даже Т. Манна⁵⁰⁶. Как Хеллман, так и Фаст выступили на Уолдорфской конференции в качестве «друзей СССР». Их просоветскую позицию не поколебали тревожные слухи о жестокой сталинской кампании против «безродного космополитизма» и массовых репрессиях. В свою очередь, и в СССР, где с 1946 г. стартовала мощная антиамериканская пропагандистская кампания, Мальц, Хеллман и Фаст (который стал главным героем десятилетия 1947-1957) входили в число очень немногих американских писателей, признанных в СССР, где были заклеены все бывшие друзья и симпатизанты, включая Стейнбека, Хемингуэя и Колдуэлла.

3. 1950-е гг.: «до» и «после» XX съезда ЦК КПСС.

В начале 1950-х гг. Фаст вступает в одну из самых драматичных фаз своей творческой биографии. Все коммерческие издательства в США закрыли перед ним двери, а советские публикаторы не были заинтересованы в экспериментаторских сочинениях. Как следствие, писатель обратился к формам и темам радикальной пролетарской литературы, выступив в амплуа «коммуниста-консерватора». Фаст был глубоко озабочен тем, что в угоду политической целесообразности ему пришлось свернуть со столбовой дороги литературы и переместиться на двадцать лет назад – во времена «красных тридцатых». Публично и в переписке с советскими корреспондентами он продолжал настаивать на том, что соцреализм – лучший и совершенный метод, однако про себя понимал, что оказался в творческом тупике.

⁵⁰⁴ Hook S. The Communist Peace Offensive // Partisan Review. 1951. 25 April.

⁵⁰⁵ Singer H.A. An Analysis of the New York Press Treatment of the Peace Conference at the Waldorf Astoria // The Journal of Educational Sociology. 1950. Vol. 23, No. 5. P. 267.

⁵⁰⁶ Ibid.

Популярность в СССР – а в 1950-е гг. Фаст стал столь же почитаем, как и Драйзер – не могла утешить писателя, который подвергся на родине жесткому остракизму. Разрубить этот клубок противоречий Фаст смог только после XX съезда КПСС.

Для Мальца 1950-е гг. стали не менее горьким периодом. Он эмигрировал в Мексику, где ему пришлось промышлять «литературным негритянством», так как ни одна голливудская компания не была готова открыто предложить ему контракт. Во многом Мальц занял выжидательную позицию: он не решался рвать связи с советскими литературными кругами, но и не выступал в защиту сталинского режима. Решив отойти от политики, Мальц принялся за написание романа о тюремном опыте («Длинный день короткой жизни») и серии рассказов.

Наименее травматичными 1950-е гг. оказались для Хеллман. В «черных списках» она числилась лишь номинально, и в 1950-е гг. на американской сцене с успехом шла ее «самая чеховская» пьеса «Осенний сад». Нет сомнений, что в 1950-х гг. СССР перестал быть предметом живого интереса Хеллман. Она не зависела от московских гонораров, как зависел от них Фаст, не состояла в компартии, да и связи с русскими друзьями (Р. Орловой, К. Симоновым, С. Эйзенштейном) к тому времени либо оборвались, либо значительно ослабли. Образ жизни Хеллман в 1950-е гг. и позже был совсем не похож на жизненный уклад Мальца и Фаста. По замечанию У. Райта, на вечеринках Хеллман собирался весь нью-йоркский бомонд, в том числе богатые и успешные писатели Э. Уилсон, У. Стайрон, Р. Лоуэлл, Н. Мейлер и др.⁵⁰⁷. Напротив, круг общения Мальца и Фаста составляли их товарищи по компартии, которая в начале 1950-х гг. стала похожа на «немощую секту»⁵⁰⁸.

В разгар антизападной пропагандистской кампании, пришедшейся в СССР на конец 1940 – начало 1950-х гг. писатели, маргинализированные в

⁵⁰⁷ *Wright W.* Lillian Hellman: the Image, the Woman. P. 316-317.

⁵⁰⁸ *Deery P.* Finding his Kronstadt: Howard Fast, 1956 and American Communism. P. 183.

глазах умеренной американской аудитории, то есть те, кого преследовали, притесняли в США, были «апроприированы» в советский литературный канон. Технологии этого процесса, апробированного еще в 1930-х гг., включали в себя издание собраний сочинений, композиция которых зависела от воли редактора, создание «эффекта присутствия» писателя в советской прессе, написание десятков статей, диссертаций, выпуск сборников и монографий о его творчестве⁵⁰⁹. Этот же арсенал техник был использован для популяризации Фаста и Мальца в СССР. Они неизменно фигурировали в тематических сборниках о прогрессивной литературе США (1950, 1952, 1954), а в 1951 г. вышел сборник сочинений Мальца, куда вошли его пьесы, рассказы и публицистика, в 1952 г. – сборник избранных сочинений Фаста.

Напротив, Хеллман – драматурга, имевшего прочные связи с бродвейскими театрами и коммерческими американскими издательствами, постепенно вытесняли из поля зрения советского читателя. Рецензируя ее пьесы «Леди и джентльмены» и «Осенний сад», советские критики выражали сожаление о том, что нотки пессимизма, излишняя натуралистичность, поверхностность ее анализа не могут способствовать успеху Хеллман в СССР.

По этим рельсам машина советской пропаганды в области литературы шла вплоть до 1953 г. После смерти Сталина наметились существенные «оттепельные» тенденции, достигшие своей кульминации на XX съезде КПСС, который кардинально изменил международную повестку. Это привело к тому, что с одной стороны, ряды западных писателей и публицистов, поддерживающих сталинский режим, значительно поредели. С другой – взятый Хрущевым курс на десталинизацию привел к оживлению литературного обмена между США и СССР.

«Кейс» Фаста служит яркой иллюстрацией бесповоротного разрыва отношений с коммунистическим движением. В 1955 г. советский канон американских писателей не включал в себя ни одной мировой «звезды». На

⁵⁰⁹ Панов С. И. Панова О.Ю. Теодор Драйзер – «советский зарубежный классик». С. 249–262.

фоне А. Сакстена, Л. Брауна, Ф. Боноски Фаст казался «последним из могикан», чей выход из компартии был бы огромной потерей для уже и без того деморализованного левого движения. Действительно, «кронштадтский мятеж» Фаста произвел неизгладимое впечатление на его советских корреспондентов и друзей, которым пришлось организовать целую кампанию по его дискредитации и очернению.

Разрыв Фаста с СССР приобретает символическое значение, если рассматривать его на фоне рушившегося советского канона американских писателей. Безусловно, кардинальное изменение «образа» американской литературы стало возможным не потому, что его сердцевина, центр притяжения – сам Фаст⁵¹⁰ – покинул компартию. Началась масштабная «реабилитация» жертв антизападной кампании, и в печать возвращались Хемингуэй («Старик и море», рус. пер. 1955), Стейнбек («Жемчужина», рус. пер. 1956), Андерсон (рассказы из сборников «Уайнсбург, Огайо», «Триумф яйца», «Кони и люди», «Смерть в лесу», 1959); началась публикация Фолкнера («Дым», рус. пер. 1957 и другие рассказы),

В отличие от Фаста, Мальц, не менее потрясенный секретным докладом Хрущева, не стал рвать все связи с СССР. В 1959 г. он предпринял поездку в Москву в надежде, что новый аппарат ЦК будет проводить более либеральную политику и литературные контакты с Советским Союзом можно будет сохранить. Из доклада гида Мальца явствует, что во время пребывания писателя в Москве он возложил на себя миссию переговорщика по вопросам авторского права и выражал озабоченность по поводу антисемитской риторики.

Такую умеренность во взглядах и готовность вести диалог с режимом, который себя дискредитировал, разделяли многие представители западной

⁵¹⁰ О значимости своей роли Фаст имел самые возвышенные представления. Мальц вспоминал: «Однажды, когда мы сидели в тюремном бараке, к нам подошел Фаст. Размеренным голосом он произнес: “Я долго думал и пришел к заключению, что я самый значительный американский писатель среди современников”. Тут Лайэм Бредли поперхнулся от смеха и выбежал из барака. Я же не знал, что сказать, и что-то промямлил, совершенно пораженный». См. *Maltz A. The Citizen Writer in Retrospect*. P. 801-802.

интеллигенции. Так, к примеру, У. Сароян, Дж. Олдридж, Т. Капоте не отказались от поездки в СССР в 1950-х гг., приехав «в к гости» к советской власти. Начавшаяся «оттепель» благоприятствовала и возвращению Хеллман в орбиту советского интереса. «Иностранная литература» перепечатала ее анкетный отзыв, а «Осенний сад» стал одной из любимых пьес москвичей.

4. 1960-е: «Пятая колонна»

В 1960-х гг. система советских литературных институций, значительно бюрократизированная и устаревшая, потеряла эксклюзивное право на вербовку западных писателей в «лагерь друзей СССР». Центром притяжения для многих американских литераторов стала либеральная советская интеллигенция.

Писателям и публикаторам, приезжавшим в СССР в 1960-х гг., все еще приходилось принимать участие в советских «культпоказах», практика которых была жива. Однако настоящей достопримечательностью в Москве были не образцовые роддома, тюрьмы и школы, а, например, квартира Копелева и Орловой, о которой ходили легенды. Специальный корреспондент «Washington Post» в Москве Р. Кайзер вспоминал: «Суэта, которую навоят в квартире Копелева снующие туда-сюда дети, внуки, соседи, коллеги, друзья, гости из заграницы, никогда не прекращается... У Копелева и Орловой очень много американских друзей, и это лишь некоторые: Хеллман, Стайрон, Апдайк, Артур Миллер, Герберт Голд»⁵¹¹.

Как Мальц, так и Хеллман были многолетними корреспондентами Р.Д. Орловой. Ее особый статус – она была соратницей многих правозащитников, открыто критикующих власть, но до середины 1970-х была «вписана» в систему советских литературных институций, печаталась в журналах («Иностранная литература», «Новый мир»), выпускала книги, выступала с лекциями – позитивным образом сказался на советской судьбе

⁵¹¹ *Keiser R. Afterword // Kopelev L. To Be Preserved Forever. P 264.*

произведений Хеллман и Мальца. В 1961 г. на русском языке вышел роман «Крест и стрела», и Орлова снабдила его послесловием, в котором доказывала, что появление книги в СССР не могло состояться раньше, поскольку в послевоенные годы советские люди не были готовы разрушать «собираемый образ немца с военных плакатов, который так прочно вошел в сознание миллионов людей»⁵¹².

К середине 1960-х гг., когда хрущевская «оттепель» сменилась брежневскими «заморозками», Мальц понял, что надежды на форсированную десталинизацию, которые он питал на протяжении десяти лет, не оправдались. Возмущившись процессом Синявского-Даниэля (1966), Мальц подписался на самиздатовский журнал «Хроника текущих событий» и внимательно читал каждый новый выпуск⁵¹³, представляющий собой летопись нарушений гражданских и человеческих прав.

В СССР Мальца продолжали печатать на протяжении 1960-х гг., однако на фоне битников и молодых «продолжателей традиций реалистического письма» - Херси, Чивера, Селинджера, Мейлера, Беллоу, Апдайка, Стайрона⁵¹⁴, Мальц устарел и попытки реанимировать его сочинения, выдав их за последнее слово американской литературы, – а именно это происходило во время сталинской антизападной кампании начала 1950-х гг. – не предпринимались. Показательно, что в учебнике по истории американской литературы 1971 г. имя Мальца расположили в «довоенной» главе наряду с Колдуэллом, Дос Пассосом, Стейнбеком и др. Сам Мальц не отрицал, что как автор и даже читатель отстал от современного литературного процесса. В письме Орловой от 1970 г. он сообщал: «Моя жизнь в последние десять лет была такой, что я наверняка прочел гораздо

⁵¹² Орлова Р. У глубинных источников гуманизма. С. 441.

⁵¹³ Maltz A. The Citizen Writer in Retrospect. P. 983.

⁵¹⁴ История американской литературы. Часть II. Под ред. Н. И. Самохвалова. М.: Просвещение. 1971. С. 236.

меньше американских романов, чем ты. Я не очень гожусь на роль консультанта и критика американской литературы шестидесятых»⁵¹⁵.

Напротив, в конце 1960-х гг. Хеллман совершила две поездки в СССР, после чего дала оптимистичную оценку советской политической ситуации. Она с должным пиететом отнеслась к драматичным битвам либеральной интеллигенции с советской властью. Заметив, что «никто из интеллектуалов не выступал против режима, сражаясь лишь за свое право критиковать его»⁵¹⁶, Хеллман не думала, что дискредитирующие партийную линию высказывания будут дорого стоить тем, кто на них решился. По словам биографа У. Райта, даже в постоттепельную эпоху, когда уже состоялся громкий процесс Синявского-Даниэля, в Хеллман до конца «не умер рефлекс по “защите России”»⁵¹⁷ от нападков западных критиков.

5. 1970-е: «В поисках утраченного времени»

В 1970-х гг. положение советских диссидентов, к которым Хеллман и Мальц питали большое сочувствие, значительно ухудшилось. Началась третья волна русской эмиграции, СССР покинули Бродский (1971), Солженицын (1974), Синявский (1973), Копелев и Орлова (1980), Аксенов (1980) и др. Отрывок из письма Орловой Хеллман от 23 мая 1977 г. содержит весьма красноречивое свидетельство о том, что даже «травоядный» брежневский режим казался вредоносным и опасным: «...ситуация становится все хуже и хуже. Постоянный физический страх за Льва. Всякие неприятности. С января отключили телефон. КГБ допрашивает наших знакомых. Мы пытаемся заниматься делом, как обычно, – работа (я все еще в черном списке), друзья, родственники, наш дом»⁵¹⁸.

⁵¹⁵ Щербинина О. И. Альберт Мальц и Раиса Орлова (1960-е-1970-е) // Литература Двух Америк. 2020. № 8. С. 228.

⁵¹⁶ Arnold M. Lillian Hellman Says She Found Ferment Among Soviet Writers.

⁵¹⁷ Wright W. Lillian Hellman: the Image, the Woman. P. 320

⁵¹⁸ Ф. 2548. Оп.1. Ед. хр.134.

Мальц отлично понимал, что связи с иностранцами, всегда бывшие нежелательными для советских граждан, в 1970-х гг. превращались в прямую угрозу. Надеясь на силу гласности и прессы, он выступил на страницах газеты «New York Times» в защиту Солженицына, передав ему свои советские гонорары. С Орловой и Копелевым он надеялся возобновить связь через доверенных лиц в частном порядке, но оборвавшаяся в 1974 г. переписка так и не восстановилась.

По-видимому, Хеллман хуже понимала, каким опасностям подвергали себя оставшиеся в СССР представители «инакомыслящей» интеллигенции. В письме другу семьи Орловой-Копелева, филологу Г. Глейду от 1972 г. она призывала не предаваться излишней панике: «Я только что получила письмо Раи, которое выглядит вполне спокойным; из других надежных источников я выяснила, что у Льва нет никаких проблем вообще, по крайней мере, не больше проблем, чем он мог бы ожидать. Ничего нового не произошло»⁵¹⁹.

В 1970-х гг. поколение Хеллман и Мальца играло малую роль в деле укрепления американо-советских писательских контактов. Это не удивительно – когда СССР накрыла третья волна эмиграции, Хеллман и Мальц были уже на седьмом десятке, а Фасту – их более молодому современнику – в 1974 г. исполнилось 60 лет. На излете своей жизни и карьеры все три литератора принялись «собирать камни», обратившись к жанру автобиографии и мемуаров.

Интерес к автобиографическому модусу у писателей, лояльных компартии, был неиссякаем на протяжении всего XX века. Американские и отечественные исследователи не раз пытались классифицировать многообразие мемуарных сочинений, написанных левыми авторами, терминологически определяя их как «исповедальные антимемуары», «устные автобиографии», «обращение в коммунизм»⁵²⁰. Кроме того, с 1970-х гг.

⁵¹⁹ Указано А. Абросимовой. См. Приложение // Орлова Р. Мосты (русско-американские литературные связи). Ф. 2548. Оп. 1. Ед. хр. 58. Л. 26.

⁵²⁰ Barret, J. R. Was the Personal Political? Reading the Autobiography of American Communism // International Review of Social History. 2008. Vol. 53. № 3. P. 395–423.

американские ученые-«постшестидесятники», изучающие радикальную литературу, историю левого движения, стали все чаще «обращаться к живой разноголосице, загадочным и неприглаженным историям, запечатленным в массиве опубликованных и неопубликованных текстов тех умерших людей, которые некогда населяли и оживляли институты и формации прошлого»⁵²¹. В качестве источниковой основы своих исследований они брали мемуары, интервью, дневники писателей.

Квинтэссенцией этого автобиографического подхода стал проект «Устная история левого движения», в котором Мальц принял участие в 1975-1978 гг. Транскрипт его ответов, составляющих два увесистых тома, не подвергался художественной обработке. В предисловии к изданию Ларри Сеплер отмечал: «Разговаривая с Мальцем, я всегда думал о том, каким хорошим историком он мог бы быть. Статус документа для него очень важен»⁵²².

Напротив, книга Фаста «Как я был красным» представляет собой традиционную автобиографию. В отличие от Мальца, Фаст не следует строгой дисциплине фактов, рисуя модернизированную и идеализированную картину своего прошлого. Как неважное отсекает он значительную часть своего творчества – радикальную публицистику, в которой он выступал как последовательный защитник соцреалистической доктрины, и романы, пользовавшиеся большим почетом в СССР - «Кларктон», «Подвиг Сакко и Ванцетти», «Сайлас Тимбермен».

Автобиографический проект Хеллман – самый «литературный». Хеллман не претендует на историческую достоверность излагаемых ею событий. В предисловии к «Пентименто» она излагает свою концепцию: «Когда краска на холсте стареет, она становится прозрачной. Если это происходит, то на некоторых картинах порой виден первоначальный

⁵²¹ Уолд А. Воображаемая солидарность: Октябрьская революция и левое крыло литературы США // Литература Двух Америк. 2017. URL: http://www.litda.ru/images/online-2017/Алан_Уолд_рус_онлайн_публикация.pdf. С. 10.

⁵²² *Ceplair L.* Introduction // *Maltz A.* The Citizen Writer in Retrospect. P. XI-XV.

рисунок: под платьем женщины проглядывается дерево, на месте ребенка – собака, а под огромной лодкой – открыто море. То же самое можно сказать о людях в этой книге. Сейчас краски постарели, и я хочу понять, как я думала о них в прошлом, и какими они представляются мне сейчас»⁵²³.

Таким образом, суммируя свои литературные, личные и политические достижения, Мальц, Хеллман и Фаст подводили итог достижениям своего поколения. Очаровываясь или разочаровываясь в советском проекте, выполняя литературные заказы из-за океана или выступая против навязываемых оттуда эстетических догм, создавая коммунистическую или экспериментальную литературу, эти авторы шли зигзагообразным путем болезненной творческой эволюции. Их отношения с СССР никогда не были простыми и однозначными. Рисуемый на страницах советской прессы образ Фаста, Мальца и Хеллман имел опосредованное отношение к их реальным взглядам и литературной практике, что подтверждается открытыми сейчас архивными материалами.

Проведенное исследование литературных контактов Мальца, Хеллман и Фаста с СССР позволило определить роль, которую в этом процессе играли отдельные писатели и, тем самым, до некоторой степени приблизиться к задаче, которую только предстоит решить историкам литературы, а именно, к реконструкции и анализу литературно-культурной коммуникации США и СССР на протяжении более чем 40 лет.

⁵²³ *Hellman L. Pentimento*. Scarborough, Ontario: The New American Library of Canada Limited, 1974.

БИБЛИОГРАФИЯ

Тексты

1. Fast H. Art and Politics // *New Masses*. 1946. February 26. P. 6-8.
2. Fast H. *Being Red*. Boston: Houghton Mifflin, 1990.
3. Fast H. *Citizen Tom Paine*. New York: Duell, Sloan & Pearce, 1943.
4. Fast H. Cosmopolitanism // *Daily Worker*. 1956. April 26.
5. Fast H. Culture and the Future // *New Masses*. 1945. February 6. P. 11.
6. Fast H. History in Fiction // *New Masses*. 1944. January 18. P. 7-9.
7. Fast H. A Letter from Howard Fast // *New Leader*. 1956. July 30.
8. Fast H. *Literature and Reality*. New York: International Publishers, 1950.
9. Fast H. Man's Hope // *The Daily Worker*. 1956. June 12.
10. Fast H. A Method for Tolerance // *Harper's Bazaar*. 1944. July.
11. Fast H. My Decision // *Mainstream*. 1957. March. P. 29-47.
12. Fast H. *The Naked God*. New York: Frederick Praeger, 1957.
13. Fast H. The Negro Finds His Story // *New Masses*. 1945. May 15. P. 17.
14. Fast H. On Leaving the Communist Party // *The Saturday Review*. 1957. November 16.
15. Fast H. Ordeal of Boris Pasternak // *Midstream*. 1959. 5:1. P. 38-44.
16. Fast H. *Passion of Sacco and Vanzetti, a New England Legend*. New York: Blue Heron Press, 1953.
17. Fast H. *Peekskill: USA*. New York: Civil Rights Congress, 1951.
18. Fast H. Proud to Be Black // *Negro Digest*. 1945. March.
19. Fast H. Realism and the Soviet Novel // *New Masses*. 1945. December 11. P. 16.
20. Fast H. Together with Our Soviet Allies // *Soviet Russia Today*. 1944. November.
21. Fast H. Towards People's Standards in Art // *New Masses*. 1946. May 7. P. 16-18.
22. Fast H. Who Was Tom Paine // *New Masses*. 1945. February 27. P. 23.

23. Fast H. The Writer and the Commissar // Prospectus 1:1. 1957. November.
24. Hellman L. The Collected Plays. Boston: Little, Brown, 1972.
25. Hellman L. Conversations with Lillian Hellman. Edited by Jackson R. Bryer. University Press of Mississippi, 1986.
26. Hellman L., Fiebleman P. Eating Together: Recipes and Recollections. Boston: Little, Brown and company, 1984.
27. Hellman L. Foreword // Kopelev L. To Be Preserved Forever. Philadelphia; New York: Lippincott, Cop. 1977.
28. Hellman L. I Meet the Front-line Russians // Collier's: The National Weekly. 1945. March 31.
29. Hellman L. The North Star. New York: The Viking Press, 1943.
30. Hellman L. Open Letter // Political Advertisement. 1944. October 16.
31. Hellman L. Pentimento. Scarborough, Ontario: The New American Library of Canada Limited, 1974.
32. Hellman L. Scoundrel Time. London: Macmillan, 1976.
33. Hellman L. Three: An Unfinished Woman, Pentimento, Scoundrel Time. Boston: Little, Brown, 1979.
34. Hellman L. Topics: The Baggage of a Political Exile // New York Times. 1969. August 23.
35. Maltz A. Black Pit. New York: G.P. Putnam, 1935.
36. Maltz A. The Citizen Writer, Essays in Defense of American Culture. New York: International Publishers, 1950.
37. Maltz A. The Citizen Writer in Retrospect. University of California Press, 1983.
38. Maltz A. The Cross and the Arrow. Boston: Little, Brown and Comp., 1944.
39. Maltz A. The Game // Scribners. 1936. December. P. 36-38.
40. Maltz A. The Happiest Man on Earth // The Harpers Monthly. 1938. June. P. 74-79.
41. Maltz A. The Journey of Simon McKeever. Boston: Little, Brown and Comp., 1949.

42. Maltz A. A Letter from the Country // The New Masses. 1937. August 17. P. 16-18.
43. Maltz A. Moving Forward // New Masses. 1946. April 9. P. 8-10.
44. Maltz A. On the Eve of Prison. Hollywood: The Arts, Sciences and Professions Council, 1950.
45. Maltz A. The Season of Celebration // The Flying Yorkshireman. 1938. P. 121-174.
46. Maltz A. Should Ezra Pound Be Shot? // New Masses. 1945. December 25. P. 4.
47. Maltz A. [To Be Preserved Forever] // L.A. Times. 1977. April 22.
48. Maltz A. The Underground Stream. Boston: Little, Brown and Comp., 1940.
49. Maltz A. The Way Things Are. New York: International Publishers, 1938.
50. Maltz A. What shall we ask of writers? // New Masses. 1946. February 12. P. 19-22.
51. Мальц А. Глубинный источник. М.: Воениздат, 1949.
52. Мальц А. Длинный день в короткой жизни. М.: Иностранная литература, 1958.
53. Мальц А. Заговор против народа // Литературная газета. 1949. 5 октября.
54. Мальц А. Заявление (в комиссии по расследованию антиамериканской деятельности) // Звезда. 1948. 1 января. С.147.
55. Мальц А. Избранное. М.: Гослитиздат, 1951.
56. Мальц А. Канун Нового года // Интернациональная литература. 1938. № 12. С.100-127.
57. Мальц А. Картины // Иностранная литература. 1962. №7. С. 68-78.
58. Мальц А. Крест и стрела. М.: Иностранная литература, 1961.
59. Мальц А. Мир на Земле. М.: Цедрам, 1936.
60. Мальц А. Мы будем бороться за мир в любых условиях // Правда. 1950. 19 июля.

61. Мальц А. Процессы прогрессивных деятелей Голливуда // Правда. 1948. 13 января.
62. Мальц А. Народ США – за мир! // Литературная газета. 1949. 13 апреля.
63. Мальц А. Рассказы. М.: Воениздат, 1948.
64. Мальц А. Рассказы. М.: Гослитиздат, 1952.
65. Мальц А. Рядовой Хикс // Сборник одноактных пьес. М – Л. 1937. С. 182-202.
66. Мальц А. Собака // Огонек. 1963. Март. №12. С. 12-14.
67. Мальц А. Толстой и зарубежный мир // Литературное наследство. М.: Наука, 1965. Т. 75, кн. 1. С. 199-200.
68. Мальц А. Человек на дороге // Интернациональная литература. 1935. № 4. С. 72-76.
69. Хеллман Л. Война и литература. Беседа с писательницей // Литературная газета. 1944. 2 декабря.
70. Хеллман Л. Искусство и война. Беседа с писательницей // Советское искусство. 1944. 28 ноября.
71. Хеллман Л. Игрушки на чердаке. М.: Прогресс, 1967.
72. Хеллман Л. Лисички. М.: ВУОАП, 1944.
73. Хеллман Л. Настанет день. М.: Иностранная литература, 1957.
74. Хеллман Л. Осенний сад. М.: ВУОАП, 1955.
75. Хеллман Л. Приветствие Советскому Союзу // Интернациональная литература. 1942. № 7. С. 140.
76. Хеллман Л. Пьесы. М.: Искусство, 1958.
77. Хеллман Л. Свежий ветер. М.: ВУОАП, 1956.
78. Хеллман Л. Четвертому съезду советских писателей // Четвертый съезд советских писателей СССР. Стенографический отчет. М., 1968. С. 315-316.
79. Хеллман Л. Чехов // Современная драматургия. 2009. № 1. С. 251-256.
80. Фаст Г. Голый Бог. Писатель и коммунистическая партия. Мюнхен: ЦОПЭ, 1958.

81. Фаст Г. Избранное. М.: Иностранная литература, 1952.
82. Фаст Г. Как я был красным // Дружба народов. 2001. № 10-11.
83. Фаст Г. Кларктон. М.: Военное издательство, 1950.
84. Фаст Г. Мои прославленные братья Маккавеи. М.: Захаров, 2007.
85. Фаст Г. Пикскилл, США // Новый мир. 1951. №7. С. 177-221.
86. Фаст Г. Подвиг Сакко и Ванцетти. М.: Гослитиздат, 1954.
87. Фаст Г. Последняя граница. М.: Иностранная литература, 1948.
88. Фаст Г. Сайлас Тимбермен. М.: Иностранная литература, 1955.
89. Фаст Г. Спартак // Огонек. 1952. 25 июня.
90. Фаст Г. Тони и волшебная дверь. М.: Детгиз, 1954.
91. Фаст Г. Торквемада. М.: Текст, 2008.

Исследования

92. Абросимова В. Н. Мосты: русско-американские литературные связи // Раисы Орловой полвека спустя // Литература двух Америк. 2019. № 6. С. 296-378.
93. Буйнова К.Р. Иностранная комиссия Союза писателей СССР в 1950-е гг. // Studia Litterarum. 2022. Т. 7. № 3. С. 406–429.
94. Воронченко Т.В. Социально-психологическая драма Л. Хеллман: дис. ... канд. филол. н. Моск. обл. пед. ин-т им. Н.К. Крупской. М., 1978.
95. Голубев А.В. Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов. М.: ИРИ РАН, 1998.
96. Гудков М. М. Первые советские пьесы на Бродвее: рецепция отечественной драматургии в коммерческом театре США в 1920-1930-е гг. // Литература двух Америк. 2017. № 3. С. 392-416.
97. Гудков М. М. Первый советский «Трамвай желание» // Современная драматургия. 2021. № 1. С. 237-246.
98. Гудкова В. Инерция страха и попытки прорыва: Второй съезд советских писателей // Новое литературное обозрение. 2017. № 145. С. 86–105.

99. Добренко Е. А. Поздний сталинизм: эстетика политики. М.: Новое литературное обозрение, 2020.
100. Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921-1941. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
101. Жданова Л. И. Писатель Джон Стейнбек и СССР: дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.03. Москва, 2016.
102. История американской литературы под ред. Самохвалова. М.: Просвещение, 1971.
103. Кларк К. Москва, четвертый Рим: сталинизм, космополитизм и эволюция советской культуры (1931-1941). М.: Новое литературное обозрение, 2018.
104. Комаровская Т.Е. Проблемы поэтики исторического романа США XX века: дис. ... доктора филологических наук: 10.01.05. Москва, 1994.
105. Костырченко Г. В. Сталин против космополитов. Власть и еврейская интеллигенция. М.: РОССПЭН. 2009.
106. Костырченко Г. В. Тайная политика Хрущёва: власть, интеллигенция, еврейский вопрос. М.: Международные отношения, 2012.
107. Костырченко Г. «Эх, Говард!..» - https://lechaim.ru/ARHIV/208/kostirchenko.htm#_ftn7 (дата обращения: 20.07.2022)
108. Куликова Г.Б. Иностранцы о Советском Союзе 1920-1930-х гг. М.: РГГУ, 2004.
109. Куликова Г.Б. Новый мир глазами старого. Советская Россия 1920-1930-х годов глазами западных интеллектуалов. М.: ИРИ РАН, 2013.
110. Лапина Г.В. Американские паломники в театральной Мекке: Московские театральные фестивали «Интуриста» 1933–1937 гг. // *Rossica. Литературные связи и контакты.* 2022. № 2. С. 98-132.
111. Либман В.А. Американская литература в русских переводах и критике. Библиография. 1776-1975. М.: Наука, 1977.

112. Литература двух Америк. 2017. № 3.
113. Максименков Л.В. Очерки номенклатурной истории советской литературы. Западные пилигримы у сталинского престола (Фейхтвангер и другие) // Вопросы литературы. 2004. № 2-3. С. 242-291; 274-342.
114. На переломе: образ России прошлой и современной в культуре, литературе Европы и Америки (конец XX-начало XXI в.) / Отв. ред. В. Земсков. М.: Новый хронограф, 2011.
115. Панов, С. И. Панова О.Ю. Теодор Драйзер – «советский зарубежный классик» // Филологический класс. 2021. Т. 26, № 4. С. 249–262.
116. Постижение Запада. Иностранная культура в советской литературе, искусстве и теории. 1917-1941. Исследования и архивные материалы / Отв. ред. Е.Д. Гальцова. М.: ИМЛИ РАН, 2015.
117. Россия-Германия: литературные встречи (после 1945 года) / Отв. ред-сост. Т.В. Кудрявцева, А.А. Стрельникова. М.: ИМЛИ РАН, 2022.
118. Русская литература в зеркале мировой культуры: рецепция, переводы, интерпретации / Ред. сост. М.Ф. Надъярных, В.В. Полонский. М.: ИМЛИ РАН, 2015.
119. Соцреалистический канон: Сб. статей / Под ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000.
120. Холландер П. Политические пилигримы. СПб: Лань, 2001.
121. Шатина Л.П. Драматургия Лилиан Хеллман в развитии социальной драмы Америки 30-50-х годов XX века: дис. ... канд. филол. н. Ленинград, 1983.
122. Эткинд А. М. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М.: Новое литературное обозрение, 2001.
123. Burnett C. The “Albert Maltz Affair” and the Debate over Para-Marxist Formalism in New Masses, 1945-1946 // Journal of American Studies. 2014. Vol. 48. No. 1. P. 223-250.
124. Billingsley L. Hollywood Party: How Communism Seduced the American Film Industry in the 1930s and 1940s. Rocklin, CA: Prima Publishing, 1998.

125. Brown D. *Soviet Attitudes toward American Writing*. Princeton: Princeton University Press, 1962.
126. Goldstein M. *The Political Stage*. New York: Oxford University Press, 1974.
127. Cate D. *The Fellow-Travellers: Intellectual Friends of Communism*. New Haven, CT: Yale University Press, 1988.
128. Ceplair L. Englund S. *The Inquisition in Hollywood: Politics in the Film Community, 1930-1960*. Los Angeles: University of California Press, 1980.
129. Cuenca M., Seguro M. 'Making Something Out of Nothing': Lesbianism as Liberating Fantasy in "The Children's Hour" // *Atlantis*. 2008. Vol. 30. No. 1. P. 115-127.
130. Deery P. Finding his Kronstadt: Howard Fast, 1956 and American Communism // *Australian Journal of Politics and History*. 2012. Vol. 58. No. 2. P. 181-202.
131. Deery P. *Red Apple: Communism and McCarthyism in Cold War*. New York: Fordham University Press, 2016.
132. Djagalov R. "I Don't Boast About It, but I'm the Most Widely Read Author of This Century": Howard Fast and International Leftist Literary Culture // *Anthropology of East Europe Review*. 2009. Vol. 27. No. 2. P. 40-55.
133. Fitzpatrick S. Impact of the Opening of Soviet Archives on Western Scholarship on Soviet Social History // *The Russian Review*. 2015. Vol. 74. No. 3. P. 377-400.
134. Foley B. *Radical Representations: Politics and Form in the US Proletarian Fiction, 1929-1941*. London: Durham University Press, 1993.
135. Gallagher D. *Lillian Hellman: Imperious Life*. New Haven, CT: Yale University Press, 2014.
136. Isserman M. *Which Side Were You On? The American Communist Party During the Second World War*. Middletown, CT: Wesleyan University Press, 1982.

137. Krutnik F., Stanfield P., Neale S. *Un-American Hollywood: Politics and Film in the Blacklist Era*. New York: Rutgers University Press, 2007.
138. Margulies S. R. *The Pilgrimage to Russia: The Soviet Union and the Treatment of Foreigners, 1924-1937*. Madison, WI: University of Wisconsin Press, 1968.
139. Marquardt V.H. *Center Stage: Radical Theatre in America, 1925-1934* // *Canadian Art Review*. 1992. Vol.19. No. 1/2. P. 112-122.
140. Martel H. *The Problem of German Evil in «The Cross and Arrow»* // *Worker*. 1945. March 18.
141. May T. *(Re)placing Lillian Hellman: Her Masculine Legend and Feminine Discourse* // *Journal of American Drama and Theatre*. 1999. Vol. 11. No. 2. P. 17-41.
142. Mickenberg J. *American Girls in Red Russia: Chasing the Soviet Dream*. Chicago; London: University of Chicago Press, 2017.
143. Mellen J. *Hellman and Hammett: The Legendary Passion of Lillian Hellman and Dashiell Hammett*. New York: Harper Perennial, 1997.
144. Rideout W. B. *The Radical Novel in the United States, 1900-1954: Some Interrelations of Literature and Society*. New York: Columbia University Press, 1992.
145. Ritchie D. Watson Jr. *Lillian Hellman's "The Little Foxes" and the New South Creed: An Ironic View of Southern History* // *The Southern Literary Journal*. 1996. Vol. 28. No. 2. P. 59-68.
146. Rubenstein J. *Tangled Loyalties: The Life and Times of Ilya Ehrenburg*. New York: Basic Books, 1996.
147. Shulman R. *The Power of Political Art: The 1930s Literary Left Reconsidered*. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 2000.
148. Sorin G. *Howard Fast: Life and Literature in the Left Lane*. – Bloomington, IN: Indiana University Press, 2012.
149. Zheutlin B., Talbot D. *Albert Maltz: Portrait of a Hollywood Dissident* // *Cineaste*. 1978. Vol. 8. No. 3. P. 2-15.

150. Wald A. *Trinity of Passion: The Literary Left and the Antifascist Crusade*. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 2007.
151. Wald A. *American Night: The Literary Left in the Era of the Cold War*. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 2012.
152. Wald A. *Exiles from the Future Time: The Forging of the Mid-Twentieth-Century Literary Left*. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 2012.
153. Wertheim A. *Staging the War: American Drama and World War II*. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2004.
154. Westbrook B. *Fighting for What's Good: Strategies of Propaganda in Lillian Hellman's "Negro Picture" and "The North Star" // Film History*. 1990. Vol. 4. No. 2. P. 165-178.
155. Wright W. *Lillian Hellman: The Image, The Woman*. New York: Simon and Schuster, 1986.

Пресса, публицистика и литературная критика

156. Абрамов А. Роман и его инсценировки. О двух постановках “Дороги свободы” Г.Фаста // *Театр*. 1952. № 7. С. 55-66.
157. Альберт Мальц и Ричард Райт – лауреаты премии О. Генри // *Интернациональная литература*. 1939. № 1. С. 231-232.
158. Анисимов И. В защиту мира // *Прогрессивная литература стран капитализма в борьбе за мир*. М.: Издательство Академии наук СССР, 1952. С. 5-79.
159. Аникст А. Роман о честных людях Америки // *Знамя*. 1955. № 5. С. 181-183.
160. Афанасьев П. О «добрых и злых» плантаторах // *Театр*. 1949. № 12. С. 95-98.
161. Бакланов Г. Обязанность быть человеком // *Иностранная литература*. 1962. № 1. С. 251-254.
162. Балашов П. Пьеса о шпионах // *За рубежом*. 1935. № 22. С. 182.

163. Балашов П. Успех молодого новеллиста // Интернациональная литература. 1939. №7-8. С. 171-173.
164. Бухвальд Н. Театральный сезон в Нью-Йорке // Правда. 1935. 31 марта.
165. Галанов Б. Дорога свободы Гидеона Джексона // Знамя. 1949. № 11. С. 189-192.
166. Галанов Б. Пикскилл нельзя забыть // Знамя. 1951. № 9. С. 185-189.
167. Гансовский С. От имени американских трудящихся // Звезда. 1952. №3. С.180-183.
168. Голышева Е. Возвращение Лилиан Хеллман // Иностранная литература. 1975. № 4. С. 205-209.
169. Грибачев Н. Говард Фаст – псаломщик ревизионизма // Литературная газета. 1958. 30 января.
170. Гроу М. Съезд американских писателей. // Литературная газета. 1939. 5 июля.
171. Дезертирство под огнем. По страницам прогрессивной печати США // Литературная газета. 1957. 24 августа.
172. Дубашинский И. Говард Фаст // Современная прогрессивная литература зарубежных стран в борьбе за мир. М.: Изд-во Московского университета, 1954. С. 181-223.
173. Елистратова А. Дело Моррисона // Литературная газета. 1952. 19 августа.
174. Елистратова А. Новаторство Говарда Фаста // Иностранная литература. 1955. № 3. С. 202-210.
175. Елистратова А. Новый роман Говарда Фаста [Сайлас Тимбермен] // Литературная газета. 1954. 2 октября.
176. Жданов А. Речь на Первом Всесоюзном съезде советских писателей // Стенографический отчет первого всесоюзного съезда советских писателей. М.: Художественная литература, 1934. С. 2-5.
177. Изаков Б. Две исповеди Говарда Фаста // Иностранная литература. 1958. № 2. С. 214-220.

178. Изаков Б. Мужество, побеждающее смерть // Новое время. 1953. № 42. С. 28-31.
179. Кислова Л. Прогрессивные деятели Голливуда и американская реакция // Прогрессивная литература стран капитализма в борьбе за мир. М.: Издательство Академии наук СССР, 1952. С. 352-372.
180. Котен Б. Три месяца рядом с ним // Константин Симонов в воспоминаниях современников. М.: Советский писатель, 1984.
181. Кулаковская И. Лилиан Хеллман. К 50-ти летию со дня рождения // Советская культура. 1955. 19 июля.
182. Материалы к вечеру, посвященному 50-летию со дня рождения А. Мальца. М.: ВГИБЛ, 1958.
183. Мендельсон М. Гидеон Джексон и другие // Новый мир. 1947. № 5. С. 150-167.
184. Мендельсон М. Говард Фаст и его книга // Знамя. 1948. № 9. С.183-189.
185. Мендельсон М. Передовые писатели США // Литературная газета. 1947. 10 декабря.
186. Мендельсон М. Хеллман и Пристли на московской сцене // Театр. 1945. № 2. С. 14-19.
187. Мендельсон М. Четыре дня в Кларктоне // Литературная газета. 1948. 21 апреля.
188. Немеровская О. Борьба принимает новые формы // Звезда. 1950. №5. С. 187.
189. Орлова Р. Копелев Л. Мы жили в Москве. М.: Книга, 1990.
190. Орлова Р. Копелев Л. Мы жили в Кельне. Харьков: Права Людини, 2012.
191. Орлова Р. «Неприятные» пьесы // Иностранная литература. 1967. № 4. С. 264-266.
192. Орлова Р. Творчество Говарда Фаста и его книга «Подвиг Сакко и Ванцетти» // Молодой коммунист. 1954. № 4. С. 116-120.

193. Павленко П. Американские впечатления // Павленко П. Собр. соч. Т. 5. М.: ГИХЛ, 1955.
194. Павленко П. Писатель и жизнь: статьи, воспоминания из записных книжек, письма. М.: Советский писатель, 1955.
195. Полевой Б. Американские дневники. М.: Советский писатель, 1956.
196. Первенцев А. Говард Фаст // Литературная газета. 1953. 22 декабря.
197. Премии имени О.Генри // Литературная газета. 1938. 31 декабря.
198. Репертуар американских левых театров // Литературная газета. 1936. 5 июня.
199. Смирнов Б. Традиция русской классической драмы и драматургия Лилиан Хеллман // Записки о театре. Л.–М.: Искусство, 1960. С. 284-305.
200. Смирнов С. Книга о борьбе простых людей Америки // Новый мир. 1951. № 1. С. 255-248.
201. Хмельницкая Т. Новеллы Альберта Мальца // Ленинград. 1940. №3. С. 21-22.
202. Atkenson B. Hellman's Watch on Rhine // New York Times. 1941. April 13.
203. Brooks A. "Children's Hour" // New York Times. 1952. December 28.
204. Brooks A. First Night At the Theatre: Lillian Hellman Dramatizes Middle-Aged People in "Autumn Garden" // New York Times. 1951. March 8.
205. Brooks A. The Play: "Black Pit," Being Albert Maltz's Drama of Cool Miners in West Virginia // New York Times. 1935. March 21.
206. Brooks A. [Review] // New York Times. 1932. April 12.
207. Brown Max Controversy on "What shall we ask of writers?" // The Communist Review. 1946. October.
208. Coe R. L. A Reluctant Confession: An Unfinished Woman by Lillian Hellman // The Washington Post. 1969. July 21.
209. Gelb A. Lillian Hellman Has Play Ready // New York Times. 1959. November 9.
210. John Anderson [Review] // New York Journal. 1932. April 12.

211. An Interview with A.I. Solzhenitsyn // A Chronicle of Current Events. 1972. May 20.
212. Irwin D. Lillian Hellman Refuses to Say If She Was Red // New York Herald Tribune. 1952. May 22.
213. [Lillian Hellman, After USSR Trip, Hits Soviet-Baiters] // Daily Worker. 1945. February 24.
214. Lyons E. An Open Letter to Howard Fast // New Leader. 1956. July 9.
215. Maltz Offers Funds to Solzhenitsyn // New York Times. 1972. December 11.
216. Magill A.B. "He Affirms Socialist Beliefs But Severs Communist Ties" // Daily Worker. 1957. March 10.
217. Meltzer M. Hollywood Does Right By "Little Foxes" // Sunday Worker. 1941. August 24.
218. Moon B. Mr. Fast Surveys the "Tragic Era": Freedom Road // New York Times. 1944. August 27.
219. [Not Now Communist, Lillian Hellman Says] // The Washington Post. 1952. May 22.
220. Peck S. Lillian Hellman Talks of Love and "Toys" // New York Times 1960. February 21.
221. Pegler W. Fair Enough // Washington Times-Herald. 1945. April 24.
222. Peters Attacks Broadway «Smut and Corruption» // Columbia Daily Spectator. 1935. March 26.
223. Platt D. Lillian Hellman's Fine Anti-Fascist Film // The Worker. 1946. July 14.
224. Robert Garland [Review] // New York Telegram, 1932, April 12.
225. [Russia Acclaimed by Miss Hellman] // New York Times. 1945. March 2.
226. Salisbury H. E. Writers in the Shadow of Communism // New York Times. 1957. June 9.
227. Sillen S. Dramatic Realism // The New Masses. 1938. July 26.

228. Sillen S. Howard Fast's New Novel "Clarkton". Story of Labour Struggles Today // Daily Worker. 1947. September 11.
229. Schwartz H. [Howard Fast] // New York Times. 1957. February 1.
230. Schwartz H. Reds Renounced by Howard Fast // New York Times. 1957. February 1.
231. Stalin Peace Prize Awarded to Howard Fast, Moscow Says // The Washington Post. 1953. December 21.
232. Strauss H. The Underground Stream and Other New Fiction // New York Times. 1940. July 7.
233. Walzer M. The Travail of the US Communists // Dissent. 1956. Vols. 3, 4.

Архивные материалы

234. Абрамов А.И. Рецензия на пьесу Мальца «Рядовой Хикс». РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед.хр. 495.
235. А. Мальц «Черная шахта». Пьесы в 3 актах. Пер. с англ. А. Курс. Сопроводительные документы. РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 2. Ед. хр. 548.
236. Запись беседы консультанта Иностранной комиссии Союза советских писателей с А. Мальцем. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед.хр. 3984.
237. Мальц А. Выступление на конференции прогрессивных граждан Америки в Нью-Йорке. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед.хр. 1141.
238. Мальц А. О Максиме Горьком. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед.хр. 1179.
239. Мальц А. Пьесы. Сопроводительные документы. РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 3. Ед. хр. 3616.
240. Морозов М. Новая пьеса Лилиан Хеллман. РГАЛИ. Ф. 619. Оп. 1. Ед. 1348.
241. Орлова Р. Рецензия на роман Мальца «Длинный день в короткой жизни». РГАЛИ. Ф. 1573. Оп. 1. Ед.хр. 795.
242. Отчет консультантов Иностранной комиссии ССП о пребывании в СССР А. Мальца. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед.хр. 3977.

243. Переписка редакции журнала «Интернациональная литература» с А. Мальцем. РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 583.
244. Письма А. Мальца Р. Орловой. РГАЛИ. Ф. 2548. Оп. 1. Ед. хр. 92.
245. Переписка с редакцией Иностранной литературы об экранизации произведений Мальца. РГАЛИ. Ф. 1573. Оп. 3. Ед. хр. 228.
246. Переписка с Союзом Писателей СССР о поездке МАЛЬЦА? в СССР. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4014.
247. Переписка с Союзом Писателей СССР об антисоветской позиции Г. Фаста. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3916.
248. Переписка с Союзом Писателей СССР по вопросам авторского права. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3876.
249. Переписка с Союзом Писателей СССР о литературной жизни в США. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3819.
250. Переписка с Союзом писателей об общественно-политической жизни в США. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3955.
251. Письма А. Мальца С.М. Эйзенштейну. РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 1944.
252. Письма А. Мальца и Ж. Скляра. РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 2. Ед. хр. 2017.
253. Письмо А. Мальца о демонстрации в США советского фильма «Битва под Сталинградом». РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1095.
254. Письма А. Мальца М.Я. Аплетину. РГАЛИ. Ф. 2876. Оп. 1. Ед. хр. 121.
255. Письма А. Мальца. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4201.
256. Письмо А. Мальца Тихонову. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1179.
257. Письмо А. Мальца Сучкову Б. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1095.
258. Письмо Г. Фаста В. Черткову. РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Ед. хр. 2704.
259. Письмо А. Мальца М. Шульману. РГАЛИ. Ф. 2849. Оп. 3. Ед. хр. 621.
260. Рубин В. Рецензия на роман «Глубинный источник». РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 517а.
261. Фаст Г. Годы борьбы. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3799.

262. Фаст Г. Интеллигенция в борьбе за мир. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед.хр. 1148.
263. Фаст Г. Литература и действительность. Статья. РГАЛИ. Ф. 1702. Оп.4. Ед.хр. 1851.
264. Фаст Г. Мой отец. Эссе. РГАЛИ. Ф. 1573. Оп.1. Ед.хр. 11.
265. Фаст Г. О роли критики. Анатомия Ужаса. РГАЛИ. Ф. 1573. Оп. 1. Ед.хр. 987.
266. Фаст Г. Открытое письмо Луи Арагону. РГАЛИ. Ф. 634. Оп. 3. Ед.хр. 180.
267. Фаст Г.Открытые письма. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед.хр. 3772а.
268. Фаст Г. Переписка с П.А.Павленко. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3778.
269. Фаст Г. Переписка с А.А.Фадеевым. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед.хр. 1169.
270. Фаст Г. Переписка с СП СССР. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26.Ед. хр. 3789.
271. Фаст Г. Переписка с СП СССР. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26.Ед. хр. 3805.
272. Фаст Г. Переписка с СП СССР. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26.Ед. хр. 3886.
273. Фаст Г. Переписка с СП СССР. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26.Ед. хр. 3845.
274. Фаст Г. Переписка с СП СССР. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26.Ед. хр. 3921.
275. Фаст Г. Письма В.П. Беляеву. РГАЛИ. Ф. 3134. Оп.1. Ед.хр. 959.
276. Фаст Г. Письма А.А. Фадееву. РГАЛИ. Ф. 1628. Оп. 2. Ед. хр. 1239.
277. Фаст Г. Публицистические заметки. РГАЛИ. Ф. 1573. Оп. 2. Ед. хр. 68.
278. Фаст Г. Реализм и советский роман. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1073.
279. Фаст Г.Спор об искусстве. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3864.
280. Фаст Г. Статья о Нью-Йоркском конгрессе мира. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1148.
281. Хеллман Л. Видеть непреходящее в человеке. РГАЛИ. Ф. 1573. Оп.3. Ед. 957.
282. Хеллман Л. Записка к С.Г. Биргман. РГАЛИ. Ф. 2046. Оп.3. Ед. 15.

283. Хеллман Л. Интервью о поездке в СССР. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. 1103.
284. Хеллман Л. Письма А. А. Аниксту. РГАЛИ. Ф. 3116. Оп.1. Ед. 441.
285. Хеллман Л. Письма Р.Д. Орловой. РГАЛИ. Ф. 2548. Оп.2. Ед. 169.
286. Хеллман Л. Письмо СП СССР. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. 3887.
287. Хеллман Л. Письма А.А. Фадееву. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. 1158.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ

288. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП (б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917-1953. Под ред. А.Н. Яковлева / сост. А.Н. Артизов, О.В. Наумов. М.: Международный фонд "Демократия", 1999.
289. Первый Всемирный конгресс сторонников мира. Париж-Прага, 20-25 апреля 1949 года. М.: Гос. изд. политической литературы, 1950.
290. Hearings before the Committee of Un-American Activities. URL: <http://historymatters.gmu.edu/d/6440/> Investigation relating to health conditions of workers employed in the Construction and Maintenance of Public Utilities. URL: http://www.english.illinois.edu/maps/poets/m_r/rukeyser/investigation.htm (accessed: 01.03. 2022).
291. Journal of the Senate, Legislature of the State of California: California State Printing Office, 1951.
292. Report of Joint Fact-Finding Committee on Un-American Activities. 1943. URL: <https://aclu.procon.org/sourcefiles/california-senate-report-un-american-activities-1943.pdf> (accessed: 01.03. 2022).
293. Review of the Scientific and Cultural Conference for World Peace. Washington DC: Committee of Un-American activities, 1949.